Проф. С. М. Кульбакинъ.

УКРАИНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ И МОРФОЛОГІИ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло“, Конторская ул., 21/23.
1919.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задуманный мною еще въ 1911 году планъ выпустить рядъ научныхъ грамматикъ словянскихъ языковъ, которыя бы могли служить пособіемъ въ университетскомъ преподаваніи, силою внѣшнихъ обстоятельствъ задерживается осуществленіемъ и видоизмѣняется въ смыслѣ порядка выпусковъ. Послѣ выхода пособій по древне-церковно-словянскому и сербскому языкамъ на очереди стояла польская грамматика. Но событія послѣднихъ лѣтъ, отразившіяся въ университетскомъ преподаваніи учрежденіемъ каѳедръ украиновѣдѣнія, выдвинули на первую очередь въ моемъ планѣ тему, которая первоначально стояла отъ меня дальше всѣхъ другихъ.

Какъ ни смотрѣть на вопросъ объ украинскомъ языкѣ съ политической стороны, но интересъ къ этому языку, несомнѣнно, возросъ необычайно; языкъ этотъ сталъ предметомъ спеціальнаго преподаванія въ высшей и средней школѣ и въ то же время предметомъ вниманія со стороны извѣстныхъ круговъ образованнаго общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что намѣченная самой жизнью тема едва ли не наименѣе разработанная въ кругу другихъ подобныхъ темъ науки словянскаго языкознанія.

Наши лучшіе научные труды по исторіи русскаго языка не выдѣляютъ вопросовъ украинскаго языка въ особый предметъ.

Объемистый трудъ Шахматова можно разсматривать, какъ исторію русскаго языка, или же какъ сравнительную грамматику трехъ русскихъ языковъ; но если понадобится указать хотя бы краткое пособіе къ университетскому курсу, посвященному спеціально украинскому языку,— мы окажемся въ затрудненіи. Мы вынуждены будемъ выбирать между почтеннымъ, но неоконченнымъ трудомъ Крымскаго, въ высшей степени неудобнымъ со стороны плана, порядка и характера изложенія (на русскомъ языкѣ), и грамматикой на нѣмецкомъ языкѣ Смаль-Стоцкаго и Гартнера, трудомъ также почтеннымъ, но имѣющимъ въ своей основѣ совершенно невѣрную точку зрѣнія на украинскія языковыя явленія и такъ ихъ освѣщающимъ, что трудно рѣшить, отражается ли въ этомъ освѣщеніи незнаніе общеизвѣстныхъ фактовъ, или же тенденціозное ихъ игнорированіе.

Между тѣмъ отсутствіе подходящаго пособія къ университетскому преподаванію отражается не только на немъ самомъ, но и на качествахъ преподаванія предмета въ средней школѣ и на учебникахъ, которые составляются для этой послѣдней.

При такихъ обстоятельствахъ я рѣшился обработать и издать свой краткій курсъ, читанный въ маѣ этого года на подготовительныхъ курсахъ для инструкторовъ по преподаванію украинскаго языка.

Въ этомъ курсѣ я употребляю оффиціальный терминъ „украинскій языкъ“, считая терминологію второстепеннымъ дѣломъ и стремясь лишь къ тому, чтобы существо дѣла было представлено въ правильномъ съ научной точки зрѣнія свѣтѣ.

Вопросъ терминологіи, обычно, связываютъ съ вопросомъ политическимъ; термину *украинскій языкъ* противуполагаютъ терминъ *малорусское нарѣчіе*.

Съ первымъ связываютъ нерѣдко признаніе извѣстныхъ правъ украинскаго языка и народа, которыя отрицаются обыкновенно тѣми, кто предпочитаетъ второе выраженіе—*малорусское нарѣчіе*.

Спору о томъ, представляетъ ли украинскій или малорусскій—*языкъ* или *нарѣчіе*, придаютъ политическій характеръ; въ терминѣ *нарѣчіе* видятъ иногда основаніе для отрицанія правъ народа на самостоятельное культурное развитіе или на самостоятельную государственную жизнь.

Съ другой стороны, съ терминомъ *языкъ* иногда связаны не только извѣстные политическіе тезисы, но и неправильныя научныя представленія объ отношеніи украинскаго къ великорусскому и бѣлорусскому, о положеніи его въ семьѣ словянскихъ языковъ.

Между тѣмъ для всякаго ученаго языковѣда ясна условность терминовъ *языкъ* и *нарѣчіе* и невозможность связывать съ научными вопросами вопросы политическіе.

Не отрицая правъ украинскаго языка на самостоятельное культурно-историческое значеніе, на роль органа національной литературы и науки, предоставимъ жизни, общимъ историческимъ условіямъ рѣшить политическій вопросъ.

Но въ научномъ освѣщеніи фактовъ украинскаго языка единственно правильной точкой зрѣнія является признаніе болѣе тѣсной связи украинскаго языка съ великорусскимъ и бѣлорусскимъ языками, чѣмъ съ иными словянскими, иначе говоря признаніе научной гипотезы прарусскаго языкового единства,—эпохи общей жизни украинскаго, великорусскаго и бѣлорусскаго языковъ. Эта точка зрѣнія и лежитъ въ основѣ настоящей работы.

Въ заключеніе замѣчу, что книжка была готова еще лѣтомъ, но типографская забастовка задержала ея выходъ на 3 мѣсяца.

13 декабря
1918 г.

I. ВВЕДЕНІЕ.

1. Украинскій языкъ и его территорія.

§ 1. Украинскимъ языкомъ говоритъ словянскій народъ, занимающій по численности второе мѣсто въ словянской семьѣ народовъ: первое занимаютъ великоруссы.

Трудно въ настоящее время съ точностью установить цифру украинцевъ, но приблизительно ее вычисляютъ въ 35 милліоновъ.

Нидерле въ своей извѣстной книгѣ „Обозрѣніе современнаго славянства" 28 с.—въ 1909 г. съ большой осторожностью заключилъ свои соображенія по этому вопросу словами: „быть можетъ, они дѣйствительно достигаютъ до 30 милліоновъ". Грушевскій въ 1906 г. насчиталъ украинцевъ до 34 милліоновъ; Нечуй-Левицкій въ 1905 г. считалъ ихъ больше: 37, 206, 000.

§ 2. Территорія украинскаго языка,—если оставить въ сторонѣ украинскихъ эмигрантовъ, живущихъ на чужбинѣ, представляетъ обширныя пространства, въ политическомъ отношеніи дѣлящіяся на двѣ неравныхъ части: бо́льшая часть образуетъ въ настоящее время особое украинское государство, меньшая входитъ въ составъ Австро-Венгріи.

Со всѣхъ почти сторонъ украинскій народъ окруженъ близкородственными народами,—словянскаго корня,—и потому границы его территоріи въ отношеніи языковомъ не всегда могутъ быть опредѣлены увѣренно и строго.

На сѣверѣ украинцы примыкаютъ непосредственно къ бѣлоруссамъ. Тутъ украинскій языкъ связываетъ съ сосѣднимъ бѣлорусскимъ узкая полоса переходныхъ отъ украинскаго къ бѣлорусскому говоровъ Гродненской, Минской и Черниговской губерній.

На сѣверо-востокѣ и востокѣ сосѣдями украинцевъ являются великоруссы. Граница между тѣми и другими, начинаясь въ южной части Трубчевскаго уѣзда Орловской губ., можетъ быть *приблизительно* намѣчена линіей, проходящей черезъ Сѣвскій уѣздъ Орловской губ., Глуховъ, Суджу, Бѣлгородъ, Корочу, Коротоякъ, Павловскъ, Богучаръ (съ загибомъ сѣвернѣе Богучара), Луганскъ, ст. Старочеркасскую, откуда граница спускается на югъ къ Кубани, доходя до Ставрополя.

Точнѣе см. на картѣ.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Курской губерніи и Области Войска Донского наблюдаются при этомъ говоры, переходные отъ украинскаго къ великорусскому (южно-великорусскому).

На западѣ украинцы сосѣдятъ со словянскимъ народомъ, занимающимъ третье мѣсто по численности въ словянскомъ мірѣ,—съ поляками. Польско-украинская граница идетъ отъ Суража и Бѣльска на югъ къ зап. Бугу, отсюда черезъ Радинъ къ Вепржу, затѣмъ спускается къ Сану и по Сану до Санока, затѣмъ сворачиваетъ на западъ къ Дунайцу и между Попрадомъ и Дунайцемъ входитъ въ Венгрію.

Далѣе начинается уже граница украинскаго языка со словацкимъ, который является словянской языковой вѣтвью, ближайше родственной чешскому языку.

Граница со словацкимъ идетъ извилистой линіей въ юго-восточномъ направленіи по южнымъ склонамъ Карпатъ приблизительно до г. Ужгорода. Отсюда приблизительно до г. Сигета въ томъ же юго-восточномъ направленіи идетъ граница съ мадьярами, а далѣе по р. Вишовѣ и на востокъ, перерѣзая верховья Серета и Прутъ, къ Днѣстру—съ румынами.

Ср. Дурново Опытъ §§ 11, 13, 15, 54, 69, 86, 90. Карта—Дурново при его Опытѣ и Нидерле при его «Обозрѣніи современнаго славянства».

2. Положеніе украинскаго языка среди другихъ словянскихъ.

§ 3. Всякій языкъ,—французскій, англійскій и т. д.,—представляетъ не строго единое цѣлое, одинаковое на всемъ протяженіи языковой территоріи, а сложную совокупность нарѣчій и говоровъ, различающихся между собою тѣми или другими чертами въ звукахъ, формахъ и выборѣ выраженій. То общее, что находимъ во всѣхъ этихъ говорахъ, въ отличіе ихъ отъ другихъ совокупностей говоровъ, мы объединяемъ въ понятіе „языкъ".

Въ житейскомъ обиходѣ подъ тѣмъ или другимъ языкомъ, обычно, разумѣютъ литературный языкъ даннаго народа. Но литературный языкъ есть лишь оффиціальный представитель той совокупности нарѣчій и говоровъ, которые образуютъ объемъ понятія даннаго языка.

Всякій литературный языкъ всегда представляетъ книжную обработку *какого либо одного* народнаго нарѣчія, которое, благодаря своей исторической роли, становится общимъ языкомъ для всѣхъ частей даннаго народа, объединяя ихъ въ одно культурное и національное цѣлое.

Очевидно отсюда, что при научномъ, историческомъ изученіи того или другого языка нельзя ограничиться фактами литературной рѣчи

т. е. одного лишь нарѣчія даннаго языка. Народныя нарѣчія, не получившія литературной обработки, весьма часто хранятъ факты глубокой старины, безъ знанія которыхъ нельзя понять и факты литературнаго языка. Слѣдовательно, и при изученіи украинскаго языка, которое ставитъ себѣ задачей освѣтить исторически его явленія, мы должны имѣть въ виду всю совокупность говоровъ этого языка, а не только факты литературнаго украинскаго языка.

§ 4. Первый вопросъ, который является при постановкѣ только что указанной научной задачи, это—вопросъ, *какое положеніе занимаетъ украинскій языкъ среди другихъ словянскихъ*.

Въ житейской практикѣ вопросъ этотъ, обыкновенно, ставится въ нѣсколько иной формѣ:—что собственно представляетъ собою украинская рѣчь,—языкъ или нарѣчіе?

Однако, такая формулировка сбивчива по смыслу и кроетъ въ себѣ нѣкоторое недоразумѣніе.

Языкъ и нарѣчіе противупоставляются въ двухъ отношеніяхъ: 1) какъ литературная рѣчь рѣчи народной и 2) какъ понятіе родовое понятію видовому.

Рѣчь крестьянина Московской губерніи называютъ московскимъ нарѣчіемъ, рѣчь образованнаго москвича—языкомъ. Но въ этомъ смыслѣ украинская рѣчь можетъ быть, очевидно, названа языкомъ, такъ какъ она извѣстна не только въ народномъ употребленіи, но и въ литературной обработкѣ. Если же имѣть въ виду термины „языкъ" и „нарѣчіе", какъ понятія родовое и видовое, то ясно, что значеніе этихъ понятій—относительное.

Нѣтъ абсолютной мѣрки для опредѣленія языка и нарѣчія. Если имѣть въ виду отношеніе украинскаго къ великорусскому или бѣлорусскому, то должно назвать украинскій—языкомъ. Если же имѣть въ виду отношеніе украинскаго къ тому предполагаемому *прарусскому* языку, изъ котораго выдѣлились и украинскій, и великорусскій, и бѣлорусскій, то можно назвать украинскій—нарѣчіемъ. Можно говорить о трехъ русскихъ нарѣчіяхъ: великорусскомъ, бѣлорусскомъ и украинскомъ, которыя на протяженіи вѣковъ развились въ три самостоятельныхъ языка.

Въ такомъ же точно смыслѣ можно говорить о *словянскихъ нарѣчіяхъ*, имѣя въ виду отношеніе словянскихъ языковъ къ предполагаемому прасловянскому языку, изъ котораго на протяженіи вѣковъ выдѣлились и сложились въ самостоятельные языки, въ сложныя совокупности говоровъ нынѣшніе потомки прасловянскихъ говоровъ—языки болгарскій, сербскій, чешскій, польскій и т. д.

§ 5. Тутъ мы подходимъ къ вопросу, отъ рѣшенія котораго зависитъ точное опредѣленіе того положенія, которое занимаетъ украинскій языкъ среди другихъ словянскихъ.

Вопросъ этотъ формулируется такъ: имѣемъ ли мы право предполагать *прарусскую языковую эпоху*, т. е. эпоху языкового единства великорусскаго, украинскаго и бѣлорусскаго; иначе говоря, является ли отношеніе украинскаго языка къ великорусскому и бѣлорусскому отношеніемъ *того же порядка*, что и отношеніе украинскаго къ инымъ словянскимъ языкамъ: польскому, болгарскому, сербскому и др.?

Если да (т. е. отношеніе—одного порядка), то мы должны представлять себѣ прасловянскій языкъ, какъ группу говоровъ—предковъ нынѣшнихъ словянскихъ языковъ, и среди нихъ наряду съ говоромъ болгарскимъ (предкомъ болгарскаго языка), говоромъ сербскимъ и т. д.—говоры великорусскій, украинскій и бѣлорусскій, развившіеся потомъ въ великорусскій, украинскій и бѣлорусскій языки.

Если нѣтъ (т. е. отношеніе—не одного порядка), то должно представлять себѣ въ прасловянскомъ языкѣ среди другихъ говоровъ одинъ русскій говоръ, который является общимъ предкомъ великорусскаго, украинскаго и бѣлорусскаго языковъ.

Вопросъ, такимъ образомъ, достаточно ясенъ, и отвѣтъ на него не встрѣчаетъ разногласій среди большинства ученыхъ.

Предположеніе прарусскаго языка, т. е. эпохи единства великорусскаго, украинскаго и бѣлорусскаго языковъ, когда эти языки были говорами одного языка, переживавшими одни и тѣ же измѣненія,—это предположеніе можно считать общепринятымъ и въ русской, и въ западной наукѣ.

Правда, авторъ новѣйшей грамматики украинскаго языка, Smal-Stockyj отрицаетъ болѣе тѣсное языковое единство трехъ русскихъ языковъ, стремясь найти въ украинскомъ больше чертъ сходства съ иными словянскими языками, чѣмъ съ русскимъ (великорусскимъ). Но правъ, конечно, польскій рецензентъ этого труда Lehr (R. Sl. VII, 75 с.) говоря, что аргументы, которые приводятся въ обоснованіе такого взгляда (нѣсколько десятковъ чертъ, сопоставленныхъ въ нѣсколькихъ таблицахъ), не могутъ никого убѣдить, такъ какъ сопоставлены слишкомъ механически, безъ надлежащаго пониманія сущности языковыхъ явленій".

Lehr не сомнѣвается поэтому, „что въ наукѣ удержится господствующее въ настоящее время воззрѣніе, въ силу котораго *такъ называемые русскіе языки* разсматриваются не только географически, но и генетически какъ группа, болѣе тѣсно связанная въ кругу словянскихъ

языковъ, что, очевидно, нисколько не можетъ мѣшать признанію литературной и политической самостоятельности украинскаго языка".

Если новѣйшему взгляду Смаль-Стоцкаго необходимо противупоставить взглядъ, болѣе авторитетный, чѣмъ только что приведенный приговоръ польскаго ученаго, то достаточно было бы сослаться на Шахматова или, еще лучше, на патріарха славистики Ягича, который въ статьѣ, посвященной спорнымъ вопросамъ нашей науки, высказывается по данному вопросу слѣдующимъ образомъ: „Что всѣ русскія нарѣчія въ противупоставленіи остальнымъ славянскимъ нарѣчіямъ (если выраженіе *нарѣчіе* не нравится, можно вмѣсто него употребить *языкъ*,—для науки это дѣло второстепенное) образуютъ одно цѣлое, отличающееся многими замѣчательными чертами внутренняго единства,—это не представляетъ между языковѣдами спорнаго вопроса". ASlPh. XX (1898 г.), 33 с.

Какія же это замѣчательныя черты внутренняго единства трехъ русскихъ языковъ, черты, которыми обосновывается предположеніе прарусскаго языкового единства?

Само собою понятно, что черты эти должны удовлетворять двумъ требованіямъ: 1) онѣ должны быть основными чертами, характеризующими всю совокупность говоровъ каждаго изъ трехъ русскихъ языковъ, и 2) это должны быть черты *исконныя*, черты, которыми языки эти отличались съ древнѣйшихъ временъ, доступныхъ нашему наблюденію.

Нельзя при сравненіи украинскаго съ великорусскимъ, бѣлорусскимъ и съ другими словянскими обращать вниманіе, какъ это дѣлаетъ Smal Stockyj, на совпаденія и различія, образовавшіяся сравнительно поздно. Такъ, напримѣръ, украинское вівці и в.-р. овцѣ (дат. и мѣстн. ед. ч.) явились вмѣсто древняго *овьци* сравнительно поздно подъ вліяніемъ *руцѣ* (укр. руці); такъ же, какъ это совпаденіе, не имѣетъ значенія различіе, заключающееся въ томъ, что въ украинскомъ согласные передъ и, е тверды, а въ великорусскомъ мягки: раньше мягки они были тутъ и въ украинскомъ (см. ниже, § 51). Нельзя, съ другой стороны, противупоставлять, какъ это дѣлаетъ Смаль Стоцкій, украинское неударяемое о великорусскому аканію, украинское ї на мѣстѣ стараго звука ѣ—великорусскому е въ тѣхъ же случаяхъ, такъ какъ аканье и е на мѣстѣ ѣ извѣстно лишь южновеликорусскимъ говорамъ; въ сѣв.-велико русскихъ г.г. найдемъ сохраненіе неударяемаго о, а на мѣстѣ ѣ тѣ же звуки, что и въ украинскомъ: і и дифтонгъ іе.

§ 6. Чтобы лучше оцѣнить значеніе тѣхъ совпаденій въ исконныхъ чертахъ, какія наблюдаются между украинскимъ, великорусскимъ и бѣлорусскимъ, должно разсмотрѣть ихъ въ рамкахъ общаго вопроса о взаимномъ отношеніи словянскихъ языковъ.

Въ семьѣ словянскихъ языковъ издавна принято различать три большихъ группы: южную, западную и восточную.

I. Южную группу образуютъ языки болгарскій, сербскій и словинскій; объединеніе этихъ языковъ въ одну группу обосновывается одновременной наличностью во всѣхъ трехъ языкахъ слѣдующихъ исконныхъ чертъ: 1) группы согласныхъ zv, cv въ соотвѣтствіи группамъ gv, kv западнословянскихъ языковъ: серб. звезда, цвет, но пол. gwiazda, kwiat; 2) одно l вм. первоначальной группы dl или tl, которая сохранена зап.-словянскими языками; серб. молити, плела—пол. modlic', plotła (русс. молить, плела); 3) группы ra, la, rě, lě (рѣ, лѣ) между согласными въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ восточныхъ, т. е. русскихъ языкахъ сочетанія **оро**, **оло**, **ере**, **ело**: серб. крава, брада, злато и т. п.—русск. *корова*, *борода*, *золото* и т. п.; 4) въ началѣ слова, передъ согласнымъ, какъ правило, группы ra, la, въ то время какъ въ зап.-слов. языкахъ въ однихъ словахъ ra, la, въ другихъ ro, lo: серб. раван и ратаj, лакат и лаком—пол. równy и rataj, łokieć и łakomy; 5) слоговые r, l между согласными въ соотвѣтствіи русскимъ **ор**, **ол**, **ер** въ томъ же положеніи: серб. грло, срце, серб.-чакавск. vlk, plni—в.-р. горло, сердце, волкъ, полный, укр. горло, серце, вовк, повний.

Изъ этихъ чертъ, объединяющихъ въ одну группу болгарскій, сербскій и словинскій, 1 и 2 черта отличаютъ также и восточную группу, и слѣдовательно лишь 3 черты отличаютъ южнословянскіе языки и отъ западно-словянскихъ, и отъ восточныхъ.

§ 7. II. Западно-словянская группа языковъ (чешскій, польскій, кашубскій, верхне-лужицкій и нижне-лужицкій, вымершій полабскій) объединяются также тремя лишь чертами основного и исконнаго характера: 1) сохраненіемъ старыхъ группъ kv, gv (ср. выше I 1 п.); 2) сохраненіемъ старыхъ группъ dl, tl (ср. выше I 2 п.) и 3) однообразными отраженіями прасловянскихъ сочетаній dj, tj въ видѣ dz (или его упрощеніе z), c: пол. miedza, świeca, чеш. meze, svice и т. д. (межа, свѣча).

§ 8. III. Между тремя языками восточной группы, т. е. великорусскимъ, украинскимъ и бѣлорусскимъ можно найти гораздо больше чертъ исконнаго сходства, чѣмъ между языками южной или западной группы.

1. Прасловянскія группы согласныхъ kv, gv являются въ в.-р., укр. и б.-р. въ видѣ цв, зв: укр. цьвiт, зьвiзда, в.-р. цвѣтъ, звѣзда; б.-р. звизд (свистъ), цвѣт (рядомъ съ квѣт, что—изъ польскаго),—ср. пол. kwiat, gwiazda, gwizdać.

2. Праслов. группы tl, dl являются въ в.-р., укр. и б.-р. въ видѣ л: укр. молити, плела, в.-р. молить, плела, б.-р. молиць, плела (ср. I, 2).

3. Праслов. сочетанія *губной согласный* $+ j$ дали во всѣхъ трехъ восточныхъ языкахъ и внутри слова, какъ въ началѣ слова, группы *губной* $+ l'$ (л смягченное): укр. земля, мовлю, куплю, люблю, в.-р. земля, *молвлю*, куплю, люблю, б.-р. землица, купля и т. п.; ср. однако въ пол. ziemia, mówię, kupię, lubię и т. п.

4. Особые праславянскіе гласные, которые обозначаемъ церк. слов. буквами ъ и ь, или исчезли, или же измѣнились въ о, е: ср. др.-ц.-сл. сънъ, дьнь и укр. сон, день, в.-р. сонъ, день, б.-р. сон, дзень; въ сербскомъ—на мѣстѣ ъ, ь—а: сан, дан, въ польскомъ и чешскомъ—е: пол. sen, dzien', чеш. sen, den.

5. Праславянскіе носовые гласные ę и ǫ (е носовое и о носовое) дали во всѣхъ трехъ восточныхъ языкахъ гласные чистые у и а: ср. др.-ц. сл. пѧть, мѧсо, ѫка, дѫбъ и укр. пять, мясо, рука, дуб; в.-р. пять, мясо, рука, дубъ, б.-р. пять, мясо, рука, дубъ.

6. Праслов. сочетанія or, ol въ началѣ слова передъ согласнымъ дали въ укр., в.-р. и б.-р. въ однихъ случаяхъ ро, ло, въ другихъ—ра, ла (ср. выше, I 4): укр. ратáй, рівний, гдѣ і получилось изъ болѣе древняго о (ср. ниже. § 44), лакóмий, локіть, б.-р. раллё (пахота—того же корня, что ратай), ровный, лакóмый, локоць.

7. Тѣ же прасл. сочетанія or, ol и er, el между согласными (ср. I, 3) дали въ укр., в.-р. и б.-р. *полногласныя* сочетанія оро, оло, ере, еле: укр. борода, голова, дерево, молоко; тѣ же сочетанія оро, оло, ере—и въ бѣлорусскомъ. При этомъ должно замѣтить, что первоначальное сочетаніе el измѣнилось въ восточныхъ языкахъ въ ol (вѣроятно, черезъ посредство öl), почему въ нихъ находимъ *молоко* въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. млѣко, пол. и чеш. mleko изъ праслов. * melko.

8. Въ соотвѣтствіи южнословянскимъ и чешскимъ *слоговымъ* r, l (ср. выше, I, 5) въ укр., в.-р. и б.-р. находимъ ор, ол, ер, которыя получились изъ болѣе древнихъ ър, ъл, ьр, какъ показываютъ древніе русскіе памятники: укр. торг, вовк, перший, в.-р. торгъ, волкъ, первый, б.-р. торгъ. вовк, першій (др.-р. търгъ, вълкъ, пьрвъ). При этомъ первоначальное сочетаніе ьl измѣнилось въ восточныхъ языкахъ въ ъl, откуда—ol: ср.-русс. волкъ—укр. вовк (в изъ л) и пол. wilk.

9. Измѣненіе el въ ol и ьl въ ъl (очевидно, въ связи съ особымъ—велярнымъ характеромъ l въ прарусскомъ) можно считать особой чертой восточныхъ языковъ въ сравненіи съ другими словянскими языками.

Интересно, что въ судьбѣ сочетаній гласныхъ съ r, l замѣчается еще одно совпаденіе между украинскимъ, великорусскимъ и бѣлорусскимъ: это—такъ называемое второе полногласіе. Сущность явленія заключается въ томъ, что сочетаніе

ър, ьр, ъл, ьл между согласными, *если въ слѣдующемъ слогѣ* былъ ъ или ь, затѣмъ отпавшій,—измѣнялось въ ъръ, ьрь, ълъ, ьль откуда позже—оро, ере, оло, оле: въ великор. говорахъ находимъ *веревка* изъ *вървька*, *верёх* изъ *вірхъ*, *столоб* изъ *стълбъ* и т. п.; въ украинскихъ г.г.—*горон* (Александр. у. Екатериносл. г.) изъ *гърнъ*, *джолонка* изъ *жьлнъка*, *човен* изъ *чьлнъ* (чьлн дало чьльн, челен, чолен, но въ род. п. чьлна > челна > чолна > човна, изъ род. п. *в* проникло и въ им. п.); въ бѣлорусскомъ—*вяроўка* изъ *верёвка*, а это—изъ *вървька*, *приполо́зъ* изъ *припълзъ*, *човен* изъ чьлнъ и т. п. (Карскій, Бѣлоруссы II, 310 с.). Ср. § 32.

10. Въ соотвѣтствіи прасл. сочетаніямъ tj, dj во всѣхъ трехъ восточныхъ языкахъ находимъ ч и ж (вм. ж въ украинскомъ иногда вторичное дж,—ср. § 58); въ др.-ц.-слов. въ такихъ случаяхъ—шт и жд: др.-ц.-сл. свѣшта (изъ * světja),—в.-р. свѣча, укр. свіч-ка, бѣлор. свѣча; др.-ц.-сл. мєжда (изъ * medja),—в.-р. межа, укр. межа, бѣлор. межи (предлогъ—между).

11. Въ началѣ слова въ соотвѣтствіи съ je другихъ слов. языковъ въ в.-р., укр. и б.-р. находимъ о: в.-р. одинъ, озеро, олень, осень, ольха, укр. один, озеро, олень, осїнь, вільха—изъ ольха (ср. § 44), б.-р. одзинъ, озёрко, осенина и т. п.

Измѣненіе начальнаго je въ о было ограничено извѣстными условіями: повидимому, положеніемъ передъ слогомъ съ палатальнымъ гласнымъ.

12. Прасловянское d͡z (слитный звукъ) изъ g (г), сохраненное напр. польскимъ, упростилось въ z въ в.-р., укр. и б.-русскомъ: ср. в.-р. князь, укр. князь, б.-р. князь и пол. ksiądz; укр. нозі, б.-р. нозѣ (= назѣ)—пол. nodze и т. п.

Изъ перечисленныхъ 12 чертъ, общихъ в.-русскому, украинскому и бѣлорусскому, черты 1 и 2 свойственны также южно-словянскимъ языкамъ, черту 3-ю находимъ въ сербскомъ, словинскомъ и нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ, черта 4-я наблюдается въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ и въ словацкомъ, 5-я имѣетъ параллели въ чехословацкомъ и лужицкихъ языкахъ, 6-ю черту имѣютъ всѣ зап.-словянскіе языки, черта 9-я, повидимому, имѣетъ параллель въ вымершемъ полабскомъ; черта 12-я извѣстна сербскому, чешскому и другимъ сл.-яз. черты 7, 8, 10, 11 отличаютъ в.-р., укр. и б.-р. отъ всѣхъ остальныхъ словянскихъ языковъ.

Между тѣмъ для южно-словянскихъ языковъ такая черта, которая, будучи имъ общей, не встрѣчаются ни въ какомъ иномъ словянскомъ языкѣ, всего одна: I1 и I2 находимъ въ восточныхъ языкахъ, т. е. русскихъ; I3 и I5—въ чешскомъ, остается лишь I4 (ra, la въ началѣ слова). Изъ трехъ общихъ чертъ зап.-словянскихъ языковъ 1 и 2—отрицательнаго характера (отсутствіе измѣненій, какія произошли въ

южныхъ и восточныхъ), и лишь одна черта обнаруживаетъ одинаковое измѣненіе во всѣхъ нихъ фактовъ, полученныхъ изъ праславянскаго.

3. Нарѣчія украинскаго языка.

§ 9. Итакъ, можно считать доказаннымъ тѣсное единство в.-р., укр. и б.-р. языковъ, можно предполагать среди говоровъ праславянскаго языка, предка всѣхъ словянскихъ языковъ, одинъ восточный говоръ, изъ котораго развился прарусскій языкъ. Но прарусскій языкъ уже къ началу древне-русской письменности не представлялъ строгаго единства, какъ показываютъ діалектическія черты древне-русскихъ памятниковъ; русское племя къ тому времени уже дробилось на рядъ болѣе мелкихъ племенъ, имена которыхъ сохранилъ намъ лѣтописецъ: поляне, деревляне, дреговичи, полочане, словѣне новгородскіе, сѣверяне, кривичи, дулѣбы, бужане, радимичи, вятичи, тиверци, уличи.

Различію этихъ племенъ, конечно, соотвѣтствовало различіе говоровъ, и изъ этихъ говоровъ историческія условія,—политическое и культурное объединеніе вокругъ областныхъ центровъ,—создали постепенно три языка: великорусскій, украинскій и бѣлорусскій. Для южнорусскихъ племенъ такими областными центрами были сперва Кіевъ, а затѣмъ (съ XIII в.) Галичъ и Владимиръ Волынскій.

Въ составъ украинскаго языка, можно думать, вошли говоры полянъ, деревлянъ, дулѣбовъ, вѣроятно также уличей и тиверцевъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, также и сѣверянъ,— въ деталяхъ процессъ образованія украинскаго языка нельзя считать выясненнымъ.

Какъ всякій языкъ, украинскій не представляетъ, конечно, строгаго единства, а является совокупностью говоровъ, которые характеризуются, съ одной стороны, чертами, общими всему украинскому языку, а съ другой—чертами мѣстными, діалектическими.

§ 10. Отдѣльные изслѣдователи не сходятся между собою въ группировкѣ украинскихъ говоровъ. Одни, какъ Соболевскій, Крымскій, Зілинський, различаютъ среди украинскихъ говоровъ 2 группы, расходясь другъ съ другомъ въ опредѣленіи этихъ группъ и въ признакахъ группировки; другіе находятъ 3 группы говоровъ (Шахматовъ, Дурново).

Болѣе правильною мнѣ представляется схема, различающая 3 главныя группы: 1) говоры южные, 2) говоры сѣверные и 3) говоры карпатскіе. Въ основѣ литературнаго украинскаго языка лежитъ кіевско-полтавская рѣчь, т. е. говоръ южный.

I. Говоры южные характеризуются тѣмъ, что въ нихъ а) на мѣстѣ **о** и **е** въ закрытомъ слогѣ (ср. ниже, § 44, 45) находимъ **і**: ніс

(носъ), віз (возъ), сіль (соль) и т. п., в) на мѣстѣ стараго звука ѣ имѣется тотъ же звукъ і: ліс, дід (лѣсъ, дѣдъ) и т. п., а на мѣстѣ гласныхъ ы и и—одинъ звукъ,—гласный, средній между вел.-р. ы и и: син, бик, синий (сынъ, быкъ, синій) и т. п. (ср. § 38).

II. Главная отличительная черта сѣверныхъ говоровъ та, что на мѣстѣ о, е въ закрытомъ слогѣ въ нихъ находимъ дифтонги или же гласные у, е, ы, и, какъ результатъ упрощенія этихъ дифтонговъ.

На мѣстѣ стараго звука ѣ въ сѣверныхъ говорахъ хотя и встрѣчается і, но чаще находимъ дифтонгъ іе или іє, а также je, ij, є, е, и: ліес, пъесня, сльйіпий, сєно, песок, писок.

Кромѣ того, сѣверные говоры отличаются отъ другихъ сохраненіемъ звонкости согласныхъ въ концѣ слова и передъ глухими согласными.

Въ судьбѣ же гласныхъ ы и и сѣверные говоры сходятся съ южными: на мѣстѣ нихъ находимъ одинъ звукъ,—если оставить въ сторонѣ говоры, стоящіе подъ бѣлорусскимъ вліяніемъ.

III. Третья—карпатская группа говоровъ отличается и отъ первой, и отъ второй сохраненіемъ различія между звуками ы и и.

Въ судьбѣ гласнаго о въ закрытомъ слогѣ отдѣльные карпатскіе говоры между собой не сходятся; звонкіе гласные передъ глухими и по большей части въ концѣ слова утратили въ нихъ звонкость,—въ противуположность сѣверному нарѣчію; въ южныхъ говорахъ въ этомъ отношеніи нѣтъ согласія.

Кромѣ того, можно отмѣтить, что въ карпатскихъ говорахъ сохраняетъ свою мягкость мягкое р.

О подраздѣленіяхъ въ указанныхъ трехъ крупныхъ группахъ украинскихъ говоровъ и вообще по этому вопросу ср. у Дурново, Опытъ 58—75 и 104 с. с. Границы главныхъ нарѣчій см. на картѣ.

§ 11. Такимъ образомъ факты современнаго украинскаго языка представляютъ результатъ многовѣковой исторіи, на протяженіи которой одинъ говоръ нѣкогда существовавшаго прарусскаго языка развился въ особый языкъ, состоящій, въ свою очередь, изъ сложной совокупности говоровъ.

Въ фактахъ современнаго языка мы найдемъ поэтому явленія различныхъ эпохъ, найдемъ различной древности пласты.

1. Мы найдемъ въ этихъ фактахъ такія явленія, которыя сложились еще въ эпоху праславянскую, эпоху единства всѣхъ славянскихъ языковъ; таково, напримѣръ, измѣненіе х въ с въ формѣ *мусі* (дат. п.) при имен. п. *муха;* это измѣненіе х въ с сохранено было прарусскимъ, отъ прарусскаго получилъ его въ наслѣдство украинскій, и эту исконную черту украинскую сохранили всѣ говоры украинскаго языка до

настоящаго времени. Такія черты мы найдемъ и въ другихъ словянскихъ языкахъ.

2. Мы найдемъ далѣе въ украинскихъ фактахъ явленія, сложившіяся въ эпоху прарусскую; таковы напр. полногласныя сочетанія *оро*, *оло*, *ере*, *ело* и другія прарусскія черты, указанныя выше, въ § 8. Такія черты мы найдемъ въ вел.-русскомъ и бѣлорусскомъ.

3. Затѣмъ въ этихъ фактахъ отражаются явленія, сложившіяся въ эпоху единства украинскаго языка,—общія всѣмъ украинскимъ говорамъ.

Таково, напримѣръ, измѣненіе мгновеннаго (взрывного) г (лат. g) въ длительное (лат. h), или измѣненіе л твердаго передъ согласными и въ концѣ слова въ ў или в, или же отвердѣніе согласныхъ передъ **и**, е.

4. Наконецъ, самый поздній пластъ представляютъ явленія, которыя свойственны отдѣльнымъ группамъ украинскихъ говоровъ,—явленія діалектическія, *пережитыя не всѣми украинскими* говорами, а лишь нѣкоторыми изъ нихъ, какъ, *напримѣръ*, отвердѣніе **р** или измѣніе **о** въ закрытомъ слогѣ въ і.

Систематическое выясненіе древности различныхъ явленій украинскаго языка, полную картину общеукраинскихъ языковыхъ явленій дастъ намъ очеркъ исторической фонетики и исторической морфологіи этого языка. Но прежде чѣмъ перейти къ этимъ главнымъ отдѣламъ нашей работы, мы должны нѣсколько остановиться еще на одномъ вводномъ вопросѣ,—*вопросѣ объ* источникахъ нашихъ свѣдѣній по исторической грамматикѣ украинскаго языка.

4. Источники по исторіи украинскаго языка.

§ 12. Главными и важнѣйшими данными при историческомъ изученіи всякаго языка являются данныя его живыхъ говоровъ,—въ данномъ случаѣ данныя живыхъ украинскихъ говоровъ. Въ отдѣльныхъ пунктахъ исторіи звуковъ и формъ даннаго языка различные говоры стоятъ на различной ступени развитія: одни говоры сохраняютъ старину въ одномъ, иные—въ другомъ, и такимъ образомъ внимательное изученіе и сопоставленіе данныхъ живыхъ говоровъ даетъ полную историческую картину жизни языка.

Показанія живыхъ говоровъ дополняются, обыкновенно, данными письменныхъ памятниковъ; эти данныя позволяютъ часто точнѣе установить хронологію того или другого явленія въ жизни даннаго языка. Но значеніе этихъ источниковъ второго рода для историка языка ослабляется тѣмъ, что факты живого языка наблюдаются нами не непосредственно, а въ томъ видѣ, какъ они отражаются въ письмѣ, письменная же передача звуковъ далеко не всегда является точной, и пріемы

правописанія часто—традиціонны. Кромѣ того, показанія памятниковъ обычно скудны, отражаютъ данныя не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ говоровъ, и наконецъ,—по отношенію къ украинскому имѣетъ значеніе и то обстоятельство, что многіе древніе памятники представляютъ памятники церковной письменности, въ которыхъ отражается не столько народный языкъ, сколько языкъ литературный,—въ основѣ своей церковно-словянскій.

Даже и на памятникахъ свѣтской письменности отражалось вліяніе этого литературнаго языка.

§ 13. Среди древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ нѣкоторые болѣе или менѣе увѣренно могутъ быть отнесены къ Кіеву, т. е. къ области южнорусской. Таковы, напримѣръ, Сборникъ 1073 г. и Сборникъ 1076 г. (оба—Святославовы), Евангеліе Мстиславово, писанное около 1115 г., Евангеліе Юрьевское (около 1120 г.), Мстиславова грамота около 1130 г., быть можетъ также Евангеліе 1902 г., XIII словъ Григорія Богослова XI вѣка и того же вѣка Пандекты Антіоха. Однако памятники эти слишкомъ бѣдны данными, которыя можно было бы съ увѣренностью использовать для исторіи украинскаго языка. Памятники съ несомнѣнными чертами украинскаго языка начинаются приблизительно съ половины XII вѣка. Таковы: Галицкое Ев. 1144 г., Добрилово Ев. 1164 г., Типографское (типографской библіотеки въ Москвѣ) Ев. № 6 XII в., Типографское Ев. № 7 XII в., Евангеліе Московскаго Единовѣрческаго монастыря XII в. Къ XIII вѣку относятся: Галицкій списокъ евангельскихъ чтеній 1266—1301 г., Евангеліе 1283 г. (Румянцевскаго Музея), Выголексинскій сборникъ (Рум. Музея), Житіе св. Саввы Освященнаго, указатель евангельскихъ чтеній при Галицкомъ Ев. 1144 года, Ирмолой Григоровича (Румянц. Музея), Вѣнскій Октоихъ, Холмское Ев., Хутынскій служебникъ. Изъ памятниковъ XIV вѣка особенности украинскаго языка отражаютъ Поликарпово Ев. 1307 г. (Моск. Синод. Библ.), Лѣствица Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, Евангеліе изъ собранія Верковича (Публ. Библ. F I 99), Луцкое Ев. Румянцевскаго Музея, Часословъ Публ. Библіотеки (O I 2).

Впрочемъ, со второй половины XIV вѣка мы имѣемъ уже письменный матеріалъ, болѣе полно отражающій явленія украинскаго языка,—памятники свѣтскаго характера, т. е. грамоты: купчая Вячеслава Дмитровскаго 1371 г., купчая Хоньки Васьковой 1378 г., закладная Михаила Ивановича 1386 г., грамота Перемышльскаго воеводы Февруна 1391 г., грамота Галицкаго старосты Гнѣвоша 1393 г. и т. д.

Послѣдующіе вѣка представлены, чѣмъ далѣе, тѣмъ бо́льшимъ рукописнымъ и затѣмъ книжнымъ матеріаломъ.

Ср. по вопросу объ источникахъ Соболевскаго Лекціи[3], 11—17 с, Шахматова Курсъ (литогр.) 276—334 с., Крымскаго Укр. гр., гл. II (43 и сл.).

§ 14. При ознакомленіи съ данными украинскихъ говоровъ см. Потебни, Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, 1871 г., Михальчука, Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины (VII т. Трудовъ этнографической экспедиціи въ западно-русскій край, 1877 г.), Ogonowski, Studien auf d. Gebiete der ruthenischen Sprache, 1880 г., Соболевскій, Очеркъ русской діалектологіи (Живая Старина, 1892 г.); изъ отдѣльныхъ діалектологическихъ работъ должны быть отмѣчены работы Броха: Угрорусское нарѣчіе села Убли, 1899 г., Zum kleinrussischen in Ungarn ASlPh. XVII, 1895 и др.

Изданія памятниковъ и ихъ описанія указаны въ только что отмѣченныхъ трудахъ общаго характера Соболевскаго, Шахматова, Крымскаго; къ нимъ должно прибавить указаніе на новое изданіе Евангелія 1092 г.: „Архангельское Евангеліе 1092 года" (издано Румянцевскимъ Музеемъ фотоцинкографіей),—ср. Дурново въ Изв. XVIII, кн. 2 и Карскаго Р. Ф. В. 1913 г., кн. 2, 467 с.

Изъ грамматикъ украинскаго языка необходимо отмѣтить: Граматику руского языка для школъ середнихъ—Огоновскаго (1889, у Львовѣ), Крымскаго—Украинская грамматика для учениковъ высшихъ классовъ гимназій и семинарій Приднѣпровья (Москва 1907 г.), Тимченка—Українська граматика (Кіевъ 1907 г.), Смаль-Стоцкаго и Гартнера—Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von Stephan von Smal—Stockyj und Theodor Gartner. Wien, 1913.

Изъ словарей украинскаго языка важнѣйшіе—Желеховскаго и Гринченка: Малоруско-нiмецкий словар, уложив Євгений Желеховский I—II Leipzig 1886; Словарь української мови зібрала редакція Журнала „Кіевская Старина", упорядкував, є додатком власного матеріялу, Борис Грінченко, у Київі 1907—1909.

Указанія на другіе труды (Потебни, Житецкаго, Миклошича, Крымскаго, Науменко и др.) по украинскому языку грамматическаго и словарнаго характера и отдѣльныя работы по исторіи языка и діалектологіи можно найти въ грамматикѣ Смаля-Стоцкаго (7—12 с.) и у Шахматова—Энц. сл. фил. 11 вып. 355—360 с.

II. ФОНЕТИКА.

1. Звуковая система украинскаго языка въ ея отношеніи къ украинскому алфавиту.

§ 15. Разнообразіе звуковыхъ оттѣнковъ живой рѣчи никогда не находитъ себѣ достаточно полнаго выраженія въ алфавитѣ, въ обозначеніи звуковъ на письмѣ. Къ этому необходимо прибавить и то, что въ отношеніи звуковыхъ типовъ не можетъ быть полнаго согласія между произношеніемъ людей, живущихъ въ различныхъ мѣстностяхъ,—говорящихъ на различныхъ нарѣчіяхъ или находящихся подъ вліяніемъ этихъ народныхъ нарѣчій.

Наиболѣе видный спеціалистъ въ области изученія физіологіи звуковъ словянскихъ языковъ, Брокъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ звуковую систему украинскаго языка, имѣя въ виду такъ называемую „образованную рѣчь", т. е. рѣчь образованныхъ украинцевъ.

Гласные.

§ 16. Система *гласныхъ* украинской рѣчи находитъ себѣ неполное выраженіе въ знакахъ алфавита: **а, е, є, и, і, ї, о, у, ю, я.**

Изъ этихъ знаковъ однако буквы **є, ю, я, ї** имѣютъ болѣе сложное значеніе, чѣмъ обозначеніе гласнаго звука, и въ то-же время буквы эти не имѣютъ въ виду обозначенія какихъ либо иныхъ типовъ гласныхъ, чѣмъ буквы **е, у, а, і**: буквы **є, ю, я, ї** обозначаютъ сочетаніе согласнаго ј или же неслогового і съ гласными е, у, а, і *(єще, юхт, яблоко, їсти);* или же буквы эти обозначаютъ мягкость предыдущаго согласнаго и гласный (дапне, всю, вся).

Буква ї обозначаетъ мягкость предшествующаго согласнаго+і у галичанъ: всї.

Такимъ образомъ, украинское письмо подмѣчаетъ въ рѣчи 6 отдѣльныхъ типовъ гласныхъ. На самомъ же дѣлѣ, по Броку, можно установить такихъ типовъ не менѣе 11.

Типы эти, какъ принято въ научной фонетикѣ, опредѣляются четырьмя моментами: 1) мѣстомъ подъема спинки языка (звуки передняго, средняго и задняго ряда), 2) высотой подъема (низкіе, средніе по подъему и высокіе), 3) участіемъ губъ (съ округленіемъ ихъ или безъ округленія) и 4) мускульнымъ характеромъ артикуляціи (напряженные или закрытые и ненапряженные или открытые).

§ 17. Буквамъ **а (я), е (є), і (ї), и** въ живой рѣчи соотвѣтствуютъ гласные *безъ губного округленія.* Гласные эти—слѣдующіе.

I. *Задняго ряда* 1) *средній* по подъему **а** (буква **а**).

II. 2) *Средняго ряда*, но *сильно выдвинутаго* впередъ образованія,—на границѣ передняго ряда; подъемъ языка скорѣе *средній*, чѣмъ высокій, образованіе напряженное,—на письмѣ выражается буквой **и**; акустически звукъ этотъ ближе къ категоріи **е**, а именно къ е закрытому, чѣмъ къ категоріи і.

III. *Передняго ряда:* 3) *низкій* ненапряженный ӓ,—таковъ ударяемый гласный между двумя мягкими звуками, выражаемый буквою **я**, напримѣръ въ словѣ *сплять;* 4) *средній* ненапряженный,—открытое **е**,—таковъ гласный **е** въ твердомъ неударяемомъ слогѣ *(метáти)* или же подъ удареніемъ въ слогѣ мягкомъ *(день);* тотъ же гласный скрывается подъ буквой **я**, напримѣръ въ *яйцé*=і̯еі̯се, т. е. на мѣстѣ стараго **а** въ неударяемомъ положеніи между двумя мягкими звуками; 5) *высокій* ненапряженный, напримѣръ открытое і въ соотвѣтствіи буквѣ **е** послѣ і̯ (купуєш, что произносится, какъ kupu(і̯)iš съ открытымъ і); 6) высокій напряженный,—закрытое і въ *ліс, ніс* и т. п. (буквы і, ї).

Относительно 1) Брокъ замѣчаетъ, что гласный этотъ (а) „въ твердомъ слогѣ склоняется вообще къ немного низшему собственному звуку, чѣмъ въ такъ называемомъ нормальномъ, напримѣръ сербскомъ, а,—въ связи съ болѣе низкимъ положеніемъ языкового тѣла", причемъ собственный звукъ этого гласнаго повышается въ сосѣдствѣ мягкихъ согласныхъ, въ связи съ приближеніемъ артикуляціи къ ряду переднему (напр. въ словѣ *сегодня*).

Относительно 2) буква и въ началѣ слова, въ такихъ случаяхъ, какъ *игла*, *ити* обозначаетъ гласный і, т. е. передняго ряда высокій; также послѣ к, х въ неударяемомъ слогѣ буква и, по Броку, произносится, какъ открытое і, т. е. какъ 5). Такое же і (5) слышится Броку на мѣстѣ буквы і послѣ р (*гріхú* и т. п.)

§ 18. Буквамъ **о**, **у** (ю) въ живой рѣчи соотвѣтствуютъ гласные *съ губнымъ* округленіемъ, а именно: 7) гласный задняго ряда средняго подъема открытый **о**, причемъ въ неударяемомъ положеніи, а также въ ударяемомъ передъ мягкимъ согласнымъ задній языкъ лежитъ выше; 8) гласный задняго ряда высокій **у**, въ однихъ случаяхъ открытый (ненапряженный), въ другихъ—закрытый (напряженный); 9) гласный средняго ряда высокій,—у въ сосѣдствѣ съ мягкими звуками (*знаю*, *люлька*); 10) гласный передняго ряда средній (открытый) ö,—буква о, напримѣръ въ *йойчати*; 11) гласный передняго ряда высокій ненапряженный—ü,—буква ю, напримѣръ въ *тютюнецъ*=t'üt'ünec'.

§ 19. Въ народныхъ говорахъ, сохранившихъ старый гласный **ы**, какъ звукъ, отличный отъ **и**, гласный этотъ—задняго ряда высокій въ однихъ, задняго ряда средній въ другихъ,—безъ губного округленія.

Согласные.

§ 20. Для обозначенія согласныхъ украинской рѣчи въ алфавитѣ находимъ слѣдующіе знаки: **б**, **в**, **г**, **ґ**, **д**, **ж**, **з**, **й**, **к**, **л**, **м**, **н**, **п**, **р**, **с**, **т**, **ф**, **х**, **ц**, **ч**, **ш**, **щ**, причемъ послѣдній знакъ выражаетъ собственно не одинъ звукъ, а сочетаніе слитнаго согласнаго ч съ предшествующимъ шипящимъ **ш**.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда должно обозначить согласный мягкій, эта цѣль достигается тѣмъ, что послѣ знака для согласнаго пишется **є** вм. **е**, **я** вм. **а**, **ю** вм. **у** (ї вм. **і** у галичанъ,—ср. выше, § 16) или же ь (передъ о и въ концѣ слова): давнє=davn'e, вся=vs'a, всю=vs'u, кінь=kin', льон=l'on.

Знакомъ ' въ научной транскрипціи обозначается мягкость согласнаго.

Разсматривая ближе систему украинскихъ согласныхъ, съ точки зрѣнія мѣста и способа ихъ образованія и участія въ нихъ голоса (дрожаніе голосовыхъ связокъ), находимъ слѣдующіе типы звуковыхъ образованій.

§ 21. Губной затворъ и взрывъ (при закрытомъ носовомъ проходѣ) даетъ звонкій (участіе голоса) b и глухой p (латин. буквы),—на письмѣ б и п; губно-зубное суженіе образуетъ длительный звонкій v (в) и глухой f (ф); при открытомъ носовомъ проходѣ губной затворъ даетъ сонорное m (м).

Твердымъ b, p, v, f, m (б, п, в, ф, м) соотвѣтствуютъ въ украинской рѣчи мягкіе b', p', v', f', m', которые образуются подъемомъ языка въ положеніе гласнаго i *одновременно* съ губной артикуляціей (біда, віра, піна, фіґа, міх); должно замѣтить, что въ концѣ слова прежняя мягкость губныхъ согласныхъ утрачена *(голуб* вм. *голубь)*, а внутри слова передъ гласными широкаго образованія развивается j (i̯): *мясо, вязала* произносится, какъ m'i̯aso, v'i̯azała; вмѣсто j (i̯) можетъ являться другой мягкій согласный: l', n' (сплять вм. спять, мнясо вм. мясо).

Относительно длительнаго v (в) можно прибавить, что въ концѣ слова на мѣстѣ его является звукъ чисто-губной, категоріи u̯ (неслоговое u): письменное *кров* (вмѣсто стараго *кровь* съ мягкимъ в) произносится, какъ krou̯.

§ 22. Зубной затворъ (при закрытомъ носовомъ проходѣ) представляютъ твердые d, t, тотъ же затворъ при открытомъ носовомъ проходѣ имѣется въ твердомъ сонорномъ n: буквы д, т, н. Согласные эти представляютъ такъ называемое корональное образованіе: затворъ образуется переднимъ краемъ языка, причемъ поверхность языка на большемъ или меньшемъ пространствѣ вогнута; кончикъ языка, по Броку, упирается въ уголъ между верхними рѣзцами и десной,—затворъ одновременно альвеоларный (у десны) и зубной.

Въ украинскомъ що=štšo Брокъ слышитъ супрадентальное или даже церебральное t: затворъ на задней сторонѣ десны или даже въ передней части нёба (Очеркъ § 17).

Въ противуположность твердымъ t, d, n палатализованные t' d' n' („мягкіе" т, д, н) представляютъ дорсальную артикуляцію.

Поверхность языка выпукла; кончикъ языка — за верхними зубами, зона затвора охватываетъ заднюю сторону верхнихъ рѣзцовъ, заднюю десну и передній край твердаго нёба.

§ 23. Палатальный (передненебный) длительный звонкій j не можетъ быть точно разграниченъ отъ i̯, т. е. неслогового i; выраженіемъ его на письмѣ служитъ буква й.

§ 24. Язычно-нёбный затворъ представляютъ глухой k и звонкій g; соотвѣтствующіе мягкіе—k' и g'; на письмѣ разница между твердыми и мягкими k, g не выражается: буквы к и ґ; передъ гласными

задняго ряда (a, o, u) являются твердые k, g т. е. велярные (преграда образуется спинкой корневой части языка о мягкое нёбо); предъ гласными передняго ряда находимъ задне-палатальные k', g' (преграда образуется спинкой языка и задней частью твердаго нёба или даже около границы мягкаго нёба). Примѣры: каша, ґанок (k, g), такий, ґіпс (k', g').

Язычно-небное суженіе представляетъ звукъ ch (x),—глухой, велярный передъ гласными задняго ряда, заднепалатальный (ch') передъ гласными передняго ряда: хата (ch), гріхи (ch').

Соотвѣтствующій глухому ch (x) звонкій,—обозначимъ его знакомъ γ,—встрѣчается сравнительно рѣдко,—на мѣстѣ глухого x подъ вліяніемъ слѣдующаго звонкаго согласнаго (въ тѣсномъ сочетаніи словъ): въ фразѣ «чобіт готових—немаю» слово *готових* произносится, какъ ɦotoviγ.

Тотъ же звукъ, который на письмѣ скрывается подъ буквой г, Брокъ опредѣляетъ, какъ *гортанный* фрикативный h, подобный чешскому ɦ: гарно, гість и т. п.

Звукъ этотъ образуется въ гортани вслѣдствіе тренія струи воздуха о края суженной голосовой щели; обычно h является звонкимъ, хотя категорическаго разграниченія между голоснымъ и безголоснымъ варіантами установить невозможно; Броку слышится безголосное h между гласными внутри слова (напр. *сього̀дня*); при голосномъ варіантѣ треніе образуется въ задней части голосовой щели, а въ передней связочной части образуется голосъ неполнаго образованія. Палатализація при ɦ (для чего необходимъ одновременный съ гортанной артикуляціей подъемъ языка въ положеніе i) въ связи съ образованіемъ этого согласнаго не выступаетъ замѣтно.

§ 25. Звуки ł и l': твердое л и палатализованное л (на письмѣ ль, ля, ле, лю; лї),—представляютъ такъ называемую «боковую» артикуляцію языка.

При корональномъ или дорсальномъ затворѣ (ср. выше, § 22) задніе края языка находятся въ положеніи, которое позволяетъ струѣ воздуха выходить по одной или по обѣимъ сторонамъ языкового тѣла за указаннымъ затворомъ.

Твердое л, вогнутое, при корональномъ „зубномъ“ затворѣ (собственно, кончикъ языка упирается о переднюю область свода надъ полостью рта), сосредоточиваетъ массу языкового тѣла скорѣе въ *средней*, чѣмъ въ задней части полости рта.

При великорусскомъ *л*—въ задней; поэтому украинское л выше по собственному звуку, чѣмъ великорусское.

Палатализованное *л* (l'), какъ и великорусское „мягкое“ *л*, по положенію языка, его кончика и области затвора соотвѣтствуетъ пала-

тализованнымъ t', d', n' (ср. выше, § 22), т. е. представляетъ дорсальную артикуляцію съ боковыми отворами.

§ 26. Сонорный r (буква р) представляетъ такъ называемый *раскатистый* звукъ: существенный моментъ звука представляетъ вибрація кончика языка о зубную область; при твердомъ словянскомъ **р** имѣется вибрація о заднюю сторону десны рѣзцовъ. Мягкаго r въ украинскомъ не находимъ: оно измѣнилось или въ твердое р (*косар* вм. *косарь*), или же въ сочетаніе ri̯ (*буря*=buri̯a).

§ 27. Свистящіе s, z,—глухой s и звонкій z,—(буквы с, з) представляютъ суженіе, при которомъ воздушная струя выходитъ по узкому желобку вдоль средины поверхности языка на переднюю десну и передніе рѣзцы; кончикъ языка сгибается слабо, нижній край его касается задней стѣнки нижнихъ зубовъ. При палатализованныхъ s', z', обыкновенно, нѣсколько бóльшая часть передняго языка поднимается къ нёбу (чѣмъ при s, z твердыхъ). Однако, по Броку, въ соотвѣтствіи твердымъ s, z мягкіе варіанты въ образованной украинской рѣчи представляютъ уже не чисто-свистящіе согласные, а согласные съ шипящимъ оттѣнкомъ, подобно польскимъ „шепелеватымъ“ s', z' („дорсальные шипящіе согласные“).

Повидимому, это наблюденіе Брока нужно относить къ галиційской „образованной рѣчи“.

Согласные шипящіе ш (глухой) и ж (звонкій) извѣстны украинской рѣчи лишь, какъ твердые варіанты (каналъ для прохода выдыхаемой струи, сравнительно съ каналомъ при s, z,—болѣе объемистый и образуется далѣе взади).

§ 28. Слитные c, č твердые и палатализованные называются иначе „затворные свистящіе и шипящіе“; форма затвора первой части опредѣляется слѣдующей фрикативной частью (t+s или t+š); украинская рѣчь знаетъ лишь твердый варіантъ слитнаго č (буква ч), но слитный **ц** является и въ твердомъ, и въ мягкомъ видѣ (*церква, цілий*).

Вмѣсто мягкаго c' Брокъ слышитъ въ „образованной украинской рѣчи“ звукъ съ шепелеватымъ оттѣнкомъ вродѣ польскаго ć, т. е. затворный шепелеватый s' (ср. выше о s', z').

На мѣстѣ с (ц) при ассимиляціи слѣдующему звонкому согласному является соотвѣтствующій звонкій слитный d͡z.

Въ сочетаніи щ (шч), по Броку, часто слышится редукція конечнаго шипящаго элемента всего сочетанія (шт ш).

§ 29. Smal-Stockyj, Gramm. 30 с., находитъ, что въ основѣ характеристики украинской звуковой системы, которую далъ Брокъ, лежитъ „не общеукраинское произношеніе“, но произношеніе пограничныхъ украинскихъ говоровъ Венгріи.

Затрудняемся рѣшить, насколько этотъ упрекъ справедливъ; замѣтимъ лишь, что Брокъ опредѣленно указываетъ источникъ своихъ наблюденій надъ украинской „образованной рѣчью": этимъ источникомъ являлся выговоръ д-ра Зилиньскаго, родившагося въ Галиціи, на границѣ говора лемковъ и нарѣчія нижнихъ равнинъ, а образованіе получившаго въ Пржемыслѣ, среди интеллигенціи съ „нормальнымъ" произношеніемъ.

Съ другой стороны, остается неясной та реальная подкладка, на которой основана характеристика „общеукраинскаго" произношенія, которую даетъ самъ Смаль-Стоцкій,—врядъ ли выговоръ галиційскій вполнѣ во всемъ совпадаетъ съ выговоромъ восточно-украинскимъ.

Во всякомъ случаѣ характеристика украинскихъ звуковъ Смаль-Стоцкаго слишкомъ блѣдна и въ части, относящейся къ гласнымъ, не соотвѣтствуетъ принятымъ въ наукѣ методамъ описанія. Вообще говоря, новое изслѣдованіе украинской звуковой системы, основанное на изученіи выговора различныхъ мѣстностей, является весьма желательнымъ.

Въ частности отмѣтимъ существенное разногласіе между Брокомъ и Смаль-Стоцкимъ по вопросу о выговорѣ неударяемыхъ о и е: по Броку неударяемое е въ твердомъ слогѣ представляетъ обычное открытое е зап.-европ. языковъ, а о неударяемое мало разнится отъ ударяемаго (при первомъ подъемъ нѣсколько выше); по Смаль-Стоцкому,--неударяемое е смѣшивается съ и, а неудар. о—съ у. Возможно, что опредѣленіе Смаль-Стоцкаго болѣе соотвѣтствуетъ народному произношенію (ср. Lehr въ R. Sl. VII, 82 с.).

2. Гласные украинскаго языка въ отношеніи къ прарусскимъ гласнымъ.

§ 30. Выше мы охарактеризовали современную систему звуковъ украинскаго языка. Отъ этой описательной характеристики обращаемся къ историческому освѣщенію ея. Начнемъ съ гласныхъ.

Прарусскій языкъ сравнительно мало отличался въ области гласныхъ отъ праславянскаго языка. Въ немъ были гласные (типы):

а, о, u, е, і, у, (т. е. ы), ě (т. е. ѣ), ъ, ь, какъ и въ праславянскомъ; вопросъ, были ли въ прарусскомъ носовые гласные, является спорнымъ: Шахматовъ (Очеркъ, § 193) полагаетъ, что носовые гласные потеряны были уже въ эпоху прарусскаго единства, Соболевскій (Лекціи [3], 19—20 с.) думаетъ, что въ IX в. носовые гласные въ русскомъ еще существовали и были потеряны въ X вѣкѣ,—а въ X вѣкѣ стараго языкового единства среди русскихъ говоровъ уже не было.

Во всякомъ случаѣ, если и предполагать для прарусскаго языка носовые гласные, то одинаковая судьба ихъ въ вел.-русскомъ, украинскомъ и бѣлорусскомъ доказываетъ, что праславянскіе носовые о и е уже въ эпоху прарусскую измѣнились въ носовые u (у) и а, откуда затѣмъ чистые u (у) и а.

Знаками церк.-словянской азбуки ъ и ь обозначаются особые гласные праславянскаго языка, которымъ въ другихъ и.-европ. языкахъ

соотвѣтствуютъ гласные u и i краткіе; что буквы эти обозначали гласные, показываютъ такія написанія др.-русскія и ц.-слов., какъ сънъ, дьнь, тъпътъ.

Гласные эти были редуцированными въ количественномъ отношеніи, т. е. короче краткихъ гласныхъ. Одинаковая судьба этихъ гласныхъ въ в.-р., укр. и б.-русскомъ доказываетъ, что они имѣли во всѣхъ прарусскихъ говорахъ одинъ и тотъ же оттѣнокъ: ъ° и ь°.

Что касается гласнаго ě (чешская буква)—церк.-сл. ѣ, то можно думать, что въ прарусскомъ звукъ этотъ произносился, какъ двугласный ie: изъ такого прарусскаго звука легче всего объяснить себѣ различныя отраженія его въ в.-р., укр. и б.-русскомъ: ie (сѣв.-укр., сѣв.-в.-р. діал.), і (укр., с.-в.-р.), е (ю.-в.-р.). Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что, какъ ie, произносился этотъ звукъ и въ праславянскомъ; между тѣмъ, напримѣръ, въ др.-ц.-словянскомъ онъ произносился, повидимому, какъ сочетаніе неслогового е со слоговымъ а или же какъ ä (е широкое).

Должно помнить, кромѣ того, что 1) на мѣстѣ праслов. е въ началѣ слова въ извѣстныхъ условіяхъ въ прарусскомъ явилось о, 2) что на мѣстѣ праслов. сочетаній or, ol, er, el между согласными являлись сочетанія oro, olo, ere, elo, а на мѣстѣ сочетаній or, ol въ началѣ слова—сочетанія ro, lo и ra, la; 3) что, наконецъ, на мѣстѣ праслов. слоговыхъ r, l въ прарусскомъ являлись сочетанія ъr, ъl, ьr, гдѣ носителемъ слога были гласные ъ, ь (ср. выше, § 8, III п. 8).

Какія же измѣненія произошли въ этой прарусской системѣ гласныхъ въ украинскомъ языкѣ?

§ 31. Появленіе гласныхъ u (у) и а чистыхъ на мѣстѣ прарусскихъ носовыхъ u и а,—быть можетъ также уже прарусское, не требуетъ особыхъ поясненій (ср. § 8, п. 5 и § 30).

Редуцированные гласные (подвергшіеся редукціи т. е. сокращенію) ъ и ь имѣли сходную судьбу во всѣхъ словянскихъ языкахъ въ томъ смыслѣ, что въ одномъ положеніи они исчезали, а въ другомъ, наоборотъ, усиливались и переходили въ нормально-краткій гласный того или другого качества,—въ укр., в.-р. и б.-русскомъ ъ переходило въ о, а ь въ е.

Можно думать, что уже съ самаго начала гласные эти были различны въ различномъ положеніи; раньше всего ослабѣли конечные ъ и ь, вообще же ъ и ь были слабыми и обычно неударяемыми въ слогѣ, за которымъ слѣдовалъ слогъ съ краткимъ или долгимъ гласнымъ, напр. въ формахъ *съна́, пьса́, пьну́, дъва́, дъно́;* наоборотъ, сильными были ъ и ь передъ слогомъ со слабыми ъ и ь, напримѣръ въ *сънъ, пьсъ, дънь*

(первое ъ, ь—сильное), *шьвьць* (второе ь—сильное); слабыми были ъ и ь также передъ слогомъ съ сильнымъ ъ или ь, напримѣръ первое ь въ *шьвьць*.

Слабые ъ, ь исчезали во всѣхъ словянскихъ языкахъ, сильные перешли въ гласный нормально-краткій,—въ украинскомъ въ **о** и **е** (какъ и въ в.-р. и б.-р.). Такимъ образомъ *съна́*, *пьса́*, *дъва́*, *дъно́*, *пьн*′ дали *сна*, *пса*, *два*, *дно*, *пну*, между тѣмъ *сънъ*, *пьсъ*, *дьнь* дали *сон*, *пес*, *день* (гдѣ ь обозначаетъ лишь мягкость н); также правильно *шьвьць*, гдѣ первое и послѣднее ь было слабымъ, а среднее сильнымъ, дало *швець* (ь обозначаетъ мягкость ц), а род. п. шьвьця́ (первое ь сильное, второе—слабое) дало—*шевця́*.

Вопросъ о времени паденія въ украинскомъ редуцированныхъ ъ и ь,-ихъ исчезновеніи и переходѣ въ **о**, **е** рѣшаютъ различно. Нѣкоторые изслѣдователи довольно убѣдительно доказываютъ, что случаи пропуска на письмѣ буквъ ъ, ь и замѣны ихъ буквами о, е въ древнихъ памятникахъ XI—XII в. в., какъ сѣв.-русскихъ, такъ и южнорусскихъ не характеризуютъ живого произношенія писцовъ, что ъ, ь существовали въ языкѣ этихъ писцовъ XI—XII в., какъ живые звуки,—по крайней мѣрѣ до средины XII вѣка.

Ср. Шахматова Очеркъ, 203 с. Крымскій Укр. гр. 130 и сл.; иначе—Соболевскій Лекціи [3] 46 с.

§ 32. Гласные ъ и ь въ сочетаніяхъ **ър**, **ъл**, **ьр**, явившихся на мѣстѣ первоначально слоговыхъ **г**, **l** (ср. § 30) измѣнились въ **о**, **е**,—независимо отъ того или иного положенія.

Очевидно, въ такихъ сочетаніяхъ ъ, ь было всегда сильнымъ: сильнымъ ъ, ь было подъ удареніемъ или въ *закрытомъ* слогѣ, т. е. въ слогѣ на согласный (какъ въ *сън*, *пьс* по отпаденіи конечнаго ъ формъ *сънъ*, *пьсъ*, или какъ въ *шьв-ця* по выпаденіи ь послѣ в); сочетанія **ър**, **ьр**, **ъл** часто имѣли удареніе на ъ, ь, которое раньше было на слоговомъ **р**, **л**, или, если не имѣли ударенія на ъ, ь, то всегда находились передъ согласнымъ (если получились изъ болѣе древнихъ слоговыхъ г, l), и ъ, ь въ этихъ сочетаніяхъ были въ закрытомъ слогѣ. Примѣры: *го́рло* изъ гъ́р-ло, *верба́* изъ вьр-ба́ (и ве́рба изъ вьр-ба), *верхо́мъ* изъ вьр-хо́м и т. п.

§ 33. Если сочетаніе ър, ьр, ъл между согласными находилось передъ слогомъ съ ъ, ь слабыми, то, по выпаденіи этихъ послѣднихъ, сочетанія **ър**, **ьр**, **ъл**, **ьл** повидимому, измѣнялись въ украинскомъ (какъ и въ в.-р. и б.-р.) въ **ъръ**, **ьрь**, **ълъ**, **ьль**, откуда позже получились вторичнополногласныя формы съ *оро*, *ере*, *оло*, *еле*, (*оле*): ср. діалектич. украинск.

горон изъ *гърнъ*, *джолонка* изъ *жьлнъка*, *човен* изъ *чьлнъ* (см. выше § 8, прим. къ 9 п.). Такія формы, большею частью, вышли изъ употребленія: *горон*, *торог* (изъ *търгъ*) подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей (род. горна, торга и т. д.) замѣнились формами *горн*, *торг*.

§ 34. Тѣ же гласные въ сочетаніяхъ **ръ**, **лъ**, **рь**, **ль** измѣнились въ **о**, **е**, когда были въ положеніи сильныхъ (ср. выше, § 32): *кръвъ* дало *кров* (съ мягкимъ первоначально в), *слъзъ* (род. мн. ч.)—въ *слез*. Слабые ъ, ь послѣ **р**, *л* не исчезли безслѣдно въ украинскомъ, какъ послѣ другихъ согласныхъ: повидимому, ихъ выпаденіе вызывало вначалѣ и внутри слова послѣ согласнаго измѣненіе **р**, *л* въ слоговые, а эти слоговые затѣмъ выдѣляли изъ себя новый гласный, переставая быть слоговыми. Въ большинствѣ говоровъ этотъ новый гласный является послѣ **р**, *л*, но въ нѣкоторыхъ—передъ **р**, *л*: ср. соврем. укр. *кривавий*, *чорнобривий*, *дрижати*, *криха* (кроха), *глитати* и т. п., а съ другой стороны у лемковъ (карп. г.), напримѣръ,—*кырвавый*, *гырміти*, *сылза*, у замишанцевъ (карп. гов.)—*дырва*, *сокырвица* (сукровица); въ началѣ слова: ірвати (рвать), *іржати* (ржать), *ільняний* (льняной).

Такія написанія галицко-волынскихъ памятниковъ, какъ хр҆щахуся (вм. крьщахуся), хр҆щенье Галицкаго Ев. 1144 г., хр҆щенье Христинопольскаго апостола XII вѣка, воскрсние, крвоточива—Галицкаго Ев. 1283 года, крве, крви Поликарпова Ев. 1307 г.,—вѣрнѣе всего отражаютъ слоговое **р** изъ **ръ**, **рь**. Въ гал.-волынскомъ Житіи св. Саввы Освященнаго XIII в. находимъ *яблыко*, въ Луцкомъ Ев. XIV в. *скрыжетъ*, въ Галицк. гр. 1424 г. *дрыва*, въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV в.—*ильвовскый*.

То же явленіе находимъ въ бѣлорусскомъ (дрыжаць, крыха, блыха и т. п.) и діалектически—въ ю.-в.-русскомъ (дрыжить, крышить и т. п.)—ср. Шахматова Очеркъ 238 с.

Аналогія, т. е. вліяніе однихъ словъ на другія, обычно того-же корня, разумѣется, измѣнила результаты чисто звуковыхъ измѣненій: подъ вліяніемъ *кров* рядомъ съ *кривавий* явилось *кровавий*, рядомъ съ *блиха* и вмѣсто *слиза* явилось *блоха*, *слеза* подъ вліяніемъ *бло́хи*, *сле́зи* (здѣсь ъ, ь были сильными подъ удареніемъ).

Что касается такихъ формъ, какъ Львів, лжа, ржа, льняний, гдѣ не находимъ передъ р, *л* начальнымъ ожидаемаго новаго гласнаго, то эти формы допускаютъ различное объясненіе: Львів вм. Ільвів могло получиться подъ вліяніемъ *Лев*, а кромѣ того—*р*, *л* начальные послѣ выпаденія слѣдующаго ъ, ь, вѣроятно, становились слоговыми, когда были дѣйствительно начальными, т. е. послѣ паузы въ рѣчи; но въ тѣсномъ сочетаніи словъ послѣ гласнаго они оставались неслоговыми (напримѣръ *або-ръжа*). Примѣры, параллельные украинскимъ *ільняний*, *ірвати*, находимъ и въ вел.-русскомъ, и въ б.-русскомъ (ср. Шахматова Очеркъ 234 с.)

§ 35. Извѣстную параллель случаямъ, гдѣ ъ и ь находились послѣ плавныхъ (сонорныхъ) **р**, **л** представляютъ такіе, гдѣ эти ъ и ь стояли за предшествующими носовыми **м**, **н** и за **в** (также сонорными). Согласные **м**, **н**, **в** также могли въ извѣстныхъ условіяхъ становиться слоговыми и выдѣлять изъ себя новый гласный.

Такимъ образомъ, на мѣстѣ стараго **нь**, **нъ** послѣ согласнаго въ концѣ слова имѣемъ **он** (съ н мягкимъ изъ **нь** и твердымъ изъ **нъ**)— въ *огонь* (изъ *огнь*), *сосон* род. мн. (изъ соснъ); новое **е** въ *осем* (ь) изъ *осьмь* получило долготу нефонетически подъ вліяніемъ *сім* (изъ sēmь), почему и имѣемъ *вiсім* (і изъ ō, ē—см. § 44).

Внутри слова имѣемъ то же явленіе, напримѣръ, въ *сосо́нка* изъ *соснъка*, каковая форма, впрочемъ, находится въ связи съ формой род. мн. *сосон*. Начальное **мь** является то въ видѣ **ом**, **ім**, то въ видѣ **м**; начальная группа **мьн** всегда является въ видѣ **мн**: *много*, *мну*, *мною;* въ остальныхъ же случаяхъ наблюдается колебаніе: мгла, мла и *імгла*, *імла*, *мжити— імжити*, *мі́шедь—імшедь*, *мшити—імшити*, также *омшити*, *омшани́к*.

Колебаніе между начальнымъ **м** и **ім**, **ом** объясняется такъ же, какъ и колебаніе между начальнымъ **р** и **ір**,—ср. § 34, прим. Что касается двойственности новаго гласнаго передъ **м** (*омш—імш*), то возможно, что первоначально предъ **м** являлось **о**, а **ім**—при **м** явилось по аналогіи колебанія **ір** : **р**.

§ 36. Сочетанія **въ**, **вь** внутри и въ концѣ слова *послѣ гласнаго* со слабыми ъ, ь теряютъ эти ъ и ь, причемъ **в** остается звукомъ неслоговымъ (v или ụ т. е. у неслоговое): правда (праўда) изъ *правьда*, дівка (діўка) изъ *дѣвъка*, городів (городіў) изъ *городовъ*. Начальное сочетаніе **въ**, **вь** является то въ видѣ слогового **у**, то въ видѣ неслогового—**ў**, **в**: *усе*, *уну́к*, *удова́* и *все*, *вдова*, *внук;* это колебаніе, повидимому, зависѣло отъ положенія начальнаго **въ**, **вь** въ рѣчи: послѣ паузы получалось слоговое у (*усе* и т. п.), послѣ конечнаго гласнаго предыдущаго слова въ тѣсномъ сочетаніи словъ (*та—вьсе*, *за—вьдову*) было **ў** (у неслоговое) или **в**: ср. „усе я, та я“, „зима біла, та не їсть снігу, а все сіно“.

По внутренней связи явленій тутъ же укажемъ, что и старый гласный **у**, если онъ былъ послѣ гласнаго не подъ удареніемъ—переходилъ въ неслоговое **ў**, в: *навчати*, *навчитель* и т. п. (но—наўка; науко́вий—подъ вліяніемъ наўка, въ *научи́ти* также у возстановляется подъ вліяніемъ *учити* и т. п.).

Измѣненіе начальнаго **у** въ звукъ неслоговой должно понимать также, какъ возникшее въ тѣсномъ сочетаніи словъ послѣ конечнаго гласнаго предыдущаго слова: *та—уже* измѣнилось въ та—ўже, откуда отвлечено *вже*.

Внутри слова послѣ согласнаго на мѣстѣ сочетанія вь со слабымъ ь находимъ сочетаніе ве: *дверей* род. мн., *дзвенíти*, но возможно, что это е на мѣстѣ ь непервоначально; въ ф. *дверей* оно могло появиться подъ вліяніемъ *двéри*, *двéрник* и т. п. (е изъ ь сильнаго), въ *дзвенíти* при *дзвонйти* въ виду чередованія о и е въ другихъ случаяхъ.

Ср. примѣры съ ви на мѣстѣ вь у Шахматова Очеркъ, 228 с. (дзвинíла, дзвинитъ). Въ Галицкомъ Ев. около 1266 г. находимъ *двьри*, *двьрехъ*.

§ 37. Наконецъ, чтобы разсмотрѣть полно вопросъ о судьбѣ звуковъ ъ и ь въ украинскомъ языкѣ, должно остановиться еще на одномъ особомъ положеніи этихъ гласныхъ: передъ j. Во всѣхъ почти словянскихъ языкахъ ъ и ь, оставаясь редуцированными по количеству, качественно измѣнялись въ звуки болѣе высокаго подъема ы и и (лат. буквы у, і) *подъ вліяніемъ слѣдующаго согласнаго* j (или і неслогового); только вел.-русскій не отражаетъ этого измѣненія: въ соотвѣтствіи др.-ц.-слов. мꙑи, пии (myjї, pijї пов. н.), пол. myj, pij, укр. мий, пий (ы и и совпали въ одномъ звукѣ,—ср. ниже, § 38) въ вел.-русскомъ находимъ *мой*, *пей*, т. е. тѣ же гласные, которые являются на мѣстѣ сильныхъ ъ, ь, напримѣръ въ *сонъ*, *день*.

Нѣкоторые изслѣдователи въ виду того, что одинъ лишь в.-русскій языкъ указываетъ въ такихъ формахъ на ъ, ь, предполагаютъ, что старые ъ, ь передъ j измѣнились въ редуцированные y, і (ы, и) уже въ праславянскомъ, и что позже эти прасл. редуц. y, і измѣнились уже на русской почвѣ въ извѣстныхъ говорахъ въ тѣхъ или иныхъ условіяхъ снова въ ъ, ь. Но столь же возможно, что измѣненіе ъ+j, ь+j въ y+j, і+j произошло во всѣхъ другихъ словянскихъ языкахъ и въ большинствѣ прарусскихъ говоровъ независимо.

Редуцированные y, і (ы, и), какъ и ъ, ь, и въ тѣхъ же условіяхъ, что и послѣдніе, были сильными или слабыми; слабые y, і затѣмъ въ украинскомъ исчезли, а сильные дали краткіе y, і (ы, и),—какъ и въ большинствѣ слов. языковъ.

1) Примѣры исчезновенія слабыхъ y, і (ы, и): п'ю, п'еш, п'е (пью, пьешь, пьетъ), б'ю, б'еш, б'е (бью, бьешь, бьетъ) изъ *pijǫ, *piješi, *pije и т. д. съ редуцированнымъ і (др.-ц.-сл. пиѭ—пиѥши—пиѥтъ и т. д.); зілля (зелье) изъ *zelije (др.-ц.-сл. зелиѥ), ссяти (др.-ц.-сл. сиꙗти), свиня (др.-ц.-сл. свинија), лляти (др.-ц.-сл. лиꙗти) и т. д.

2) Примѣры измѣненія сильныхъ редуцированныхъ y, і (ы, и) въ краткіе, причемъ y, і въ большинствѣ украинскихъ говоровъ совпали въ одномъ и: *бий*, *пий*=др.-ц.-сл. бии, пии, в.-р. бей, пей; *крúю—крúеш*=др.-ц.-сл. кръіѭ—кръіѥши, в.-русск. крóю-крóешь; *крий*, *мий*

(повел. н.)=др.-ц.-сл. кр҄ꙑи, мꙑи, в.-р. крой, мой; *чий*=др.-ц.-сл. чии, в.-р. чей; *новий*, *синий*=др.-ц.-сл. новꙑи, синии, сѣв.-в.-р. новой, синей и т. д.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на мѣстѣ ожидаемаго ы, и находимъ въ украинскомъ о, е, какъ въ вел.-русскомъ, но случаи эти не представляютъ чисто-фонетическаго измѣненія сильныхъ редуцир. ы, и въ о, е.

Такъ, въ формахъ *той*, *сей (цей)* о, е вм. ожидаемаго ы, и явилось подъ вліяніемъ краткихъ формъ *то*, *се* (*це*), въ которыхъ сильное ъ, ь (подъ удареніемъ) перешло въ о, е (*тъ*, *сь*). Въ ф. *горобей* (род. гороб'я, горобéя) е, конечно, явилось вмѣсто стараго и подъ вліяніемъ родственныхъ образованій того же корня—*горобецъ*, *горобель*; вліянію ф. *горобей* подчинилось затѣмъ и параллельное *соловий*: *соловéй*.

Неясны причины появленія е въ словѣ *йней—йнею*, причемъ е удерживается и въ косвенныхъ падежахъ; впрочемъ, само слово неясно по своей этимологіи и засвидѣтельствовано не всѣми словянскими языками; въ в.-русскомъ Бернекеръ отмѣчаетъ діалектическое *йвень—ивня*,—ср. въ словинскомъ рядомъ съ inje также imje, im, ivje, iv, ср. также в.-русс. *иневатый*, *йневѣть*=йндевѣть; *iven(ь) изъ *ivьnь могло существовать и въ украинскомъ, откуда, быть можетъ, е въ *иней*.

Неясно, является ли *чия́* съ и подъ вліяніемъ *чий*, или же здѣсь должно предполагать вмѣстѣ съ Шахматовымъ (Очеркъ 261 с.) сохраненіе долгаго і, какъ въ *течия́*.

§ 38. Прарусское y (лат. буква) т. е. ы до сихъ поръ сохранилось въ нѣкоторыхъ, а именно въ карпатскихъ говорахъ, какъ особый звуковой типъ, но въ большинствѣ украинскихъ говоровъ звукъ этотъ совпалъ съ гласнымъ и въ одномъ звукѣ,—ср. объ этомъ въ § 10.

Должно осторожно относиться къ примѣрамъ смѣшенія буквъ ы и и въ древнѣйшихъ памятникахъ южнорусскаго происхожденія: примѣры эти—или описки, или же перенесены писцомъ изъ южнословянскихъ оригиналовъ. Различіе между ы и и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ объясняется, вѣроятно, бѣлорусскимъ вліяніемъ.

§ 39. Прарусскій гласный ĕ, т. е. тотъ гласный, который полученъ былъ изъ праславянскаго ĕ (ѣ), можно думать, представлялъ дифтонгическое сочетаніе i͡e (ср. выше, § 30). Въ такомъ исконномъ видѣ звукъ этотъ является еще и нынѣ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ украинскихъ говорахъ: *лi͡ес* (лѣсъ), *рi͡ечка* (рѣчка) и т. п.; въ большинствѣ говоровъ находимъ на мѣстѣ стараго ĕ (ѣ) гласный і (въ южномъ и въ карпатскомъ нарѣчіяхъ); въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ имѣется je, ɛ, e (ср. выше, § 10).

Болѣе или менѣе вѣрные примѣры і на мѣстѣ ѣ даютъ памятники XIII—XIV в. Въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ, какъ извѣстно, на мѣстѣ ѣ—е, но въ нѣкоторыхъ сѣв.—в.—русскихъ говорахъ—і и даже дифтонгическое сочетаніе i͡e (тотемскій говоръ).

§ 40. Гласные і и u (*и* и *у*) въ положеніи послѣ гласнаго становились неслоговыми, образуя съ этимъ гласнымъ цѣльное дифтонгическое сочетаніе; такъ двухсложное *стои* (повел. накл.) измѣнялось въ *стой*, трехсложное *воиско*—въ двухсложное *войско*, 4-сложное *научи́ти*—въ 3-сложное *наўчити*, 3-сложное *яицé*—въ *я́йце* (2 слога).

Такое измѣненіе і, u въ неслоговое имѣло мѣсто лишь въ открытомъ неударяемомъ слогѣ: въ формѣ род. п. мн. ч. *яи́цъ* і (*и*) въ ударяемомъ закрытомъ слогѣ (конечное ь отпало, буква ь обозначаетъ мягкость согласнаго ц) сохраняетъ слоговой характеръ, также остается слоговымъ u (у) въ открытомъ ударяемомъ слогѣ въ ф. *нау́ка*.

Разумѣется, аналогія измѣняетъ результаты звуковыхъ измѣненій; такъ, подъ вліяніемъ *нау́ка* рядомъ съ *навчити* (*наўчити*) является *научи́ти* со слоговымъ u.

Должно теперь, однако, оговориться, что приведенныя выше формы *стой*, *войско* измѣнились далѣе (въ большинствѣ украинскихъ говоровъ) въ *стій*, *війско*, но объ этомъ ср. ниже, § 44.

Точно также должно замѣтить, что форма *яи́цъ* получила затѣмъ вмѣсто и слогового—е: *яецъ*,—подъ вліяніемъ такихъ формъ того же склоненія, какъ *крилецъ* (крильцé: крилéць=яйцé: яéць).

§ 41. Въ связи съ только что отмѣченнымъ явленіемъ находится измѣненіе въ неслоговые начальныхъ гласныхъ і, u и даже полная ихъ утрата. Можно думать, что измѣненіе начальныхъ неударяемыхъ і, u въ неслоговые произошло первоначально именно въ тѣхъ случаяхъ, когда эти гласные фактически находились въ положеніи послѣ гласнаго—въ тѣсномъ сочетаніи словъ: *та—иду́* измѣнялось въ *та—йду*, та—ужé—въ *та—ўже* (та—вже); изъ такихъ сочетаній затѣмъ были отвлечены сознаніемъ говорящихъ *йду*, *вже* и перенесены въ другія условія; въ этихъ иныхъ условіяхъ начальное й могло далѣе исчезать вовсе; напримѣръ, *кум—ймае* измѣнялось въ *кум—мае*. Такимъ образомъ мы представляемъ себѣ появленіе въ украинскомъ формъ *гра*, *грати*, *голка*, *мати*, *з* вмѣсто игрá, игрáти, игóлка, имáти, из (предлогъ) и т. п. Аналогичныя явленія наблюдаемъ въ польскомъ, чешскомъ и др. слов. языкахъ, въ томъ числѣ въ бѣлорусскомъ и въ великорусскихъ говорахъ.

Ср. Шахматовъ, Очеркъ 224—225 с. Объясненіе приведенныхъ фактовъ, которое даетъ Шахматовъ, кажется намъ крайне искусственнымъ. Древность измѣненія начальнаго і въ неслоговое доказывается фактами памятниковъ XIV в.: ср. *нѣ имамъ* Путенскаго Ев. (ср. ниже, § 45).

§ 42. Гласный е послѣ мягкаго согласнаго передъ твердымъ согласнымъ измѣнялся, повидимому, въ украинскомъ въ очень древнюю эпоху въ звукъ лабіализованный (т. е. съ губнымъ округленіемъ) ö.

Весьма вѣроятно, что исходный моментъ этого измѣненія относится уже къ прарусской эпохѣ, такъ какъ не только украинскій, но также и вел.-русскій и бѣлорусскій отражаютъ въ своихъ фактахъ то же измѣненіе; можно думать, что съ самаго начала прарусское е передъ твердымъ согласнымъ отличалось по характеру артикуляціи отъ е передъ мягкимъ.

Въ украинскомъ языкѣ, если имѣть въ виду литературный языкъ и вообще говоры южные, измѣненіе **е** въ ö, а позже въ **о** отражается лишь въ положеніи послѣ шипящихъ согласныхъ **ж**, **ч**, **ш** и слѣд. также послѣ **щ** (шч): ср. *жона́*, *чоло́*, *пшоно́*, *чоловік*, *що́ка*, *вчо́ра*, *шо́луди*, *жо́лудь*, *жолу́док*, *піджо́га*, *о́жог*, *чосни́к*, *чоти́ри*, *ма́чоха*, *пчола́*, (*бжола́*). Мѣсто ударенія при этомъ не играетъ роли.

Важно при этомъ замѣтить, что **о** послѣ шипящихъ является не только на мѣстѣ стараго **е**, какъ въ приведенныхъ случаяхъ, но и на мѣстѣ стараго **ь**, какъ въ—*чо́рний*—др.-р. чьрнъ, *жо́рна*—др.-р. *жьрнъвъ*. Можно думать, что прарусское **ь** передъ твердымъ согласнымъ также было лабіализовано (ь̈), и этотъ лабіализованный **ь** въ положеніи сильнаго переходилъ въ ö, а позже въ о.

Особо должно разсматривать такіе случаи, какъ *шовк* изъ *шьлкъ*, *жо́втий* изъ *жьлтый*, *жовчь* изъ *жьлчь*, *жовна́* изъ *жьлна*: вѣдь сочетаніе **ьл** въ прарусскомъ вообще переходило въ **ъл** (ср. выше, § 8), независимо отъ характера слѣдующаго согласнаго.

Въ цѣломъ рядѣ словъ мы найдемъ послѣ шипящихъ не **о**, а **е**, но такіе случаи не подрываютъ значенія вышеприведенныхъ примѣровъ: они объясняются или тѣмъ, а) что гласный **е** находится не передъ твердымъ согласнымъ, а передъ мягкимъ или въ концѣ слова, или в) вліяніемъ аналогіи, или же, наконецъ, с) такія слова являются болѣе поздними заимствованіями.

Къ категоріи а) относятся, напримѣръ, шелест, шерсть, гдѣ мягкая группа *st* поддерживала мягкость г (р), женитися, чепець, чемериця, щебель, пожежа (ж было раньше мягкимъ), кожемяка, чепига, ще, вже, дуже; къ категоріи в)—чесати (подъ вліяніемъ *чешу*, гдѣ ш было раньше мягкимъ), шестий—изъ шестый (подъ вліяніемъ *шести*, ше̄сть (шість,—ср. ниже, § 45); хочемо (подъ вліяніемъ *хочеш*, *хочеть*, *хочете* и *несете*, *везете* и т. п.) Къ категоріи с) относится, напримѣръ, *че́рга*—очередь, взятое изъ тюркскаго.

§ 43. Приведенные выше факты указываютъ на измѣненіе **е** и **ь** въ ö и ь̈, откуда позже—**о**, лишь въ положеніи за шипящими согласными. Однако другіе факты, факты нѣкоторыхъ народныхъ говоровъ, довольно ясно говорятъ о томъ, что измѣненіе **е** въ ö и, вѣроятно, **ь** въ ь̈ носило болѣе общій характеръ,—имѣло мѣсто передъ твердымъ согласнымъ

послѣ всякаго согласнаго, ибо всякій согласный передъ е, ь былъ въ украинскомъ, какъ и въ в.-р. и б.-русскомъ, искони палатализованъ (ср. ниже, § 51).

Дѣло въ томъ, что гласные е и о въ извѣстныхъ условіяхъ въ украинскомъ удлинялись, и мы вскорѣ увидимъ, что ē передъ мягкимъ согласнымъ измѣнялось въ дифтонгъ іе, а передъ твердымъ—въ дифтонгъ ӥо, а это послѣднее измѣненіе мы имѣемъ не только послѣ шипящаго, но и послѣ другихъ согласныхъ. Въ то же время ō давало дифтонгъ ио (уо): *нōс* дало нуос,—*несъ* (напр. принесъ)—нюос (—nüos), но *шесть* дало шіест(ь). Такое измѣненіе е въ ӥо было бы немыслимо, если бы е не перешло раньше въ ö въ ф.—*несъ* и т. п.

Итакъ можно думать, что е измѣнялось въ ö передъ твердымъ согласнымъ всегда, каковъ бы ни былъ предшествующій согласный. И этотъ переходъ—очень древній: онъ предшествовалъ измѣненію ē, ō въ дифтонги, о чемъ ср. ниже. Позже однако ö краткое перешло въ о послѣ шипящихъ, вѣроятно въ связи съ раннимъ отвердѣніемъ шипящихъ, но сохранялось и позже вновь перешло въ е послѣ остальныхъ согласныхъ. Лабіализованное ъ̈ (вѣроятно, также послѣ всякаго согласнаго передъ слѣдующимъ твердымъ) перешло уже въ XII вѣкѣ въ закрытомъ слогѣ въ ö послѣ шипящихъ, откуда позже—о; послѣ другихъ согласныхъ это ъ̈ дало е (ср. *пес* изъ *пьсъ*, *лев* изъ *львъ*), какъ и *весна* дала *вöсна*, а затѣмъ вновь *весна*, тогда какъ *жена*>*жöна*>*жона*.

Форма *моду* род. п. отъ *лід* объясняется вліяніемъ аналогіи: она явилась по образцу отношеній *ніс: носу* и т. п.; не можетъ быть фонетической также ф. *льон* вм. *лен* (изъ льнъ)—ср. *лев*, *пес* и т. п.; *сьомий* при *семий*—подъ вліяніемъ *осмий* (по Стоцкому—подъ вліяніемъ русскимъ); *його*, *йому*—подъ вліяніемъ *того*, *тому*.

§ 44. Упомянутое при разсмотрѣніи вопроса о переходѣ е въ о удлиненіе гласныхъ е и о представляетъ одно изъ наиболѣе характерныхъ явленій украинскаго языка въ области гласныхъ.

Соотношеніе формъ *ніс*, *віз*, *кість*, *сіль*, *ніч* им. п. и *носа*, *воза*, *кости*, *соли*, *ночи* род. п. показываетъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ въ литературномъ украинскомъ языкѣ, какъ и во многихъ народныхъ говорахъ, изъ болѣе древняго звука о получилось і. Но такой переходъ гласнаго задняго ряда средняго подъема въ гласный передняго ряда высокій безъ дальнѣйшихъ объясненій остается непонятенъ.

Онъ становится яснѣе, какъ только мы обратимъ вниманіе на соотвѣтствующія формы сѣверныхъ говоровъ, гдѣ литературному і соотвѣтствуютъ въ такихъ случаяхъ дифтонги у͡о, у͡е, у͡и или у͡ы, у͡і, ы͡і, ы͡у, ӱ͡і (т. е. сочетаніе гласнаго ӥ+і,—см. объ ӥ § 18, подъ 11),

слѣдовательно: ку͡онь (кінь т. е. конь), дву͡ер (двір т. е. двор), ну͡ис, ку͡інь, сты͡іл, рю͡їдный.

Сопоставляя всѣ эти данныя говоровъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ извѣстныхъ условіяхъ гласный **о** удлинялся, затѣмъ долгое ō давало дифтонгъ у͡о; диссимиляція первой и второй части дифтонга давала въ результатѣ у͡е, у͡и; изъ у͡и черезъ посредство у͡і, у͡ї получилось, повидимому і современныхъ южныхъ говоровъ; такимъ образомъ, различные украинскіе говоры сѣверной группы запечатлѣли различные этапы того сложнаго процесса измѣненій, который пережило ō въ южныхъ говорахъ.

Условіемъ удлиненія **о** въ украинскомъ являлась, повидимому, утрата въ слѣдующемъ слогѣ слогового гласнаго, напримѣръ исчезновеніе слабаго **ъ** или **ь**, или же слабаго редуцированнаго **ы**, **и** (ср. § 37), или измѣненіе слогового **і** въ неслоговой (ср. § 40). Такимъ образомъ, ***носъ*** измѣнялось въ *нōс*, ***конь*** въ *кōн*(ь), ***соль*** въ *сōл*(ь), ***овьця*** въ *ōвця*, ***ольха*** въ *ōл'ха*, ***зелие*** (съ и редуцированнымъ) въ *зēл'е* (т. е. zēl'je), ***мои*** (2 слога) въ *мōй*, ***воиско***—въ *вōйско*: ср. укр. литерат. ніс, кінь, сіль, вівця, вільха, зілля, мій, військо.

Эпоха удлиненія въ указанныхъ условіяхъ опредѣляется легко: оно имѣло мѣсто непосредственно вслѣдъ за паденіемъ редуцированныхъ **ъ** и **ь**; слѣдствіемъ исчезновенія слабыхъ **ъ** и **ь** было, во первыхъ, удлиненіе гласныхъ **о**, **е** предшествующаго слога, во вторыхъ переходъ **ъ**, **ь** сильныхъ предшествующаго слога въ **о**, **е** и въ третьихъ—развитіе новаго гласнаго въ предшествующемъ слогѣ или превращеніе предшествующаго сонорнаго въ слоговой. Одновременно и въ силу однихъ и тѣхъ же причинъ ***сънъ*** измѣнялось въ *сон*, ***дьнь*** въ *ден'*, ***огнь*** въ *огн* со слоговымъ **н**, откуда позже—*огонь*, *търгъ*—въ *търг* (ср. § 33), а ***носъ***—въ *нōс*. Такимъ образомъ понятно, почему не подлежатъ удлиненію ни **о**, **е** изъ стараго **ъ**, **ь**, ни то **о**, которое вновь развилось въ случаяхъ типа *огонь* (см. § 35). Замѣчательно однако, что второе **о** полногласныхъ формъ ***волосъ***, ***голосъ***, ***порохъ***, ***морозъ*** и т. п. не подверглось указанному выше удлиненію по отпаденіи конечнаго **ъ**: ***волос***, ***голос*** и т. д. (рѣдкія *ворїг*, *порїг*, повидимому, явились по аналогіи *ніс*, *віз* и т. п.). Обстоятельство это какъ будто указываетъ на то, что второе **о** этихъ формъ отличалось первоначально чѣмъ-то отъ **о** въ иныхъ случаяхъ.

Исчезновеніе **ъ**, **ь** слабыхъ и переходъ **ъ**, **ь** сильныхъ въ **о**, **е** относится къ срединѣ XII вѣка (ср. § 31), приблизительно къ той-же эпохѣ относится и удлиненіе **о**, **е**.

§ 45. Нѣсколько сложнѣе исторія удлиненія **е**, хотя удлиненіе это имѣло мѣсто въ тѣхъ же условіяхъ и въ ту-же эпоху, что и удлиненіе **о**. Дѣло въ томъ, что гласный **е** былъ различенъ въ положеніи предъ твердымъ и предъ мягкимъ согласнымъ: вѣроятно, передъ твердымъ согласнымъ онъ былъ гласнымъ ŏ (ср. § 42); слѣдовательно, въ однихъ случаяхъ въ результатѣ удлиненія получалось ō, въ другихъ—ē: старсе medъ произносилось, вѣроятно, какъ mŏdъ, откуда—mōd, тогда какъ речь давало рēč. Параллельно развитію ō (см. § 44) ō давало дифтонгъ ŭо, затѣмъ ŭе, ŭі тогда какъ ē измѣнялось въ дифтонгъ іе; въ самомъ дѣлѣ,—въ сѣверныхъ говорахъ и нынѣ еще находимъ *нюос* изъ *несъ*, *привюез* изъ *привезъ*, *нюис* (несъ), *жуонка, жуинка* (съ уо, уі вм. ŭо, ŭі вслѣдствіе отвердѣнія **ж**), а съ другой стороны *пieч*.

Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ **уо** дало въ концѣ концовъ **і**, то же **і** получилось и изъ ўо (ŭо), но также и дифтонгъ іе, какъ изъ стараго ē (ѣ—см. § 39), такъ и изъ ē далъ въ нихъ **і**. Формы *нюос* изъ *несъ* и *пieч* изъ *печь* одинаково дали формы съ і: *ніс* и *піч* (съ отверденіемъ **ч**).

Памятники галицко-волынскіе XII—XIII в. отражаютъ удлиненіе е послѣдовательной постановкой на мѣстѣ такого долгаго ē буквы ѣ: *шѣсть, весѣлье, боудѣть камѣнь* и т. п. : ср. совр. укр. *шість*, *весілля*, *камінь*; что касается формъ вродѣ *боудѣть, несѣть*, то въ современномъ языкѣ окончанія—*іт*' не находимъ, такъ какъ оно вытѣснено окончаніемъ е такихъ формъ, какъ *буде*. Интересно въ Путенскомъ Ев. XIV в. *нѣ имамъ*, *нѣ иматъ*, гдѣ ѣ въ отрицаніи указываетъ на удлиненіе е вслѣдствіе измѣненія і глагольной формы въ неслоговое.

Параллельно превращенію дифтонга въ монофтонгъ въ южныхъ говорахъ, находимъ то же явленіе и въ сѣверныхъ говорахъ: *кунь*, *нычка* (нічка—т. е. *ночка*), *ревний* (рівний), *жунка, веселе.*

Рефлексы удлиненія о, е аналогіей переносятся и въ такое положеніе, гдѣ они фонетически не могли возникнуть: *кілок* им. п. вм. *колок*—подъ вліяніемъ *кілка* род. п.—изъ кōл(ъ)ка; *кінець* вм. *конець* подъ вліяніемъ *кінця* (изъ кōнця). Съ другой стороны, такое отступленіе, какъ *Бог*, объясняется церковнымъ вліяніемъ: ср. *спасибі*, *бігме*, *біг-заплать*, *панбіг*.

Въ заключеніе замѣтимъ, что освѣщеніе, какое даетъ украинскому і изъ о и е Смаль-Стоцкій (Gramm. 2 b), совершенно неправильно,—ср. Lehr R. Sl. VII, 99 и сл.

§ 46. Въ значительной части украинскихъ говоровъ наблюдается въ извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ, условіяхъ гласный а на мѣстѣ исконнаго **е**: *зілля* вм. древняго *зелиѥ*, *камiння* вм. *камениѥ*, *життя* вм. *житиѥ* и т. д.: бажання, піддашша, клочча, весілля, значіння, волосся, колосся, здоров'я, насіння, щастя, пір'я, вістря и т. п. Во всѣхъ такихъ формахъ а на мѣстѣ первоначальнаго **е** явилось въ

двухсложномъ сочетаніи *согл.*+і+je съ редуцированнымъ і между согласнымъ и j, которое затѣмъ выпало. Такъ какъ указанное **а** на мѣстѣ **е** является *только въ одной* грамматической категоріи, а именно въ формѣ им.-в. п. (и тв.) ед. ч. именъ ср. рода на—ije, то возникаетъ сомнѣніе относительно самого явленія, какъ чисто звукового измѣненія. Дѣйствительно,—въ то время какъ одни изслѣдователи (Соболевскій, Шахматовъ) разсматриваютъ это явленіе, какъ звуковой процессъ, другіе (Смаль-Стоцкій Gramm. 269 с.) видятъ во всѣхъ такихъ формахъ процессъ аналогіи,—нефонетическаго перенесенія **а** вм. **е** изъ такихъ формъ ср. рода, какъ *тéля́*, *гуся́*, *дитя́*, *щеня́* и т. д.

На такое, морфологическое, пониманіе явленія наводитъ и то обстоятельство, что въ различныхъ говорахъ эти формы являются не съ **а**, а съ **є**, причемъ и предшествующій согласный можетъ быть двойнымъ или одинарнымъ; такъ, въ восточной части южныхъ говоровъ имѣемъ *зілля*, *каміння*, въ западной части тѣхъ же говоровъ—въ однихъ *зіля*, въ другихъ *зіле;* въ говорахъ сѣверныхъ—въ однихъ находимъ *весі͡елле*, въ другихъ *весі͡елля*.

Таковы факты. Факты эти, если остановиться на томъ пониманіи явленія, которое считаетъ его чисто звуковымъ, какъ будто бы указываютъ на діалектическій, а не обще-украинскій его характеръ.

И Соболевскій, приводя въ своихъ Лекціяхъ [3] (85 с.) изъ древнихъ галицко-волынскихъ памятниковъ такіе примѣры, какъ *умноженья* им.—вин. ед. (Типогр. Ев. № 6), *куроглашенья* (Галицк. Ев. ок. 1266 г.), *ослушания* (Житіе Саввы Осв.),—заключаетъ, что „въ части галицко-волынскаго говора перешло въ **а** то **е**, которое звучало послѣ j въ формахъ им.-вин. ед. ч. ср. р.“.

Однако несмотря на всѣ затрудненія, которыя встрѣчаются на пути фонетическаго толкованія явленія, мы не рѣшаемся остановиться на морфологическомъ его объясненіи. Возможность вліянія именъ типа *теля* мы не отрицаемъ; точка сближенія между такими именами и именами типа *зілле* была та, что окончанію въ тѣхъ и другихъ предшествовала мягкость согласнаго, чего не было въ *поле*, *плече*, *море*, *крільце* и т. п. Но остановиться вполнѣ на морфологическомъ объясненіи мѣшаютъ все же нѣкоторые факты: въ Житіи Саввы Осв. XIII в. наряду съ примѣрами вродѣ *ослушания наше* находимъ также: *Софроньяву чадъ* (вм. Софроньеву), а въ Лексиконѣ Памвы Берынды XVI в.— форму *лляться* 3л. ед. ч. (=ллеться): форма *лляться* могла получить свое **я** изъ *лля, гдѣ старое **е** (*лиѥ*) было въ конечномъ открытомъ слогѣ.

Въ формѣ *лиѥть* е, находясь въ закрытомъ слогѣ передъ мягкимъ согласнымъ, должно было удлиниться и дать і͡е.

Въ виду этихъ примѣровъ не исключена возможность, что конечное е въ формахъ типа *зілля* получилось звуковымъ путемъ, причемъ форма **лля* получила позже е подъ вліяніемъ остальныхъ формъ 3 л. ед. ч. (*несе*, *знае* и т. д.). Если вѣрить формѣ XIII в. *Софроньяву*, то измѣненіе е въ а имѣло мѣсто и въ срединномъ открытомъ слогѣ.

Условіемъ измѣненія е въ а въ открытомъ слогѣ могло быть положеніе послѣ новаго двойного мягкаго согласнаго: въ то время какъ согласный передъ е въ именахъ *поле*, *море*, *плече* уже нѣсколько отвердѣлъ, выпаденіе і редуцированнаго въ формахъ *земиѥ*, *камениѥ* и т. п. повело къ образованію новой группы согл.+j, которая дала затѣмъ въ силу взаимной ассимиляціи двойной смягченный согласный; въ связи съ этимъ слѣдующее е измѣнилось, вѣроятно, въ ӓ, затѣмъ въ а. Аналогія могла распространить это а и на такіе случаи, гдѣ двойного смягченнаго согласнаго не получалось, напр.—*здоров'я*. Мы не видимъ препятствій къ предположенію, что измѣненіе е въ а охватывало всѣ украинскіе говоры, но часть ихъ позже замѣнила это а черезъ е подъ вліяніемъ именъ, какъ *поле*.

Шахматовъ (R. Sl. II, 150 с.) опредѣляетъ условіе перехода е въ а положеніемъ послѣ сочетанія і (редуцир.)+j; но і редуцир. и j въ zeli-je и т. п., конечно, принадлежали разнымъ слогамъ.

§ 47. Въ § 19 было отмѣчено, что въ неударяемомъ о языкъ представляетъ болѣе высокій подъемъ, чѣмъ въ ударяемомъ даже въ „образованной рѣчи"; также неударяемое е представляетъ звукъ, болѣе высокій, сравнительно съ е ударяемымъ. Съ другой стороны, гласный и представляетъ звукъ, очень близкій къ гласнымъ передняго ряда и ближе всего къ е неударяемому. Эта близость о неударяемаго къ гласному типа u (у), а е къ гласному и является исходнымъ моментомъ наблюдающагося въ народныхъ говорахъ смѣшенія этихъ артикуляцій. Такъ, въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ украинскихъ и въ галиційскихъ говорахъ слышится *убід*, *чулувік* вм. обід, чоловік; въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ можно слышать *ходéти* т. е. е на мѣстѣ и ударяемаго, *муí* вм. *моí*. Измѣненіе и въ е передъ ударяемымъ слогомъ съ е имѣемъ въ *сененьке, теxенькe*.

Отмѣчаемое нѣкоторыми изслѣдователями (Крымскій, Укр. Гр. 241 с., Smal-Stockyj § 25, 86 с.) измѣненіе неударяемаго о въ а въ рядѣ словъ—передъ слогомъ съ а, не можемъ признать украинскимъ звукоизмѣненіемъ въ общемъ значеніи этого слова. Означенное измѣненіе ограничено сравнительно немногими словами: 1) бaгáто 2) манастир, 3) хазя́ин, 4) ганчáр 5) гаря́чій, 6) гарáзд, 7) чабáн, 8) салдáт, 9) качáн, 10) ха́лява, 11) калатати (болтать), 12) кажан (летучая мышь), 13) катаржний, 14) калач, 15) галáнці (брючки—голландскіе), 16) вакзал.

Странно, что это „звукоизмѣненіе" ограничено всего нѣсколькими словами, которыя почти всѣ кромѣ 6) и 8) Крымскій называетъ „восточно-малорусскими",—ибо въ „зап.-малорусскомъ"—богатий, монастир, кочан, холява и т. д. Характерно притомъ, что изъ этихъ словъ цѣлый рядъ—чужіе, несловянскіе: 2, 3, 7, 8, 13, 15, 16; иныя слова—темнаго происхожденія, какъ холява—халява.

Между тѣмъ мнимый законъ измѣненія о въ а передъ слогомъ съ а знаетъ массу исключеній, и именно въ своемъ—словянскомъ матеріалѣ: вода́, нога́, коса́, коза́, борода́, голова́ и т. д.

Защитники мнимаго звукового закона, конечно, сошлются на вліяніе иныхъ формъ тѣхъ же словъ, гдѣ о не было передъ слогомъ съ а; но какимъ же вліяніемъ объяснить, напримѣръ, комар, бодай (въ которомъ врядъ ли чувствуется *бог*), ота́ва, порося́, това́риш, ота́ра, лоша́—лошати, (лоша́к, лоша́тко и т. п.), грома́да, коляда́ и т. п. ?

Очевидно, звукоизмѣненіе о въ а можно понимать лишь въ томъ смыслѣ, что при заимствованіи нѣкоторыхъ словъ изъ того или другого чужого языка восточно-украинскимъ нарѣчіемъ чужое о неударяемое передъ слогомъ съ а воспринималось, какъ а. Въ частности слово *салдат*—явно получено изъ вел.-русскаго.

§ 48. Сдѣланный выше обзоръ украинскихъ измѣненій въ области гласныхъ заключимъ указаніемъ на явленія *стяженія* гласныхъ. Стяженіе это предполагаетъ предварительное исчезновеніе i̯ (неслогового i) или j между двумя гласными и затѣмъ уподобленіе гласныхъ. Такимъ образомъ, форма им.-вин. п. ед. ср. р. *новоѥ* дала *новое* и затѣмъ, въ силу уподобленія и стяженія—*нове́;* то-же имѣемъ въ формахъ *мого*, *твого*, *свого* изъ *моѥго*, *твоѥго*, *своѥго*; въ им. п. ед. ч. и вин. ед. ч. ж. р. *нова*, *нову* изъ *новая*, *новую* имѣемъ просто стяженіе по выпаденіи i̯ (j) двухъ а и двухъ у въ одно. Аналогичныя явленія представляютъ формы *нових* род. мн., *новим* дат. мн., *новими* твор. мн.—изъ *новыихъ*, *новыимъ*, *новыими;* далѣе—*нові* им. мн. изъ *новыѣ* (съ ассимиляцiей *иѣ* изъ *ыѣ* въ ѣ=і), *вчерашні* им. мн.—изъ *вьчерашьнѣѣ*.

Въ глагольныхъ формахъ наблюдаемъ стяженіе гласныхъ ае въ а въ формѣ 3 л. ед. ч. глаголовъ типа *знати: зна*, *чита*, *співа*—рядомъ со старыми формами *знає*, *читає* и т. п.

На сравнительно болѣе позднюю эпоху явленій стяженія указываетъ то обстоятельство, что передъ і (=ѣ) изъ стараго—ыѣ являются несмягченными согласные, которые смягчены передъ старымъ ѣ (=і): тверді, круті, білі и т. п. (съ несмягченными д, т, л).

3. Чередованіе гласныхъ.

§ 49. Чередованіе гласныхъ въ словахъ одного и того же корня, которое находимъ въ украинскомъ, въ своей основѣ представляетъ явленіе глубочайшей старины. Формы этого чередованія унаслѣдованы были еще праславянскимъ изъ индо-европейскаго праязыка и переданы прарусскому; но въ этихъ формахъ произошли значительныя измѣненія уже въ праславянскую эпоху, затѣмъ въ прарусскую и, наконецъ, нѣкоторыя измѣненія произошли уже въ украинскомъ. Эти послѣднія измѣненія—украинскія сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что въ

силу отчасти исчезновенія ъ, ь, отчасти перехода ихъ въ о, е получилось новое чередованіе о : —, е : —(т. е. нуль звука); ср. *сон—сна; день—дня;* далѣе, въ силу удлиненія о, е и перехода долгихъ ō, ē въ большинствѣ говоровъ въ і, получилось чередованіе і—о, і—е: ср. *ніс—носа, піч—печи;* наконецъ, старое чередованіе u (у): ъ въ положеніи за плавными (r, l) приняло въ украинскомъ видъ у : и,—ср. *крушити: криха* (изъ *кръха*,—ср. § 34). Что касается праславянскаго чередованія ę : ǫ, то оно во всѣхъ трехъ русскихъ языкахъ приняло видъ а : у (*розпятий : путо*). Въ остальномъ украинскія чередованія гласныхъ отражаютъ прарусскія формы чередованій. Такъ отношеніе словъ *беру: збори* (им. мн. отъ *збір*) : *брати* (изъ *бърати*) : *збираю* отражаетъ прарусское чередованіе е : о : ь : і, гдѣ і есть удлиненіе ь. Формы *город: жердь* отражаютъ прарусское чередованіе оrо : ьr (праслов. оr : r̥); въ формахъ *розпятий* : *путо* : *опона* : *пну* (изъ *пьну*) : *напинати* имѣемъ прарусск. чередованіе а или ą (изъ ę): u или ų (изъ ǫ): on : ьn : in; въ формахъ *цвисти : цьвіт*—прарусс. чередованіе і : ě (ѣ); въ *бити* : *бою* (род. п. ед. ч. отъ *бій—бой*) : *б'ю*—прар. чередованіе і : oj : ьj (б'ю—изъ * bьjǫ); въ *дух : тхнути, здохнути : дихати*—прарусс. чередованіе и : ъ : у (ы), такъ какъ *тхнути* и *здбхнути* получилось одинаково изъ *дъхнути*, а *дихати* изъ *дыхати*.

О праславянскихъ формахъ чередованій въ ихъ отношеніи къ индо-европейскимъ ср. у насъ Др.-ц. сл. яз.[3], 81—85 с. Въ прарусскомъ измѣнилось праслов. чередованіе or, ol : er, el : ьr (ъr), ьl (ъl) : r̥, l̥ (слоговые r, l) въ чередованіе oro, olo : ere, olo (elo) : ьr (ъr), ьl (ъl) въ силу развитія полногласія и перехода r̥, l̥ въ ьr, ьl (ъr, ъl),—ср. § 8.

4. Согласные украинскаго языка въ ихъ отношеніи къ прарусскимъ.

§ 50. На основаніи сопоставленія данныхъ всѣхъ трехъ русскихъ языковъ можно предполагать *въ прарусскомъ слѣдующую систему согласныхъ* (имѣя въ виду, конечно, общіе звуковые типы).

1. Губные b, p, v, m, твердые и палатализованные: b', p', v', m'.
2. Зубные t, d, s, z твердые и палатализованные t', d', s', z'.
3. Язычно-небные k, g, ch (х) велярные (т. е. мягконебные); j (палатальный).
4. Раскатистое r и боковое l и палатализованные r', l'.
5. Шипящіе š (ш), ž (ж) „мягкіе“ (дорсальнаго образованія).
6. Слитные с, č (ц, ч) также „мягкіе“.

Итакъ, язычно-небные k, g, ch (x), нужно думать, были извѣстны прарусскому языку только въ „твердыхъ" варіантахъ т. е. какъ велярные; шипящіе š, ž и слитные c, č, наоборотъ,—лишь въ „мягкихъ" варіантахъ. Согласный j—палатальный по самой своей природѣ. Всѣ остальные согласные (т. е. губные, зубные, плавные r, l) были твердыми или палатализованными, смотря по своему положенію и происхожденію. Они были палатализованы передъ гласными передними: e, i, ь, ě и передъ тѣмъ а или ą (а носовымъ), которое получилось изъ ę (e носового). Согласные n, r, l вообще были палатализованы, когда получились изъ прасл. n', r', l', что изъ—болѣе древнихъ nj, rj, lj, напр. въ *mor'a, *pol'a род. п., l'ubiti, n'imь твор. ед. Согласные s, z были вообще палатализованы, когда получились изъ болѣе древнихъ ch (x), g (z изъ g черезъ посредство праслов. dz,—ср. § 8, п. 12), напримѣръ въ *vьs'a, *kъn'az'a. Согласный l, кромѣ того, былъ палатализованъ, когда получился въ группахъ bl', pl', vl', ml' изъ сочетаній bj, pj, vj, mj, напримѣръ въ *zeml'a, l'ubl'ǫ 1 л. ед. ч., *kupl'ǫ, *lovl'ǫ.

Смягченными были въ прарусскомъ группы šč (шч) и ždž (ждж), получившіяся изъ праславянскихъ šč, ždž, которыя явились на мѣстѣ болѣе древнихъ st+j, zd+j, а также sk+j, zg+j или же sk, zg предъ мягкими гласными (ср. объ этихъ группахъ ниже, въ § 61).

Теперь выяснимъ, какія измѣненія произошли въ этой системѣ согласныхъ, полученной украинскимъ языкомъ въ наслѣдство отъ прарусскаго: таковы были типы согласныхъ въ украинскомъ, когда онъ представлялъ собою говоръ прарусскаго языка.

§ 51. Прежде всего необходимо отмѣтить измѣненіе *общаго* характера, которое заключается въ томъ, что *всѣ согласные* отвердѣли передъ гласными е и и.

Въ в.-русскомъ и бѣлорусскомъ согласные передъ передними гласными являются, вообще говоря, палатализованными: ср. в.-р. *небо, дитя, тихо, весна, пѣсня* и т. п. Можно думать, что палатализованы они были въ такомъ положеніи первоначально и въ украинскомъ, и что твердость ихъ передъ е, и—вторичная. Иначе полагаетъ Smal-Stockyj (Gramm. 48 c.), который видитъ въ твердости согласныхъ передъ е, и въ украинскомъ остатокъ старины праславянской. Для праславянскаго мы, конечно, не можемъ предполагать палатализаціи согласныхъ передъ передними гласными, и южно-славянскіе языки до сихъ поръ сохранили твердые согласные въ такомъ положеніи,—ср. напр. серб. *небо, тихо* (съ твердыми н, т) и т. п..

Но украинскіе факты совсѣмъ не идутъ въ параллель южнословянскимъ. Начать съ того, что въ южно-словянскихъ языкахъ согласные являются твердыми передъ всѣми передними гласными или ихъ болѣе поздними рефлексами: напр., въ сербскомъ передъ е, і, ę (позже е), ě (ѣ—въ разныхъ говорахъ = е, і, ije) и передъ ь (позже > а: *дан = дьнь*).

Между тѣмъ въ украинскомъ согласные t, d, s, z, l, n являются палатализованными: 1) передъ рефлексомъ ě (ѣ),—*дід, хліб, тіло, сіно, німий, зівати* имѣютъ согласные передъ і изъ ě (ѣ) „мягкіе"; 2) передъ рефлексомъ ę,—ср. *клятий, котя, гуся, судять, грозять;* 3) передъ ь, которое затѣмъ исчезло,—ср. *сіль, день, часть, льва, тьма.* Уже это обстоятельство заставляетъ предполагать, что въ древнѣйшую эпоху артикуляція согласныхъ въ украинскомъ приспособлялась къ слѣдующему переднему гласному.

Далѣе,—предъ тѣмъ і, которое получилось изъ ē, удлинившагося въ закрытомъ слогѣ, согласные палатализованы: *приніс, утік, зілля,* имѣютъ н, т, з „мягкіе". Что передъ е согласные когда то были палатализованы, доказываютъ также діалектическія формы вродѣ *принюос, принюс,* гдѣ *юо*, ю получилось изъ ē. Что это смягченіе передъ рефлексами ē—старое, показываютъ формы *ніс, дідів* (род. мн.), *тік, столів* тѣхъ говоровъ, въ которыхъ согласные передъ і, получившимся изъ ō, непалатализованы.

Въ части южныхъ говоровъ согласные вторично палатализовались и въ этомъ послѣднемъ случаѣ,—передъ і изъ ō.

Наконецъ, что твердость согласныхъ передъ е. и въ украинскомъ—вторичнаго происхожденія, показываетъ то обстоятельство, что въ немъ являются непалатализованными передъ этими гласными даже исконно-смягченные согласные, полученные такими уже изъ праславянскаго: l', n' изъ сочетаній lj, nj, c (ц) (ср. § 50): *поле, ним, нею* твор. ед., *хвалений* прич. страд. з., *вівцею* твор. ед. при *вівця* им. п. (ср. др.-ц.-сл. полѥ, ниімь—со значкомъ мягкости надъ н, нѥѭ, хвалѥнъ).

Такимъ образомъ, можно думать, что украинскій получилъ изъ прарусскаго всѣ согласные передъ передними гласными палатализованными (ср. § 50). Можно считать это совпаденіе между в.-русскимъ, украинскимъ и бѣлорусскимъ еще лишнимъ доказательствомъ прарусскаго языкового единства (ср. § 8, гдѣ эта черта не была указана).

§ 52. Теперь остановимся на отдѣльныхъ категоріяхъ гласныхъ.

Губные согласные отвердѣли въ украинскомъ не только передъ гласными и, е, но и въ другихъ положеніяхъ,—слѣдовательно, палатализованные варіанты губныхъ, полученные украинскимъ изъ прарусскаго, замѣнились непалатализованными (ср. § 12). Такъ губной твердый

имѣемъ вм. „мягкаго" въ концѣ слова передъ ь, затѣмъ отпавшимъ: *кров*, *бров*, *голуб* изъ *кръвь*, *бръвь*, *голубь* (ср. *день* и т. п. съ „мягкимъ" согласнымъ передъ отпавшимъ ь).

Въ иныхъ положеніяхъ вмѣсто праруccкаго палатализованнаго губного согласнаго явилось сочетаніе губной + i̯ или j: *пять* произносится, какъ pjat'; *сімя*—какъ simja, *вязала*—какъ vjazała. Неслоговой i̯ или j послѣ м въ нѣкоторыхъ говорахъ переходитъ въ носовой мягкій н: *мнясо, мнягкий*; въ иныхъ случаяхъ это i̯ (j) замѣняется смягченнымъ l подъ вліяніемъ другихъ формъ: *сплять*—вм. сп'ять, т. е. spjat' подъ вліяніемъ *сплю*, гдѣ группа pl'—старая.

Палатализованные губные имѣемъ въ такихъ случахъ, какъ *святий*, что произносится, какъ *сьвятий* съ мягкимъ с, *цвіт*=*цьвіт*, *світ*=сьвіт, сміх=сьміх и т. п.

Смаль-Стоцкій вовсе отрицаетъ существованіе палатализованныхъ согласныхъ въ украинскомъ (Gramm. 45 с.), Брокъ вводитъ ихъ въ систему украинскихъ согласныхъ,—ср. выше, § 21.

Губной *ф* первоначально былъ чуждъ украинской звуковой системѣ, его мы находимъ лишь въ иностранныхъ словахъ: *фалда*, *фарба* и т. п.; причемъ нерѣдко согласный этотъ въ живомъ выговорѣ замѣняется группой хв: хвіртка, Хведір и т. п.

§ 53. Согласные язычно-нёбные g, k, ch (г, к, х) были получены украинскимъ изъ праруccкаго только въ твердыхъ варіантахъ, т. е. велярной артикуляціи; въ положеніи передъ передними гласными они въ праруccкомъ, а въ древнѣйшую эпоху и въ украинскомъ не встрѣчались, такъ какъ еще въ праславянскомъ перешли въ такомъ положеніи въ шипящіе или свистящіе (*bogъ—*bože, *duchъ—*duše, *bodzě, dusě мѣстн. ед. и т. д.).

Но въ украинскомъ затѣмъ довольно рано согласные к, г, х въ сочетаніяхъ *кы*, *гы*, *хы* измѣнились въ задне-палатальные, въ связи съ чѣмъ измѣнилъ свою артикуляцію и послѣдующій гласный ы еще до общаго его измѣненія и совпаденія съ и: написанія *ки*, *ги*, *хи* вм. старыхъ *кы*, *гы*, *хы* находимъ въ галицко-волынскихъ памятникахъ уже XII вѣка.

Въ Галицк. Ев. 1144 г. небесьскімъ, въ Добрил. Ев. никии, вьскисе и т. п.—ср. Шахматовъ Очеркъ, 312 с. Въ карпатскихъ говорахъ и нынѣ еще находимъ сочетанія *кы*, *хы*. Въ нѣкоторыхъ говорахъ южнаго и сѣвернаго нарѣчій (галицкихъ, гуцульскихъ, нѣкоторыхъ полѣсскихъ) вм. кы, хы старыхъ—кі, хі съ мягкими к, х.

Въ эпоху, болѣе позднюю, въ значительной части украинскихъ говоровъ появились заднепалатальные к, г, х вмѣсто велярныхъ вслѣдствіе измѣненія дифтонга (изъ ō) въ і: *кінь*, *кістка* вм. *конь*, *кост(ъ)ка*.

Въ частности относительно звука г слѣдуетъ замѣтить, что изъ взрывного язычно-небнаго, какимъ онъ былъ, вѣроятно, въ праславянскомъ и въ прарусскомъ, звукъ этотъ превратился въ украинскомъ въ гортанный длительный (ср. выше, § 24), но, вѣроятно, раньше онъ былъ звонкимъ язычно-небнымъ длительнымъ γ: объ этомъ свидѣтельствуетъ его переходъ въ х въ концѣ слова въ тѣхъ говорахъ, которые не сохранили звонкихъ конечныхъ согласныхъ: *ріг* (рогъ) произносится, какъ *ріх;* кромѣ того въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ, по Броку, до сихъ поръ еще произносится „частью велярный фрикативный или же фрикативный гортанный съ остатками велярнаго суженія".

Очеркъ, 57 с. *Въ латинскихъ грамотахъ писанныхъ въ Галиціи въ XIV в.* въ большинствѣ случаевъ пишется h, а не g. Измѣненіе г взрывного въ длительный находимъ въ бѣлорусскомъ и въ южныхъ говорахъ великорусскаго.

Въ иностранныхъ словахъ, заимствованныхъ украинскимъ позже перехода стараго взрывного г въ длительный, произносится взрывной г : ґ (ср. выше, § 24).

§ 54. Сонорный г (р) былъ полученъ украинскимъ изъ прарусскаго не только въ твердомъ, но и въ палатализованномъ варіантѣ, т. е. „мягкимъ"; мягкій р былъ полученъ еще прарусскимъ языкомъ изъ праславянскаго въ такихъ случаяхъ, какъ *mor'e, *mor'u, *mor'a, гдѣ онъ получился изъ rj (рj); въ прарусскомъ языкѣ всякій р палатализовался передъ палатальными гласными.

Но въ украинскомъ р мягкое отвердѣло или же дало сочетаніе рj (р+j или неслоговое i̯): *косар, тепер, зьвір, гіркий, тюрма* (р' передъ отпавшимъ ь), *море, гріх,*—съ твердымъ р; *буря, моря, морю, ряд* (изъ *rędъ съ р передъ е носовымъ), *пірє* (изъ *perije), что произносится какъ buri̯a, mori̯a, mori̯u, ri̯ad, piri̯e.

Такимъ образомъ, послѣ р буквы я, ю, є обозначаютъ i̯a, i̯u, i̯e, какъ и въ *яблоко, юхт, еще* (ср. § 16).

Выше (§ 10) было указано, что въ карпатскихъ говорахъ еще сохранилось мягкое р, какъ сохранилось оно въ нѣкоторыхъ говорахъ галицкихъ, лѣвобережныхъ поднѣпровскихъ, гуцульскихъ, буковинскихъ и нѣкоторыхъ сѣверныхъ (въ Черниговской губ.).

§ 55. Согласные зубные t, d, n, свистящіе s, z и сонорный (боковой) l были въ прарусскомъ палатализованы передъ всѣми передними гласными; но l и n были получены смягченными прарусскимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже изъ праславянскаго,—а именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они получились изъ сочетаній lj, nj,—напр. *pol'e, *pol'a, *pol'u *chval'enъ, *gon'enъ, *sъn'-*іть* (=съ нимъ) и т. п.

Также согласные s, z были въ прарусскомъ смягченными въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они восходятъ къ праславянскимъ s', d͡z' изъ болѣе древнихъ ch и g (ср. § 50), какъ въ *грѣсѣ* мѣстн. ед., *вьсь*, *кънязь*.

Палатализованные t', d', n', s', z', l отвердѣли въ украинскомъ вообще передъ гласными е, и, независимо отъ происхожденія (ср. выше, § 51), между тѣмъ какъ въ остальныхъ положеніяхъ они сохранили свою мягкость: ср. *тихо*, *дитя*, *девять*, *теля*, *небо*, *низький*, *легке*, *лице*, *село*, *сив*, *земля*, *зима*, *поле*, *хвалений*, *гонений*, *неи* дат. ед. ж. р., *ними* тв. мн., *усе* (все) съ твердыми t, d, n, l, s, z; а съ другой стороны,—*тіло*, *діло*, *німий*, *лівий*, *сімя*, *зівати*, *весь*, *всього*, *всім*, *вся*, *всю*, *князь*, гдѣ мягкость указанныхъ согласныхъ сохранена.

Кромѣ того согласные с, з въ украинскомъ являются „мягкими" въ положеніи предъ нѣкогда смягченнымъ губнымъ: сьвіт, сьміх, зьвір; согласный с смягченъ въ суффиксѣ—ьск: *украї́нський*, *мо́рський*, *ба́тьківський* и т. п. и въ словѣ *ськати* (*искать вши*); въ образованіяхъ съ суффиксомъ—*ьск*—мягкость с явилась, вѣроятно, подъ вліяніемъ образованій съ суффиксами *-енько*, *-енька*, *-онько*, *-есенький* и т. п. (ср. Smal-Stockyj Gramm. 110 c.), а въ словѣ *ськати*—с смягчился подъ вліяніемъ j, затѣмъ отпавшаго,—передъ с: *йскати* изъ *искати*.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ южнаго нарѣчія (восточныхъ и гуцульскихъ) вмѣсто твердаго t имѣется среднее, полумягкое. Согласные палатализованные т', д' въ нѣкоторыхъ говорахъ измѣнились въ „мягкіе" к', ґ' (въ нѣкоторыхъ галицкихъ, гуцульскихъ, карпатскихъ говорахъ).

§ 56. Сонорное l, кромѣ отмѣченнаго только что отвердѣнія его передъ е, и, испытало еще одно измѣненіе: въ концѣ слога, т. е. внутри слова передъ согласнымъ и въ концѣ слова оно перешло въ u̯, т. е. въ неслоговое у (в): *дав* (вм. далъ), *бив* (билъ), *чув* (чулъ), *терпів* (терпѣлъ), *вовк* (волкъ), *довбати* (долбать), *повний* (полный), *жовтий* (желтый), *жовна́* (желна), *човна* (челна) и т. п.; по аналогіи косвенныхъ падежей (*човна* и т. д.) в вм. *л* явилось и внѣ указанныхъ условій въ формѣ им. п. *човен*.

Этого измѣненія не находимъ въ *стіл* (столъ), *віл* (волъ), *козел*, *осел*, *вугол*, *посо́л*, *щиголь*, *попіл* и т. п. Вѣроятно, измѣненіе l въ u̯ въ указанномъ положеніи было ограничено первоначально какимъ либо добавочнымъ условіемъ: напр. положеніемъ послѣ о, u (у); слѣд. было предположительно: čuu̯, но dał, bił, stou̯, но kozьł; подъ вліяніемъ формы прич. прош. склоняемой *дав*-(давъша род. п.), *бив*-обобщилась форма съ u̯ (в) въ причастіяхъ на ł; наоборотъ,—подъ вліяніемъ отношеній kozьl—koz(ь)la и т. п. вмѣсто stŏu̯—stoła явилось stŏł : stoła (позже *стіл*—*стола*).

§ 57. Согласные шипящіе š, ž (ш, ж) и слитные č, c (ч, ц) были первоначально „мягкими" въ силу своего происхожденія: š, ž явились

въ праславянскомъ изъ сочетаній sj, zj и изъ chj, gj, (j-палатальный), а также изъ ch, g въ положеніи передъ гласными палатальными, т. е. подъ ихъ вліяніемъ; ž въ прарусскомъ явилось кромѣ того изъ сочетанія dj; слитные č, c получились изъ k+j (č) или изъ k подъ вліяніемъ послѣдующаго или предыдущаго палатальнаго гласнаго. „Мягкими“ эти согласные были, вѣроятно, въ прарусскомъ и такими же были получены изъ прарусскаго украинскимъ.

На украинской же почвѣ согласные эти имѣли неодинаковую судьбу: **ш**, **ж**, **ч** (если оставить въ сторонѣ нѣкоторые говоры, напримѣръ, гуцульскіе), отвердѣли вообще говоря: *рожа*, *рожі* род. ед., *рожу* вин. ед., *рожею* твор. ед.; *душа*, *душу* вин., *часть*, *ніч* (ночь), *ночи* род. ед., *сьвічка* и т. п. Наоборотъ,—согласный **ц**, вообще говоря, сохранилъ свою исконную мягкость, отвердѣвъ лишь передъ гласными **е**, **и**, подобно всѣмъ другимъ согласнымъ: *вівця* (овца), *вівциї* род. ед., *вівцю* вин. ед., *овець* род. им., но—*вівцею* твор. ед., *церква* (изъ *цьркъв-а*). Въ положеніи предъ нѣкогда „смягченнымъ“ губнымъ также находимъ **ц** „мягкое“: *цьвіт*.

Для **ц** передъ **и** трудно подыскать примѣръ, такъ какъ оно получалось въ своихъ, словянскихъ словахъ лишь въ окончаніяхъ, а окончанія эти вытѣснены другими въ силу аналогіи; такъ старая ф. дат. п. ед. ч. ж. р. *овьци* замѣнилась формой *овьцѣ*, откуда—*вівці*; вм. *пьци* повел. накл. явилось *печи́* и т. д.

Вопреки общему закону сохраненія мягкаго **ц** имѣемъ твердое **ц** не передъ **и**, **е** въ словахъ; *цукр* (сахаръ), *цап* (козелъ), *цапати*, *цуцик* (щенокъ), *цур* (прочь)—*цуратися*, *цурки*. Нужно, однако, имѣть въ виду, что слово *цукр*—сравнительно позднее заимствованіе изъ нѣмецкаго; *цап* встрѣчается лишь въ нѣкоторыхъ словянскихъ языкахъ и то діалектически; по мнѣнію Бернекера Etym. W., 120 с., слово это взято изъ мадьярскаго или румынскаго; *цапати* и сходныя слова другихъ слов. языковъ въ основѣ своей—звукоподражательныя. Не старое слово и *цуцик*: въ основѣ его зовъ: *цу-цу* (неправильно о немъ—у Смаль-Стоцкаго Gr. 109 с.). Слово *цур*, отъ котораго образовано *цуратися*, является междометіемъ, а слѣдовательно также не идетъ въ счетъ. Что касается слова *цурки*, то оно параллельно русскому *чурки* (ср. *чурбанъ*, *чуръ*=граница, *вычуры*, *вычурный*) и, вѣроятно, обязано своимъ **ц** вм. **ч** или междометію *цур*, или слову *церькати*, которое по происхожденію—звукоподражаніе (ср. русское *чиркъ*, *чиркнуть*).

Слитное c' мягкое (ць), которое на письмѣ выражается буквами *тьс* въ формахъ 3 л. ед. ч. наст. вр. (*учиться* и т. п.), отличается отъ мягкаго c' (ць напр. въ *цілий*) тѣмъ, что въ первомъ t' образуется дальше впереди, чѣмъ затворный элементъ звука **ц** во второмъ (Брокъ, Очеркъ § 64).

Конечное **ц** произносится твердо (*отец*, *місец*) въ нѣкоторыхъ галицкихъ и гуцульскихъ говорахъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣвернаго нарѣчія (Волынской, Минской и Гродненской губ.).

§ 58. Согласный **ж**, какъ мы видѣли, можетъ быть въ прарусскомъ и въ украинскомъ различнаго происхожденія; онъ получился:

1) уже въ праславянскомъ изъ сочетанія zj, напр. въ * lizǫ—укр. *лижу (лизати)* 1 л. ед. ч. наст. вр.; 2) далѣе изъ gj и изъ g передъ палатальнымъ гласнымъ, напр. въ * bože—укр. *боже (бог)*; 3) наконецъ, въ прарусскомъ ž является на мѣстѣ первоначальнаго сочетанія dj, напр. въ * m'eža изъ * med-ja (др.-ц.-сл. межда).

По поводу послѣдняго случая нужно указать, что въ украинскомъ рядомъ съ такими примѣрами, гдѣ на мѣстѣ dj находимъ ž,—*межа*, *одежа. ржа* (изъ * rъd-ja,—ср. *рудий)*, *чужий* (др.-ц.-сл. штоуждь),—имѣются примѣры съ *дж*=dj : *саджа*, *виджу*, *судженый* и т. п. Не можетъ быть однако сомнѣнія въ томъ, что это дж—вторичнаго происхожденія: старыя формы *вижу*, *суженый* измѣнились въ *виджу*, *судженый* подъ вліяніемъ *видїти*, *судити* и другихъ формъ съ д отъ тѣхъ же глаголовъ; такъ же *саджа* явилось вм. *сажа* подъ вліяніемъ *саджати*, а это—изъ *сажати* подъ вліяніемъ *садити*. Въ тѣхъ же примѣрахъ, гдѣ такое вліяніе иныхъ формъ того же корня не могло имѣть мѣста, мы не находимъ дж вм. ж *(межа, ржа, чужий, одежа)*. Иного происхожденія дж начальное—въ такихъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ *джерело* (источникъ), гдѣ оно представляетъ параллель начальному дз въ *дзвін*=звін (звон); *дзвонити*=звонити, *дзеркало*=зеркало. Здѣсь дж, какъ и дз, имѣлось сперва, вѣроятно, въ особыхъ специальныхъ условіяхъ.

По Шахматову (Очеркъ, 124 с.), *джерело* отвлечено изъ сочетанія *иж-джерела*, гдѣ ждж получилось изъ z+g предъ мягкимъ гласнымъ: * iz—gerla > * iz—džerla > * iž—džerla; ср. ниже, § 59. Также старое dz, по Шахматову (ibid. 122 с.), сохранялось въ сочетаніи zdz,—напримѣръ, въ выраженіи: iz—dzvězdy; отсюда отвлечено было dzvězda, чередовавшееся съ zvězda; по аналогіи этого чередованія могло получиться dzvonъ при zvonъ и т. п.

§ 59. Первоначальныя группы stj, skj и sk передъ палатальнымъ гласнымъ дали въ праславянскомъ смягченную группу šč (шч); соотвѣтствующая звонкая группа ždž получалась изъ zdj, zgj и zg передъ палатальнымъ гласнымъ. Обѣ группы—šč, ždž были смягченными еще и въ прарусскомъ языкѣ: въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ до сихъ поръ группы эти отражаются, какъ двойное мягкое шш и жж.

Въ украинскомъ, однако, группы шч и ждж отвердѣли: *плéщу* (щ=шч) изъ * plesk—jǫ,—ср *плескати, пищалка* изъ * piskēl—ъka, —ср. *пискля, пýщу* изъ * pust—jǫ (пустити), *тéща* изъ * tьst-ja,—ср. *тесть*, *їжджу* изъ * ězd—jǫ,—ср. *їздити*, діалектическое ріжджа (=др.-ц.-сл. рождиѥ) изъ * rozg—ьje,—ср. в.-р. *розга*.

Діалектическому ріжджа соотвѣтствуетъ литературное ріще, которое должно сопоставить съ *різка* изъ * rozъka и выводить изъ * rozъk-ьje, откуда rozъčьje,

rōzčje, rōšče, rišče = ріще: очевидно, подъ вліяніемъ именъ ж. р. съ суффиксомъ—ък-а очень рано при старомъ rozga явилось rozъka.

§ 60. Однимъ изъ многочисленныхъ слѣдствій выпаденія внутри слова редуцированныхъ гласныхъ является образованіе въ украинскомъ языкѣ двойныхъ смягченныхъ согласныхъ: именно въ группахъ «согласный + редуцированное i + j» по выпаденіи i редуцированнаго явилось новое сочетаніе „согласный + j“, въ которомъ затѣмъ согласный подъ вліяніемъ j смягчился, а само j уподобилось предыдущему „смягченному“ согласному. Такъ получилось: *зілля* изъ *zeli-je, *життя* изъ *žit-ijé, *суддя* изъ *sųdija, *каміння* изъ *kamenije, лле изъ *lije (3 л. ед. наст. вр.), *волосся* изъ *volosije и т. п. Должно сдѣлать нѣсколько оговорокъ: 1) не удваиваются въ такихъ случаяхъ губные согласные и р: *пір'я* (ср. выше, § 54), *кров'ю*, *матір'ю*, *п'ють*; 2) не удваивается согласный, если ему предшествуетъ согласный: *щастя* (sъčastije), *смерт'ю*; 3) двойной шипящій отвердѣваетъ: піччу изъ *pečijų, хотя діалектически мягкость его сохраняется,—быть можетъ подъ вліяніемъ аналогіи съ другими параллельными случаями—съ инымъ двойнымъ мягкимъ согласнымъ: *нічччю*, *роскішшю*; 3) въ нѣкоторыхъ говорахъ является не двойной, а просто смягченный согласный, а также вмѣсто конечнаго а (я) возможно е (є): *житє*, *камінє*, *зілє*, *весілє*, *судя*, *свиня* и т. п. Возможно, что послѣдняго рода явленія—вторичны, т. е. представляютъ упрощеніе двойного „смягченнаго“ согласнаго.

Здѣсь же слѣдуетъ подчеркнуть, что группа st, zd, получившаяся передъ j вслѣдствіе исчезновенія редуцированнаго i, остается безъ измѣненія,—не измѣняется, какъ измѣнялась такая группа въ праславянскомъ: *щастя* (ср. выше), *гвіздя*.

§ 61. Въ началѣ слова 1) передъ гласнымъ u (у) и 2) передъ i изъ ō въ украинскомъ развился новый неслоговой ų, который затѣмъ далъ согласный v (в). Первоначально развитіе этого ų имѣло мѣсто, нужно думать, въ тѣсномъ сочетаніи словъ послѣ гласнаго конечнаго предыдущаго слова; то обстоятельство, что этого v = ų не находимъ передъ о (*овес*, *огонь* и т. п.), но имѣемъ передъ i изъ ō, лишній разъ доказываетъ, что ō перешло въ i черезъ посредство ряда дифтонговъ съ u (у) въ первой части; слѣдовательно, ų развивалось не передъ ō, а передъ у͡о изъ ō.

Примѣры: 1) вýзол, вýса, вугол, вулиця, вуголь, вуж; 2) вівця, він, (орел—р. п.) вірла, (отець—род. п.) вітця, від (=отъ), вільха, вікно.

Подъ вліяніемъ формы *він* явилось в и въ формахъ *вона́*, *воно́*, *вони́*.

Передъ гласнымъ начальнымъ о развивался въ какихъ то условіяхъ гортанный г: ср. *горіх* (орѣхъ), *гострий* (острый).

§ 62. Конечные звонкіе согласные имѣютъ различную судьбу въ отдѣльныхъ группахъ говоровъ: въ однихъ сохраняютъ свою звонкость, въ другихъ переходятъ въ глухіе, ср. по этому поводу выше,—въ § 10. Слѣдуетъ при этомъ помнить, что согласные первоначально въ украинскомъ не могли быть конечными: всѣ слова оканчивались на какой нибудь гласный, въ томъ числѣ на ъ или ь, такъ какъ конечные согласные отпали еще въ праславянскомъ языкѣ. Слѣдовательно, діалектическая потеря звонкости конечными согласными есть результатъ исчезновенія конечныхъ ъ, ь.

§ 63. Такъ же, какъ отпаденіе конечныхъ ъ, ь,—влекло за собой рядъ измѣненій согласныхъ выпаденіе ъ и ь внутри слова. Эти измѣненія состоятъ бо́льшею частью или во взаимномъ уподобленіи согласныхъ, оказавшихся рядомъ послѣ выпаденія раздѣлявшаго ихъ ъ или ь, или же въ упрощеніи образовавшейся группы согласныхъ.

Обычно предыдущій согласный уподобляется послѣдующему,— звонкій глухому; такъ *дъхорь* даетъ *тхір* (і изъ о̄); *дъхну́ти—тхнути*, *легшкий—лекший*; наоборотъ, глухой уподобляется звонкому: *къде—где*, *съдоровъ—здоров*. При этомъ переходъ звонкаго въ глухой передъ глухимъ извѣстенъ не всѣмъ говорамъ: въ сѣверныхъ говорахъ и въ части южныхъ звонкій согласный передъ глухимъ сохраняется, какъ звонкій.

Въ словѣ *пчола* изъ *бъчела* находимъ обычное уподобленіе звонкаго слѣдующему глухому; но рядомъ имѣется и *бджола* съ обратнымъ уподобленіемъ глухого ч предыдущему звонкому: этотъ варіантъ слова могъ развиться въ сочетаніяхъ вродѣ *з-бъчелъ* (изъ пчелъ), гдѣ звонкость з (=изъ) поддерживалась аналогіей съ другими случаями(*з-дупла* и т. п.).

Въ словѣ *різдво* изъ *рбж(ь)ство* сочетаніе *ст* измѣнилось въ соотвѣтствующее звонкое *зд* между двумя звонкими: ж и в.

Уподобленіе согласнаго сосѣднему можетъ быть полнымъ; такъ, въ формѣ 2 л. ед. ч. вродѣ *несешся* согласный ш измѣнился въ s': nesesʼsʼa, сочетаніе *з-журби* произносится, какъ *ж-журби*.

Упрощеніе группы согласныхъ, образовавшейся послѣ выпаденія ъ или ь, имѣемъ, напримѣръ, въ *пісни—*изъ пѣст(ь)ный, *тижня* род. п. отъ *тиждень*—изъ тижд(ь)ня, *руський*—изъ рус(ь)скый, *серце*—изъ

сьрд(ь)це, *шiсдесять*—изъ шест(ь)десять, *перший*—изъ пьрв(ь)ший, *галицький*—изъ галич(ь)ский (чск > цк), *товариство*—изъ товариш(ь)ство, *ткацтво*—изъ ткач(ь)ство, *богаство*—изъ богат(ь)ство, *сердешний*—изъ сьрдьч(ь)ный (*чн > шн*), *рушник*— изъ руч(ь)никъ и т. п.

Въ нѣкоторыхъ, болѣе рѣдкихъ, правда, случаяхъ выпаденіе **ъ** или **ь** влекло за собой не упрощеніе группы согласныхъ, а наоборотъ, появленіе новаго согласнаго: *сърѣтити* дало *стрiтити*, *зазърость* (ср. *зърѣти*) дало *заздрiсть*; здѣсь зубной затворъ глухой (т) или звонкій (д) самъ собою образуется при переходѣ отъ зубного суженія (**с**, **з**) къ слѣдующему **р**.

§ 64. Сдѣланный выше обзоръ измѣненій, которыя произошли въ украинскомъ языкѣ послѣ его выдѣленія изъ прарусскаго, можно резюмировать въ слѣдующихъ пунктахъ.

I. *Общеукраинскія измѣненія:* 1) измѣненіе носовыхъ **ų**, **ą** въ чистые **u**, **a** (у, а), причемъ возможно, что измѣненіе это произошло уже въ прарусскую эпоху (ср. § 31); 2) исчезновеніе и переходъ въ **о**, **е** редуцированныхъ **ъ**, **ь**, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій (§ 31); 3) измѣненіе сочетаній **ър**, **ьр**, **ъл**, **ьл** въ **ъръ**, **ьрь**, **ълъ**, **ьль** въ извѣстныхъ условіяхъ (§ 33); 4) измѣненіе сочетаній **ръ**, **лъ**, **рь** въ открытомъ слогѣ въ слоговые **р**, **л** (§ 34) и сочетаній **мъ**, **нъ**, **мь**, **нь** въ слоговые **м**, **н** (§ 35); 5) образованіе въ извѣстныхъ условіяхъ **у** слогового изъ сочетаній **въ**, **вь** (§ 36); 6) измѣненіе **ъ**, **ь** передъ **j** въ редуцированные **ы**, **и** (§ 37); 7) измѣненіе гласныхъ **и**, **у** въ извѣстныхъ условіяхъ въ неслоговые (§ 40); 8) измѣненіе **е** въ **ö** и **ь** въ **ь** передъ твердымъ согласнымъ (§ 42, 43); 9) удлиненіе **о**, **е** въ извѣстныхъ условіяхъ и образованіе дифтонговъ (§ 44, 45); 10) измѣненіе **е** въ **ä**, откуда **а** послѣ двойного смягченнаго согласнаго (§ 46); 11) исчезновеніе **i̯** (j) между гласными и стяженіе гласныхъ (§ 48); 12) общее отвердѣніе согласныхъ передъ гласными **и**, **е** (§ 51); 13) отвердѣніе губныхъ (§ 52); 14) измѣненіе взрывного **г** въ гортанный фрикативный **h** (§ 53); 15) измѣненіе **л** въ **y̆** (**в**) въ концѣ слога (§ 56); 16) развитіе **y̆** (неслогового у) передъ начальнымъ **у** (§ 61); 17) различныя упрощенія группъ согласныхъ (§ 63).

II. *Діалектическія измѣненія*: 1) измѣненіе новыхъ слоговыхъ **р**, **л** изъ сочетаній *ръ*, *лъ*, *рь*, *ль* въ *ри*, *ли* въ однихъ говорахъ, въ *ир*, *ил*—въ другихъ (§ 34); 2) совпаденіе въ бóльшей части говоровъ **ы** съ **и** (§ 38); 3) измѣненіе въ бóльшей части говоровъ **i͡e** (= ѣ) въ **i** (§ 39); 4) измѣненіе въ бóльшей части говоровъ дифтонговъ, получившихся изъ **ō**, **ē**,—въ **i** (§ 43, 44); 5) измѣненіе въ бóльшей части говоровъ сочетаній **кы**, **хы**, **гы** въ **ки**, **хи**, **ги** (§ 53); 6) отвердѣніе въ бóльшей части говоровъ согласныхъ шипящихъ (§ 57); 7) отвердѣніе въ бóль-

шей части говоровъ согласнаго р (§ 54); 8) измѣненіе въ части говоровъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе въ концѣ слова и внутри слова передъ глухими согласными (§ 62).

Возможно, что къ числу общеукраинскихъ измѣненій въ звукахъ относится образованіе двойныхъ „мягкихъ" согласныхъ, а къ числу діалектическихъ ихъ упрощеніе въ простые мягкіе согласные (ср. § 60).

§ 65. Отъ чисто звуковыхъ измѣненій слѣдуетъ строго отличать такія измѣненія въ звуковой сторонѣ слова, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ аналогіи, т. е. вліянію психологическаго фактора.

Нѣкоторыя изъ такихъ явленій были уже отмѣчены выше. Такъ, подъ вліяніемъ *учи́ти—научи́ти* (§ 40), подъ вліяніемъ *крилець* и т. п.—*яєць* (§ 40); подъ вліяніемъ *кінця* род п.—кінець (§ 45); подъ вліяніемъ *търга—търгъ*, откуда—*торг* (вм. търъгъ—*торог) (§ 33); подъ вліяніемъ *чешу́* 1 л. ед. ч. наст. вр.—*чесати* (§ 42); подъ вліяніемъ *носу* и т. п. (род. п.)—*льоду* вм. *леду* и подъ вліяніемъ *сон* (*сна*) *льон*—(льна)—вм. *лен* (§ 43); подъ вліяніемъ *кров—кровавий* вм. кривавий; подъ вліяніемъ *бло́хи, сле́зи—блоха́, слеза́* вм. *блиха, слиза* (§ 34); *поріг, воріг*—подъ вліяніемъ *віз, ніс*, и т. п. (§ 44); суффиксъ—*ський* подъ вліяніемъ *-енький* и т. п. (§ 55); *вона* подъ вліяніемъ *він* (§ 61) и т. д. Къ отмѣченнымъ попутно при разсмотрѣніи различныхъ вопросовъ исторической фонетики примѣрамъ можно было бы безъ труда прибавить рядъ другихъ. Такъ, старая форма *greb-ti infin. еще въ праславянскомъ дала *greti вслѣдствіе упрощенія группы bt въ t: ср. др.-ц.-сл. грети; однако, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, формъ наст. вр. *гребу—гребеш* и т. д., а съ другой стороны подъ вліяніемъ формъ инфинитива *плести, вести, нести* и т. п. явилась форма *гребсти*; подъ вліяніемъ тѣхъ же формъ *плести* и т. п. явилось *клясти* вм. *кляти* (др.-ц.-сл. клѧти); подъ вліяніемъ формъ наст. вр. *пеку, могу* явилось *пекти, могти* вм. *печи, мочи*; подъ вліяніемъ *можеш, може, можемо* и т. д.—*можу* вм. *могу*; подъ вліяніемъ *з ним*, гдѣ н относилось первоначально къ предлогу *sъn—(i'mь),—*від него, до неї* и т. п.

5. Количество и удареніе.

§ 66. Сравненіе словянскихъ языковъ приводитъ къ выводу, что въ праславянскомъ языкѣ удареніе не было связано съ какимъ либо опредѣленнымъ слогомъ слова, было—*свободнымъ*.

Въ то же время гласные въ праславянскомъ языкѣ различались по количеству: были долгими или краткими, причемъ въ долгихъ слогахъ могла имѣть мѣсто различная интонація.

Нѣкоторые словянскіе языки, какъ напримѣръ сербскій, словинскій, до сихъ поръ сохранили не только различіе долготы и краткости, но и различіе интонаціи: въ сербскомъ штокавскомъ, напримѣръ, находимъ два долгихъ и два краткихъ ударенія.

Эти три черты: 1) разномѣстное удареніе, 2) различіе долготы и краткости и 3) различіе интонаціи долженъ былъ получить въ наслѣдство отъ прасловянскаго праруccкій языкъ. Но во всѣхъ трехъ восточныхъ, т. е. русскихъ, языкахъ потеряно какъ старое различіе долготы и краткости, такъ и различіе интонацій.

Какъ мы видѣли выше, въ извѣстныхъ условіяхъ въ украинскомъ появилась новая долгота, но и она не удержалась: новые долгіе о, е, измѣнились въ дифтонги и затѣмъ въ большой части говоровъ въ монофтонги, ничѣмъ не отличающіеся въ количественномъ отношеніи отъ остальныхъ гласныхъ.

Такимъ образомъ, украинскій языкъ, какъ и в.-р. и б.-р. языки, сохранилъ до настоящаго времени одну лишь исконную праруccкую и прасловянскую черту,—свободное т. е. разномѣстное удареніе.

Мѣсто ударенія въ словѣ въ украинскомъ, какъ и въ в.-р. и б.-русскомъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ старое. Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ произошли измѣненія: такъ въ им. мн. *бабú*, *коровú* и т. п. удареніе окончанія явилось вм. стараго ударенія корня: ср. сербское чакавское bȁbi, krȁvi и в.-р. *бáбы*, *корóвы*. Такого рода измѣненія въ отдѣльныхъ случаяхъ найдемъ и въ в.-русскомъ. Различія въ мѣстѣ ударенія, наблюдаемыя въ подобныхъ случаяхъ между украинскимъ и велико-русскимъ, немногочисленны и не имѣютъ принципіальнаго характера. Часто при этомъ отступленія украинскаго отъ великорусскаго характеризуютъ лишь часть говоровъ и литературный украинскій языкъ, но не всю совокупность украинскихъ говоровъ. Такъ, въ Галиціи слышится корóви (им. мн.), лáвки, хáти, а не *коровú*, *лавкú*, *хатú*.

Ср. Lehr, R. Sl. VII, 84 и сл. То, что въ современномъ украинскомъ произношеніи можетъ быть отмѣчено въ отношеніи количества или интонаціи, не имѣетъ ничего общаго съ различіемъ долготы и краткости и различіемъ интонацій, полученными отдѣльными словянскими языками въ наслѣдство отъ прасловянскаго: по Броку, ударяемый слогъ въ украинскомъ, какъ и въ великорусскомъ, произносится съ нѣкоторымъ удлиненіемъ сравнительно съ неударяемыми; въ то же время главноударяемый слогъ сопровождается болѣе высокимъ тономъ,—„обыкновенно легко возвышающимся или же приблизительно ровнымъ“ (Очеркъ, § 228, 248).

III. Морфологія.

1. Склоненіе именъ существительныхъ.

§ 67. Общая картина склоненія именъ существительныхъ въ прарусскомъ языкѣ, какъ ее можно себѣ представлять на основаніи сравненія великорусскаго, украинскаго и бѣлорусскаго, ничѣмъ не отличается отъ той, какая рисуется намъ по отношенію къ праславянскому. Въ именахъ существительныхъ имѣлось различіе 3 родовъ,—мужского, женскаго и средняго,—трехъ чиселъ,—единственнаго, множественнаго и двойственнаго, и 7 падежныхъ формъ,—именительнаго, родительнаго, дательнаго, винительнаго, творительнаго, мѣстнаго и звательнаго падежей.

Собственно, звательная форма не подходитъ подъ понятіе падежа, какъ форма обращенія, но стоитъ въ одномъ ряду съ формами падежей.

Различіе окончаній по падежамъ было связано въ прарусскомъ не съ различіемъ рода, которому принадлежало существительное, а съ различіемъ основы существительнаго, какъ и въ праславянскомъ, а эта черта именного склоненія была унаслѣдована праславянскимъ еще изъ праиндоевропейскаго.

Въ частностяхъ однако прарусское именное склоненіе отличалось отъ праславянскаго;—имѣемъ въ виду отличія въ нѣкоторыхъ падежныхъ окончаніяхъ.

Такъ, форма твор. п. ед. ч. именъ муж. рода типа *носъ—носа* оканчивалась въ прарусскомъ, повидимому, на—*ъмь : носъмь*, тогда какъ въ праславянскомъ здѣсь было окончаніе—*омь*. Форма вин. п. мн. ч. именъ типа *конь—коня* оканчивалась въ прарусскомъ на—*ѣ : конѣ*, тогда какъ нѣкоторые другіе словянскіе языки указываютъ здѣсь на окончаніе ę (е носовое). Въ иныхъ случаяхъ имѣлись между прарусскимъ и праславянскимъ различія въ падежныхъ окончаніяхъ, объясняющіяся чисто звуковыми измѣненіями: такъ, праслов. окончаніе вин. п. ед. ч. именъ типа *вода*—ǫ (о носовое) измѣнилось въ прарусскомъ, какъ и всюду,—и въ корняхъ словъ,—въ ų (у носовое) или даже въ чистое u (у),—ср. § 30.

Процессъ измѣненія прарусскаго именного склоненія въ украинскомъ, великорусскомъ и бѣлорусскомъ сходенъ *въ общемъ* съ тѣмъ процессомъ, который пережило унаслѣдованное изъ праславянскаго именное склоненіе въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ. Процессъ этотъ заключался въ слѣдующемъ. Склоненія именъ существительныхъ одного и того же рода, но разныхъ основъ сближались между собою,

взаимно вліяя одно на другое; первоначальныя различія между отдѣльными типами склоненія постепенно стирались, и нѣсколько типовъ склоненія или сливались совершенно въ одинъ общій типъ, или же, не теряя вполнѣ своей обособленности, получали рядъ общихъ окончаній. Процессъ этотъ, слѣдовательно, можно охарактеризовать, какъ процессъ упрощенія, причемъ видная роль въ немъ принадлежала родовому принципу.

Подробнѣе мы ознакомимся съ этимъ процессомъ при разсмотрѣніи украинскаго именного склоненія.

Склоненіе именъ мужского рода.

§ 68. Прарусскій языкъ долженъ былъ получить изъ праславянскаго нѣсколько типовъ склоненія именъ муж. рода: 1) склоненіе именъ съ основой на-o,-jo (прарусс. bogъ, kon'ь); 2) склоненіе именъ съ основой на-u (synъ); 3) склоненіе именъ съ основою на-i (gostь) и 4) склоненіе именъ съ основой на согласный (kamy). Древнѣйшій видъ этихъ склоненій по отношенію къ прарусскому, можно думать, былъ таковъ.

	—o,—jo — основы	*—u — основы*	*—i — основы*	*основы на согласный.*
	Ед. ч.	*Ед. ч.*	*Ед. ч.*	*Ед. ч.*
Им.	bogъ, końь	synъ	gostь	kamy (kamenь)
Род.	boga, końa	synu	gosti	kamene
Дат.	bogu, końu	synovi	gosti	kameni
Вин.	=им. или род.	synъ	gostь	kamenь
Тв.	bogъmь, końьmь	synъmь	gostьmь	kamenьmь
Мѣст.	bozě, końi	synu	gosti	kamene
Зв. ф.	bože, końu	synu	gosti	—
	Множ. ч.	*Множ. ч.*	*Множ. ч.*	*Множ. ч.*
Им.-зв.	bozi, końi	synove	gosti	kamene
Род.	bogъ, końь	synovъ	gostьjь	kamenъ
Дат.	bogomъ, końemъ	synъmъ	gostьmъ	kamenьmъ
Вин.	bogy, końě	syny	gosti	kameni
Твор.	bogy, końi	synъmi	gostьmi	kamenьmi
Мѣстн.	bozěchъ, końichъ	synъchъ	gostьchъ	kamenьchъ
	Дв. ч.	*Дв. ч.*	*Дв. ч.*	*Дв. ч.*
Им.-В.-Зв.	boga, kon'a	syny	gosti	kameni
Род.-Мѣст.	bogu, kon'u	synovu	gostьju	kamenьju
Дат.-Твор.	bogoma, kon'ema	synъma	gostьma	kamenьma

Въ именахъ типа gostь и типа kamy явилась затѣмъ въ прарусскую эпоху мягкость согласнаго передъ палатальными гласными е, і, ь.

Трудно сказать, насколько сохранилось въ прарусскомъ языкѣ склоненіе основъ на—u (synъ), какъ особое склоненіе. Дѣло въ томъ, что склоненіе это очень рано утрачено было во всѣхъ словянскихъ языкахъ; въ др.—ц.—слов. памятникахъ XI вѣка уже нельзя провести строгой границы между склоненіемъ основъ на—о (богъ) и склоненіемъ именъ съ основой на—u (сынъ),—эти послѣднія рядомъ со старыми формами имѣютъ новыя—съ окончаніями основъ на—о; съ другой стороны, основы на—о имѣютъ формы съ окончаніями основъ на—u. То же самое находимъ въ древне—русскихъ памятникахъ. Поэтому возможно, что уже въ прарусскомъ склоненія эти (bogъ и synъ) смѣшивались, не были строго разграничены, что употреблялась форма род. п. bogu рядомъ со старой boga и syna рядомъ со старой synu.

Во всякомъ случаѣ уже для прарусскаго должно предполагать полное вытѣсненіе окончанія—omь (—омь) въ твор. п. ед. ч. именъ типа vъlkъ окончаніемъ—ъmь (ъмь): форма bogъmь вм. старой bogomь.

На это указываютъ какъ факты др. русскихъ памятниковъ, такъ и данныя украинскаго языка (ср. ниже). Точно также можно думать, что вмѣсто старой формы kon'emь въ твор. ед. ч. уже въ прарусскомъ явилась форма kon'ъmь.

Въ вин. мн. ч. именъ типа kon'ь мы можемъ увѣренно предполагать для прарусскаго окончаніе—ě (ѣ), на которое указываютъ и западно-словянскіе языки, въ то время какъ южно-словянскіе указываютъ на окончаніе—ę (е носовое).

Форма им. п. ед. ч. kamy, если не въ прарусскомъ уже, то очень рано во всѣхъ трехъ русскихъ языкахъ была вытѣснена формой вин. падежа kamenь.

Въ дат. и твор. мн. ч. именъ съ основой на согласный можно предполагать по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ именъ образованіе, отличное отъ формы типа kamenьmъ: отъ pol'ane (им. мн.)—pol'amъ, отъ sodoml'ane—sodoml'amъ (ср. *содомлямъ* въ Арханг. Ев.), твор. pol'ami, sodoml'ami.

§ 69. Въ соотвѣтствіи четыремъ прарусскимъ типамъ склоненія именъ муж. рода въ украинскомъ находимъ одинъ общій типъ мужеского склоненія съ двумя разновидностями,—твердой и мягкой.

При этомъ формы двойств. числа украинскимъ потеряны вообще, во всемъ склоненіи, какъ и въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ, какъ и въ большинствѣ словянскихъ языковъ.

Такимъ образомъ, въ украинскомъ имѣемъ:

	Ед. ч.		*Множ. ч.*	
Им.	бог (біг,-ср. § 45)	швець	боги́	шевці
Род.	бога	шевця́	богі́в	шевці́в
Дат.	богу, богови	шевцéви	богам	шевця́м
Вин.	бога	шевця	богів	шевці́в
Тв.	богом	шевцéм	богами	шевця́ми
Мѣст.	бозі	шевці́	богах	шевця́х
Зв.	боже	шевче	= им.	= им.

Обычно удареніе не обозначается, если мѣсто его въ формѣ совпадаетъ съ в.-русскимъ; обозначается въ случаяхъ, гдѣ можетъ возникнуть сомнѣніе.

§ 70. Прежде, чѣмъ дать историческое освѣщеніе приведенной схемѣ склоненія, должно сдѣлать нѣсколько фактическихъ указаній.

Такъ, какъ имя *бог*, склоняются всѣ имена м. р. съ основой на —о и—u,—съ твердымъ согласнымъ въ исходѣ: воріг—ворога, ву́гол—ву́гла, син—сина, осéл—ослá, ві́тер—вітра, гріб—гроба, мід—мéду, дяк—дякá, у́ченик—у́ченика, верх—верхá, знак—знаку́ и т. п. Такъ, какъ *швець*, склоняются имена съ мягкимъ согласнымъ въ исходѣ—прежнія основы на-jo и на—і: учитель—учи́теля, край—краю́, огонь—огню́, день—дня, кінь—коня, отець—вітця́ и т. п.

2) Имена съ основой на—jo съ согласными шипящими ж, ч, ш въ исходѣ вслѣдствіе отвердѣнія шипящихъ представляютъ твердый исходъ, но склоняются, какъ мягкая разновидность: ніж, ножá, но*жеви*, ніж (вин. ед.), но*жем*, тогда какъ въ твердой разновидности имѣемъ въ дат. ед.—*ови*, а въ твор.—*ом*.

3) Имена со старой основой на—і и губнымъ согласнымъ въ исходѣ, съ отвердѣніемъ губного, перешли въ склоненіе твердой разновидности: голуб, голуба, голу*бови*, голуб*ом* твор. ед.

4) Имена со старой основой на—jo и согласнымъ р въ исходѣ относятся къ мягкой разновидности склоненія, хотя р отвердѣлъ (ср. § 54): цісар, ці́саря, ці́сар*еви*, цісар*ем* твор. ед.

5) Какъ имена м. р. твердой разновидности, склоняются имена собственныя съ окончаніемъ средняго рода—о въ имен. п., какъ Петро (Петрá, Петрóви и т. д.).

Петро вм. Петръ явилось (какъ и *Павло* и т. п.) подъ вліяніемъ *Грицько*, *Левкó*, *хвалькó* и т. п., а имена на—*ко*,—уменьшительныя, первоначально были именами средняго рода.

6) Имена типа *римлянинъ* относятся къ твердой разновидности склоненія; во множ. числѣ имена эти представляли въ старину склоненіе основъ на согласный, и это отражается еще въ формѣ род. мн. *римлян* (ср. богів, синів, вýглів и т. п.), которая соотвѣтствуетъ др.-ц.-словянской римлѧнъ.

Имена со старой основой на согласный: *кáмінь, грéбінь, корінь* относятся къ мягкой разновидности склоненія.

7) Въ нѣкоторыхъ падежахъ находимъ колебаніе между двумя окончаніями: a) род. ед. *бог-а*, но *мéд-у, грóба* и *гробу, верхá* и *верхý, шевця́*, но *краю, огню;* b) дат. ед. *бог-у, бóгови, Петрóви, вýглови, мéдови, шевцéви, краéви*,—вообще говоря—*ови* является обычнымъ окончаніемъ,—*у*—рѣдкимъ; c) въ вин. ед. находимъ или форму, равную им. ед., или же равную род. ед.: *бóга, Петрá, ослá, сúна*, но—*вýгол, вітер, гріб;* d) мѣстн. ед.: *бóзі, вýглі, ослі, сині*, но—*дякý, ýченику, верхý, знакý, ножí, краю* и *краí, огню* и *огні*; e) зват. ф. *бóже, óсле, Пéтре, шéвче, сúне* и *сúну, учителю, цíсарю, краю, óгню;* f) вин. мн. равенъ или им. мн., или род. мн.: *богíв, Петрів, вýгли, ослú, шевців, краí.*

§ 71. Въ приведенной въ § 69 схемѣ склоненія именъ муж. рода отражается общій фактъ сліянія нѣсколькихъ типовъ склоненія именъ муж. рода, полученныхъ изъ прарусскаго украинскимъ, въ одинъ общій типъ съ незначительными варіаціями въ отдѣльныхъ падежахъ (ср. § 68). Имена съ основой на—u (synъ) примкнули въ этомъ процессѣ къ именамъ на—o (bogъ), а имена на—i (gostь) и на согласный (kamy)—къ именамъ на—jo (kon'ь).

При этомъ въ силу чисто звуковыхъ измѣненій на украинской почвѣ произошли слѣдующія преобразованія прарусскихъ формъ: 1) формы им. п. bogъ, synъ, gost'ь, kon'ь вслѣдствіе отпаденія ъ, ь дали *бôг (біг), син, гост*(ь), *кôн*(ь)—кінь съ конечными мягкими т и н; 2) форма твор. п. bogъmь дала *богом* вслѣдствіе отпаденія конечнаго ь и перехода ъ въ о въ предыдущемъ слогѣ; такъ же получилось *сином* изъ synъmь, *гостем* изъ *gostьmь, *конем* изъ kon'ьmь; 3) форма мѣстн. п. bozě дала *бозі* вслѣдствіе измѣненія ě (ѣ) въ і.

Что касается измѣненія согласнаго g въ ž (bože зв. ф. отъ *бог*) и c (ц) въ č (*шевче* зват. ф. отъ *швецъ*), то эти измѣненія произошли уже въ праcловянскомъ (ср. § 50), притомъ въ формѣ *шевче* перешло въ ч старое k еще до измѣненія его въ ц въ другихъ падежахъ.

Слѣдовательно, было šьvьkъ, šьvьka.... šьvьke, затѣмъ šьvьkъ, šьvьka.... šьvьce и, наконецъ, šьvьcь, šьvьca.... šьvьče; ср. нашъ Др.-ц.-сл. яз.,[3] 183 с.

Въ формѣ *бозі з* въ прарусскомъ получилось изъ dz, а dz - въ праслявянскомъ изъ g (ср. § 8, 50).

§ 72. Иныя явленія, происшедшія при сліяніи въ одну схему различныхъ прарусскихъ типовъ склоненія, носятъ морфологическій характеръ. Въ формѣ род. п. ед. ч. установились два окончанія:—**а** и **у**,—*бога* и *меду* (ср. прарусс. boga, synu, kon'a), тогда какъ окончанія і, е исчезли (прарусс. gosti, kamene).

Ср. уже въ Сборн 1073 г. *льну* род. п.: *у* въ основѣ на—о. Въ древнѣйшихъ памятникахъ находимъ: *огня*, *звѣря*.

Въ дат. ед. одержало верхъ окончаніе—ovi именъ типа synъ (ср. § 68, 70), окончаніе—u (у) именъ типа bogъ рѣдко употребляется. При этомъ въ именахъ типа kon'ь, gost'ь и kamy явилось окончаніе новое, котораго въ прарусскомъ не было:—*еви (шевцеви, гостеви, каменеви);* окончаніе это представляетъ новообразованіе, возникшее рядомъ съ—*ови* по образцу отношеній—*ом : ем* въ твор. ед. *(богом : конем)*. Уже въ Мстиславовой грамотѣ 1130 г. находимъ: *георгиѥви*.

Въ формѣ вин. п. ед. ч. находимъ окончаніе—*а* род. падежа въ именахъ, обозначающихъ живыя существа, въ иныхъ же форма эта равна формѣ им. ед.: *бога*, но *ніж*. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ весьма древнимъ явленіемъ, наблюдающимся уже въ др.-церк.-словянскомъ и въ живыхъ словянскихъ языкахъ: въ именахъ, обозначающихъ живыя существа, форма вин. падежа замѣнилась формой родительнаго.

Въ формѣ мѣстн. ед. ч. *шевці* и т. п. і, восходящее къ ě (ѣ), не можетъ быть признано старымъ: ср. прарусс. kon'i (а—і прарусское дало бы и); слѣд., старая форма *кони* замѣнилась формой *конѣ* подъ вліяніемъ формы *бозѣ* (какъ и въ вел.-русскомъ). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (въ Галиціи и въ Буковинѣ) можно слышать старую форму: *в огни, на кони*. Формы мѣстн. п. ед. ч. *дяку, верху, знаку* и т. п. удержали окончаніе—u основъ на—u (ср. § 68 : synu).

Въ формѣ звательной ед. ч., въ которой находимъ колебаніе между двумя окончаніями,—**е** и **у**,—первое окончаніе принадлежитъ именамъ типа bogъ, а второе—именамъ типа kon'ъ и типа synъ.

Формы им. мн. ч. *боги, шевці* не соотвѣтствуютъ прарусскимъ bozi, šьvьci: изъ bozi получилось бы *бози*, изъ šьvьci—*шевци;* также прарусскія формы synove, gosti, kamene не даютъ ключа къ пониманію украинскихъ формъ; онѣ представляютъ формы вин. п. мн. ч. (прар. *bogy, *kon'ě), получившія значеніе имен. п. мн. ч., съ измѣненіемъ у (ы) въ и и ě (ѣ) въ і; вѣроятно, толчкомъ къ такой замѣнѣ старыхъ формъ им. мн. ч. формами вин. падежа послужило совпаденіе им. и вин. въ единств. числѣ.

Формы им. мн. ч. на—а: *ліса*, *вівса*, *очерета*, вѣроятно, обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію именъ съ собирательнымъ значеніемъ на а: ср. старыя *братиꙗ*, *дружиꙗ*, *сватиꙗ* (Соболевскій, Лекціи [3] 216 с., приводитъ холмское *сватя*). Въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ употребляются формы на—*ове:* у лемковъ, напримѣръ,—*вітрове* и т. п.

Въ формѣ род. п. мн. ч. установилось всюду въ твердыхъ основахъ окончаніе—*овъ* именъ типа synъ (см. § 68)—synovъ, причемъ фонетически это—*овъ* измѣнилось въ—*ів* (*богів* и т. п.). Въ мягкихъ основахъ сформировалось окончаніе—*ев* (ср. выше—*ови*,—*еви*), которое также дало—*ів:* ср. въ Сборн. 1076 г. *вождевъ* (7 л.).

Въ отдѣльныхъ именахъ сохраняется старое окончаніе—*ий*: *гостий*, *коний*, *гроший*.

Такая побѣда окончанія—*овъ* (—овъ) надъ другими окончаніями этого падежа объясняется выразительностью его: оно было исключительно связано съ формой род. мн., тогда какъ формы bogъ, konь (§ 68) были въ то же время формами им. ед. и вин. ед.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранилась старая форма род. мн., напримѣръ въ выраженіи *шість разъ* и т. п.

Употребленіе формы род. п. (на—ів) въ значеніи вин. падежа мн. ч. въ именахъ, обозначающихъ живыя существа, представляетъ то же явленіе, что и въ единственномъ числѣ; при этомъ наблюдаются случаи сохраненія старой формы вин. п. и при именахъ, обозначающихъ живыя существа: *в гості іти*, *меж люди*.

Наконецъ, старыя формы дат., тв. и мѣстн. мн. ч. замѣнились новыми:

вмѣсто	дат.	богомъ,	конемъ	сынъмъ	гостьмъ	каменьмъ
	тв.	богы,	кони	сынъми	гостьми	каменьми
	мѣстн.	бозѣхъ,	конихъ	сынъхъ	гостьхъ	каменьхъ (ср. § 68)—
мы имѣемъ		бог*ам*,	кон*ям*	син*ам*	гост*ям*	камен*ям*
		бог*ами*,	кон*ями*	син*ами*	гост*ями*	камен*ями*
		бог*ах*,	кон*ях*	син*ах*	гост*ях*	камен*ях*.

Окончанія—*ам*,—*ами*,—*ах* въ этихъ падежахъ появились вмѣсто старыхъ окончаній подъ вліяніемъ склоненія основъ на—а, которое является по преимуществу женскимъ склоненіемъ, но къ которому относятся издревле нѣкоторыя имена муж. рода: *воевода*, *владика*, *слуга*, *мужчина́*, *ста́роста* и т. п. Дат., твор. и мѣстн. мн. ч. отъ этихъ именъ имѣлъ окончанія—*ам*,—*ами*,—*ах* (ср. ниже, § 73).

Въ говорахъ встрѣчаются окончанія—*ѣм*, *ѣх* : *людем*, *людех* (е изъ ь).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что бóльшая часть окончаній мужского склоненія принадлежитъ по своему происхожденію основамъ

на—*o*,—*jo*, т. е. именамъ типа bogъ, kon'ъ, нѣкоторыя окончанія принадлежатъ основамъ на *u*—(synъ) и нѣкоторыя перенесены изъ основъ на—а (sluga). Имена типа gostь и типа kamenь не играли активной роли въ процессѣ образованія одного мужского склоненія.

Что касается формъ двойств. числа, которыя вообще говоря вышли изъ употребленія, то должно замѣтить, что въ выраженіяхъ вродѣ *два сина*, *два купця* мы имѣемъ собственно старую форму им.-вин.-зв. дв. ч. именъ типа bogъ, kon'ъ (ср. § 68), но только форма эта сознается не какъ форма им. дв. ч., а какъ форма род. ед. ч.

§ 73. Особо стоитъ небольшая группа именъ муж. рода со старой основой на—а, какъ *воевода*, *владика*, *ста́роста*, *слуга́*, *сирота́* и т. п.

Склоненіе этихъ именъ, оказавшее, какъ мы видѣли, вліяніе на общее мужское склоненіе въ дат., твор. и мѣстн. мн. ч., ничѣмъ не отличается отъ склоненія именъ ж. р. съ основой на—а.

Поэтому, приводя здѣсь образецъ склоненія этихъ именъ, не снабжаемъ его никакими замѣчаніями, такъ какъ освѣщеніе этихъ формъ будетъ дано ниже, въ §§, посвященныхъ склоненію именъ женск. рода.

	Единств. ч.		*Множ. ч.*	
Им.	воєвода	пяниця	воєводи	пяниці
Род.	воєводи	пяниці	воєвод (—одів)	пяниць
Дат.	воєводі	пяниці	воєводам	пяницям
Вин.	воєводу	пяницю	воєвод (—одів)	пяниці
Твор.	воєводою	пяницею	воєводами	пяницями
Мѣстн.	воєводі	пяниці	воєводах	пяницях
Зват. ф.	воєводо	пянице	=имен.	=имен.

Склоненіе именъ женскаго рода.

§ 74. Въ прарусскомъ можно предполагать три или даже четыре типа склоненій именъ ж. рода: 1) склоненіе основъ на—а съ твердой и мягкой разновидностью (*rana*, *zeml'a*); 2) склоненіе основъ на—i (поćь); 3) склоненіе основъ на согласный (mati) и 4) склоненіе основъ на—ū (cьrky, l'uby); впрочемъ, послѣднее мало чѣмъ отличалось отъ 3-го и потому можетъ быть разсматриваемо, какъ одинъ съ нимъ въ общемъ типъ склоненія именъ женск. рода.

Склоненіе этихъ различныхъ типовъ можно себѣ представлять въ слѣдующемъ видѣ, имѣя въ виду данныя сравнительной грамматики словянскихъ языковъ и прарусскія звуковыя измѣненія.

	Основы на—a	*Основы на—i*	*Основы на согласный и на—ū*	
	Един. ч.	*Един. ч.*	*Един. ч.*	
Им.	rana, zemľa	nočь	mati	ľuby
Род.	rany, zemľě	noči	matere	ľubъve
Дат.	raně, zemľi	noči	materi	ľubъvi
Вин.	ranǫ, zemľǫ	nočь	materь	ľubъvь
Твор.	ranojǫ, zemľejǫ	nočьjǫ	materьjǫ	ľubъvьjǫ
Мѣстн.	raně, zemľi	noči	matere (—i)	ľubъve (—i)
Зват. ф.	rano, zemľe	noči	=имен.	=имен.
	Множ. ч.	*Множ. ч.*	*Множ. ч.*	
Им.	rany, zemľě	noči	matere	ľubъve
Род.	ranъ, zemľь	nočьjь	materъ	ľubъvьjь
Дат.	ranamъ, zemľamъ	nočьmъ	materьmъ	ľubъvamъ
Вин.	rany, zemľě	noči	materi	ľubъvi
Твор.	ranami, zemľami	nočьmi	materьmi	ľubъvami
Мѣстн.	ranachъ, zemľachъ	nočьchъ	materьchъ	ľubъvachъ
Зват.	=имен.	=имен.	=имен.	
	Двойств. ч.	*Двойств. ч.*		
Им.—Вин. Зв.	raně, zemľi	noči	materi	(ľubъvi)
Род.—Мѣстн.	ranu, zemľu	nočьju	materьju	(ľubъvьju)
Дат.—Твор.	ranama, zemľama	nočьma	materьma	(ľubъvama)

Должно при этомъ замѣтить, что 1) въ формахъ вин. п. ед. ч. ranǫ, zemlǫ могло быть носовое или же чистое u (ср. § 30), то же—относительно другихъ формъ таблицы съ—ǫ; 2) далѣе, что предположительныя формы основъ на согласный и на—ū возстанавливаются менѣе увѣренно, чѣмъ формы основъ на—a и на i; особенно это должно подчеркнуть относительно основъ на—ū, отъ которыхъ нѣкоторыя формы поставлены даже въ скобки; отличіе отъ формъ основъ на согласный въ дат., твор. и мѣстн. множ. числа предположено въ виду параллельныхъ данныхъ др.-церк.-словянскаго языка; 3) прарусская форма род. ед. и им.-вин. мн. ч. zemľě отличается окончаніемъ ě (ѣ) отъ южнословянскихъ формъ, которыя указываютъ на праслов. окончаніе ę (е носовое); 4) нѣкоторыя имена мягкой разновидности основъ на—a оканчивались первоначально въ им. п. ед. ч. на—i: pustyńi, mъlńьji, sǫdьji,—соврем. украин. *пустиня, суддя,*—но уже въ Сборн. 1076 г. находимъ форму *судия,* въ Арханг. Ев. 1092 г. *млъния,* въ Добриловомъ Ев. 1164 г. *судья.*

§ 75. Склоненіе именъ типа rana, zemľa и склоненіе именъ типа nočь сохранили въ общемъ свою самостоятельность по отношенію другъ

къ другу, хотя второе и подверглось вліянію со стороны перваго: склоненіе именъ типа mati и типа l'uby въ сильной мѣрѣ потеряли свою самостоятельность въ украинскомъ, подверглись вліянію со стороны основъ на—а и основъ на і.

Склоненіе основъ на—а имѣетъ въ украинскомъ слѣдующій видъ:

	Единств. ч.	*Множ. ч.*
Им.	рана, земля	рани, землі
Род.	рани, землі	ран (ранів), земель (землів)
Дат.	рані, землі	ранам, землям
Вин.	рану, землю	рани, землі
Твор.	раною, землею	ранами, землями
Мѣстн.	рані, землі	ранахъ, землях
Зват.	рано, земле	=имен.

Въ выраженіи *дві рані* и т. п. украинскій языкъ до сихъ поръ еще сохраняетъ старую форму им.-вин.-зв. двойств. числа основъ на—а: ср. др.-ц.-слов. дъвѣ ранѣ (украинское і=прарусс. и др.-ц.сл. ѣ).

Вообще говоря, если сопоставить приведенную таблицу склоненія съ прарусской (ср. § 74) и принять во вниманіе звуковыя измѣненія, происшедшія въ украинскомъ языкѣ, то окажется, что древній, прарусскій видъ этого склоненія очень мало измѣнился въ украинскомъ. Въ силу звуковыхъ измѣненій форма род. п. ед. ч., им.—вин. мн. ч. *рани* явилась вмѣсто прарусск. rany (ы=и), форма дат.-мѣстн. ед. *рані* замѣнила старую форму ranѣ (ѣ=і), такъ же явилась форма им.—вин. мн. ч. *землі* вм. старой zeml'ě (і дало бы *и*).

Нефонетически явилась форма дат.—мѣстн. ед. ч. *землі* съ і изъ ѣ вм. *земли*—подъ вліяніемъ *рані:* тоже въ вел.-русскомъ *(землѣ);* однако въ нѣкоторыхъ говорахъ сохраняется старая форма *земли.* Нефонетически явились также формы род. п. мн. ч. на—*ів (ранів, студнів, бабів, хатів* и т. п.),—рядомъ со старыми формами типа *ран.*

Въ Галиціи и Буковинѣ твор. ед. ч. оканчивается на—*ов* (*ранов*), что получилось фонетически изъ—оі̯u (—*ою*) вслѣдствіе выпаденія і̯ и измѣненія у въ неслоговое, потомъ в. Сопоставляютъ эту форму на—ов съ др.—сербской на—*овь*, но параллели можно указать и ближе: въ сѣв.—вел.—русскихъ формахъ *водоў* и т. п. Въ нѣкоторыхъ карпатскихъ говорахъ *ов* измѣнилось въ—*ом*: *руком*,—подъ вліяніемъ *богом*, *вікном* и т. д. Въ именахъ съ согласными к, г, х въ исходѣ основы имѣемъ измѣненіе этихъ согласныхъ въ ц, з, с передъ і (изъ ѣ): дат.—мѣстн. ед. *руці*, *нозі*, *мусі*

§ 76. Склоненіе именъ типа *ніч* имѣетъ въ украинскомъ слѣдующій видъ.

Единств. ч.	*Множеств. ч.*
Им.—Вин. ніч	Им.—Вин.—Зв. ночи (ночі)
Род.—Дат. ночи (ночі)	Род. нóчий
Твор. ночию, ніччу	Дат. нóчам
Мѣстн. ночѝ (ночі)	Твор. нóчами
Зв. ноче	Мѣстн. нóчах

Въ этомъ склоненіи такъ-же, какъ и въ склоненіи основъ на—**а**, бóльшая часть формъ старая. Въ им. ед. отпало конечное **ь**, въ силу чего удлинилось коренное **о** въ словѣ *ночь* и т. п. Въ твор. п. *ніччу* изъ *ночию* (съ і редуцированнымъ)—тѣ же самыя явленія; въ формѣ параллельной твор. ед. *ночию,* вѣроятно, имѣемъ перенесеніе і редуцированнаго сильнаго изъ ф. род. мн. *ночий* или же краткаго и изъ формъ *ночи* род.—дат.—мѣстн. ед.

Въ формѣ звательный *ноче,* очевидно, имѣемъ вліяніе формы *земле* и т. п.: въ формѣ ночі род.—дат.—мѣстн. ед. и им.—вин. мн.—также вліяніе формы *землі*; въ формахъ *ночам, ночами, ночах* сказывается вліяніе тѣхъ же—а—основъ (ср. § 74: прарусск. поčьтъ, поčьті, поčьсhъ).

§ 77. Имена, представляющія старыя основы на согласный и на—ū, какъ уже было сказано выше, подверглись вліянію со стороны именъ съ основой на—а и на—і, какъ болѣе многочисленныхъ.

Такъ, *мати* склоняется слѣдующимъ образомъ:

им. *мати*, род. *матери*, дат. *матері*, вин. *матір*, твор. *матерю*. мѣстн. *матері*, зват.=им. Множ. ч.: *матері*, *материй* или *матерів*, *матерям*, *матері*, *матерями*, *матерях*.

Здѣсь мы имѣемъ вліяніе основъ на—і (*ніч*) въ род. ед., род. мн. (—*ий*), вліяніе—**а**—основъ въ дат. ед., мѣстн. ед., им. мн., род. мн. (ср. *ранів* и т. п.), вин. мн., дат. мн., твор. мн. и мѣстн. мн.

Слово dъči (ср. др.—ц.—сл. дъшти) замѣнилось уменьшительнымъ *дочка*. Основа на—u l'ubу замѣнила старую форму имен. формой винительнаго: *любов*; род. и дат. любови (род.—*и*—подъ вліяніемъ основъ на—і); вин.=имен.; твор. *любовю* (изъ *любовию*); мѣстн. *любови*.

Иныя слова того же типа перешли въ склоненіе основъ на—**а**: *церква, морква*. Впрочемъ сохранилось и *церков (церкви, церкві, церков:* мн. ч.—*церкви, церквів, церквам,—ами,—ах).*

Склоненіе именъ средн. рода.

§ 78. Имена средняго рода, какъ и имена муж. и жен. рода, не представляли въ прарусскомъ однообразнаго склоненія. Было два главныхъ типа: 1) склоненіе именъ съ основой на—о,—jo (lěto, pol'e) и 2) склоненіе именъ съ основой на согласный—n,—s (im'ą, tel'ą, slovo).

Въ приводимой ниже таблицѣ прарусскихъ формъ именъ ср. рода для простоты пишемъ а во всѣхъ случаяхъ на мѣстѣ праславянскаго ę, хотя для древнѣйшаго періода въ жизни прарусскаго языка должно предполагать ą (а носовое),—ср. § 30.

	Основы на—о,—jo	*Основы на согласный.*		
	Единств. ч.		*Единств. ч.*	
Им.-Вин.-Зв.	lěto, pol'e	im'a	tel'a	slovo
Род.	lěta, pol'a	imene	tel'ate	slovese
Дат.	lětu, pol'u	imeni	tel'ati	slovesi
Твор.	lětъmь, pol'ьmь	imenьmь	tel'atьmь	slovesьmь
Мѣстн.	lětě, pol'i	imene	tel'ate	slovese
	Множ. ч.		*Множ. ч.*	
Им.-Вин.-Зв.	lěta, pol'a	imena	tel'ata	slovesa
Род.	lětъ, pol'ь	imenъ	tel'atъ	slovesъ
Дат.	lětomъ, pol'emъ	imenьmъ	tel'atьmъ	slovesьmъ
Твор.	lěty, pol'i	imeny	tel'aty	slovesy
Мѣстн.	lětěchъ, pol'ichъ	imenьchъ	tel'atьchъ	slovesьchъ
	Двойств. ч.		*Двойств. ч.*	
Им.-Вин.-Зв.	lětě, pol'i	imeně?	tel'atě?	slovesě?
Род.-Мѣстн.	lětu, pol'u	imenu	tel'atu	slovesu
Дат.-Твор.	lětoma, pol'ema	imenьma	tel'atьma	slovesьma

Можно думать, что окончанія—*ъть* и—*ьть* въ твор. п. ед. ч. именъ типа lěto, pol'e проникли въ эти формы изъ склоненія мужск. рода (см. § 68) очень рано,—уже въ прарусскую эпоху, вытѣснивъ старыя окончанія—оть,—еть(праславянскія); украинскія формы *літом*, *полем* можно объяснить только изъ lětъmь, polьmь, такъ какъ изъ—оть,—еть получилось бы—ім.

Относительно формъ именъ съ основой на согласный должно замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть предполагаемы съ меньшей увѣренностью; таковы, напримѣръ, формы им.—вин.—зв. двойственнаго числа.

§ 79. Склоненіе именъ ср.—рода съ основой на—о—,jo сравнительно хорошо сохранилось въ украинскомъ языкѣ.

	Единств. ч.	*Множ. ч.*	
Им.-Вин.-Зв.	літо, поле	літа	поля
Род.	літа, поля	літ	піль
Дат.	літу, полю	літам	полям
Тв.	літом, полем	літами	полями
Мѣстн.	літі, полі, полю	літах	полях

Такъ склоняются вікно, військо, яблоко, ухо, тіло, зе́рно, со́ненько, хлопчисько, сонце, море, серце, щасте, віче, топорище и т. п.

Подъ вліяніемъ склоненія муж. рода въ мѣстн. ед. ч. находимъ колебаніе между окончаніями і (изъ ѣ) и у: *літі, яблоці*, но *війську, полі* и *полю*. Въ дат., твор. и мѣстн. мн. ч.—*ам,—ами,—ах* получились, какъ и въ именахъ муж. р., подъ вліяніемъ склоненія основъ на—а.

Форма *піль* род. мн. получилась изъ пол(ь) чисто фонетически (ср. § 44). Такъ же, какъ поле, склоняются имена типа *писання* (иначе—*писане*), причемъ и въ твор. ед. ч. сохраняютъ а: *писанням* (при *писане—писанем*).

§ 80. Имена съ основой на согласный—s—частично перешли въ склоненіе типа *літо*, отчасти сохранивъ старыя формы: слово, слова, слову, словом, слові; мн. ч. слова, слів, словам, словами, словах; такъ же—небо, неба, небу, но во множеств. ч. существуютъ формы *небеса, небес*, какъ и *чудеса, чудес* при чудо, чуда, чуду и т. д. и при параллельныхъ формахъ *чуда, чуд, чудам*.

§ 81. Имена съ основой на согласный—n почти потеряли свой самостоятельный типъ склоненія, подвергшись сильному вліянію со стороны именъ съ основой на—jo: *поле, зілля*. Лучше сохранилось склоненіе основъ на—t.

	Единств. ч.		*Множ. ч.*	
Им.-В.-Зв.	імя	теля	імя, імена	телята
Род.	імя (імени)	теляти	імен	телят
Дат.	імю (імені)	теляті	імям (іменам)	телятам
Тв.	імям	телям	імями (іменами)	телятами
Мѣстн.	імю (імені)	теляті	імях (іменах)	телятах

Имена со старой основой на—t (теля, гуся, дитя, кіся, порося, щеня, ягня, лоша, кача), какъ видимъ, почти всюду удержали свой суффиксъ—ęt=ат,—только въ твор. ед. ч. по образцу отношеній *поле: полем, зілля: зіллям* образована форма *телям* вм. старой *телятем*. Въ род. ед. окончаніе—и явилось вм.—е очень рано; такія формы находимъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ и даже въ др.—церк.—словянскихъ; оно перенесено изъ склоненія основъ на—і *(ночи)*;—і въ формѣ дат.-мѣстн. ед. *теляті* перенесено изъ—а—основъ *(рані)*; формы дат., твор. и мѣстн. на—*ам—ами, ах* также изъ склоненія—а основъ, откуда эти окончанія, какъ мы видѣли выше, проникли и въ склоненіе—і основъ женск. рода, и въ склоненіе именъ муж. рода.

Въ склоненіи основъ на—n (імя́, сі́мя, ви́мя, ті́мя, ра́мя) еще сохранились параллельныя только что разсмотрѣннымъ формамъ основъ

на—t формы: *імени* род., *імені* дат. и мѣстн., *имена* им. мн., *именам* дат. мн., *именами* твор. мн., *именах* мѣстн. мн.; но рядомъ находимъ и новыя формы безъ стараго признака основы: *имя*, *имю*, *імям*—*имя*, *имям*, *имями*, *имях*. Формы эти ясно сформированы по образцу соотвѣтствующихъ формъ: *зілля* род., *зіллю* дат., *зіллям* твор. и т. д.

2. Склоненіе мѣстоименій.

Склоненіе мѣстоименій искони,—не только въ прарусскомъ, но уже въ праславянскомъ и даже въ индо-европейскомъ,—отличалось отъ склоненія именъ существительныхъ своими, и притомъ значительными особенностями.

§ 82. Въ склоненіи личныхъ мѣстоименій главная особенность заключалась въ томъ, что отдѣльныя формы отличались одна отъ другой не только по окончаніямъ, но и по основѣ. Эта особенность ясна еще и нынѣ въ украинскомъ, какъ и въ вел.-русскомъ и бѣлорусскомъ:

	Ед. ч.			*Множ. ч.*	
Им.	я (—1 л.)	ти (—2 л.)	*Возвр. мѣст.*	ми (1 л.)	ви (2 л)
Род.	мене́	тебе́	себе́	нас	вас
Дат.	мені	тобі	собі	нам	вам
Вин. = род.		тебе́	себе́	нас	вас
Твор.	мною	тобою	собою	нами	вами
Мѣстн.	мені	тобі	собі	нас	вас

Мы видимъ здѣсь, напримѣръ въ мѣстоименныхъ формахъ 1 лица, пять различныхъ основъ (ср. им. ед., род. ед., твор. ед., гдѣ *мн*—изъ *мън*,—им. мн., род. мн.). Что касается окончаній приведенныхъ формъ, то они всюду—старыя; разумѣется, должно принимать во вниманіе при этомъ чисто фонетическія измѣненія, какъ. измѣненіе ě (ѣ) въ і въ формѣ *мені*, ы въ и въ формахъ *ми*, *ви*, отпаденіе конечнаго ъ въ формахъ *нас*, *вас*, *нам*, *вам*. Замѣтимъ еще, что въ формѣ дат.—мѣстн. ед. *мені* старая основа *мън*—(ср. вел.-р. *мнѣ*, др.-ц.-сл. мънѣ) замѣнилась основой *мен*—подъ вліяніемъ формы род. *мене*. Формы *тобі*, *собі* дат.-мѣстн. (ср. в.-р. тебѣ, себѣ) восходятъ къ прарусскимъ tobě, sobě: ср. *собѣ* въ Сборн. 1073 г., *собѣ*, *тобѣ* въ Арханг. Ев.

§ 83. Въ склоненіи мѣстоименій неличныхъ различаются „твердая" и „мягкая" разновидность, т. е. основы на—о и на jo (въ женскомъ р. на—а и на—ja). Образцомъ первой можетъ служить мѣстоименіе *той*, образцомъ второй—*він*.

Необходимо пояснить, что форма *той*, соотвѣтствующая др.-ц.-сл. тъ и в.-русской *тотъ* (изъ *тъ-тъ*), представляетъ форму сложную: *тъ+и* (ср. § 37), мѣстоименіе же *він* (*воná*, *вонó*) въ формахъ им. п. ед. ч. и им. мн. ч. (*вони́*) представляетъ тоже „твердую" разновидность мѣстоименнаго склоненія. Но всѣ остальныя падежи служатъ образцомъ „мягкой" разновидности. Дѣло тутъ заключается въ томъ, что старыя формы имен. п. ед. ч. *i, *ja, *je и мн. ч. *i, *ję, *ja вышли изъ употребленія въ глубокой древности, и вмѣсто нихъ стали употребляться формы им п. отъ другой мѣстоименной основы—ono—, ona—: уже въ др.-ц.-сл. языкѣ формы i, ja, je и т. д. (им. ед. и им. мн.) извѣстны только съ прибавленіемъ частицы *же*: иже, ꙗже, ѥже, иже, ѩже, ꙗже.

Мѣстоименіе *онъ, она, оно* имѣло свои формы косвенныхъ падежей, параллельныя формамъ отъ *тъ, та, то* (*одного, одному* и т. п).

	Единств. ч.			*Единств. ч.*		
Им.	той те	та	він	воно	вона
Род.	того	тої		єго, його	еї, її
Дат.	тому	тій		єму, йому	їй
Вин. = им.	род. = им.	ту		єго, його	= род.
Твор.	тим	тою		ним, їм	нею, ею
Мѣстн.	тім	тій		нім, їм	ній, їй.

	Множ. ч.	*Множ. ч.*
Им.	ті	вони
Род.	тих	їх, них
Дат.	тим	їм, ним
Вин.	ті, тих	їх, них
Тв.	тими	ними, їми
Мѣстн.	тих	них, їх.

Въ косвенныхъ формахъ ед. ч. имѣемъ формы, общія для муж. и ср. рода, за исключ. вин. п., а во множ. ч.—формы общія для всѣхъ 3 родовъ.

§ 84. Въ этой схемѣ склоненія мѣстоименій неличныхъ находимъ трехъ видовъ формы: 1) формы старыя и въ звуковомъ, и въ морфологическомъ отношеніи, 2) формы, старыя въ морфологическомъ смыслѣ, но измѣнившія нѣсколько свой видъ въ силу чисто звуковыхъ измѣненій и 3) формы, измѣнившіяся нефонетически.

Къ первому виду относятся *та, то* им. ед., *того* род. ед., если не считать украинскаго измѣненія согласнаго г изъ взрывного нёбнаго въ длительный гортанный, *тому* дат. ед., *ту* вин. ед., *тою* тв. ед.

(если уже въ прарусскомъ ц перешло въ и чистое), *воно*, *вона*, если оставить въ сторонѣ начальное в новаго нефонетическаго происхожденія (ср. § 61), *его* (ср. выше о г въ *того*), *єму*, *ним*, *ї́м* твор. ед., *нею* (ср. объ и въ *тою*), *ними*, *ї́ми* тв. мн.

Ко второму виду формъ,—въ которыхъ находимъ чисто фонетическія измѣненія, относятся: род. ед. ж. р. тої, єї гдѣ і—изъ прарусск. ě (ѣ),—ср. др.—русск. форму *тоѣ*, *еѣ;* дат.—мѣстн. ед. ж. р. *тій*, *їй*, *ній*, гдѣ і явилось изъ о *(тои)* и е *(ѥи)* въ силу вторичнаго удлиненія этихъ гласныхъ; мѣстн. ед. м. р. *тім*, *нім*, *їм*, гдѣ і также изъ о, е въ силу удлиненія *(томь*, *ѥмь)*; въ формахъ їх, їм отпало конечное ъ. Наконецъ въ иныхъ формахъ (3-го вида) имѣемъ дѣло съ измѣненіями нефонетическаго происхожденія. Такъ, форма им. ед. ср. р. *те* явилась вм. старой *то*, которую сохранилъ вел.-русскій (др.-ц.-сл. то, др.-русс. *то*), вѣроятно, подъ вліяніемъ соотвѣтствующей формы прилагательныхъ—*нове* и т. п. (ср. ниже, § 89). Формы *його*, *йому* явились рядомъ со старыми *его*, *єму*, вѣроятно по аналогіи формъ *того*, *тому*. Форма им. мн. ч. *ті*, гдѣ і, очевидно,—изъ ě (ѣ), получилась вм. старой *ти* (ср. др. ц.-сл. ти), вѣроятно, подъ вліяніемъ косвенныхъ формъ *тѣхъ*, *тѣмъ*, *тѣми* (ср.-др.-ц.-сл. тѣхъ, тѣмъ, тѣми), однако эти послѣднія сами не удержались въ украинскомъ, какъ удержались онѣ въ вел.-русскомъ *(тѣхъ*, *тѣмъ*, *тѣми)*, но замѣнились формами *тих*, *тим*, *тими*,—очевидно подъ вліяніемъ *їх*, *їм*, *їми*, съ одной стороны, и формъ прилагательныхъ *нових*, *новим*, *новими*,—съ другой.

При этомъ то обстоятельство, что формы род., дат., твор. и мѣстн. мн. ч. были общими для всѣхъ трехъ родовъ, повело къ тому, что и форма *ті* им. мн. стала общей формой для муж., жен. и ср. р.,—въ древности онѣ были различны: др.—русс. *ти*, *ты* (ж. р.), *та* (ср. р.); такъ же ф. *вони* стала общей формой м., ж. и ср.-р. вм. стараго различія *они*, *оны*, *она*. Форма вин. п. мн. ч. *ті* отожествилась съ формой им. п.: ср.—др.-р. *ты*, *ты*, *та*, или же ее замѣняетъ форма род. мн. *тих*, какъ и форма род. мн. їх, *них* замѣняетъ старую форму *ѣ*, *ѣ*, *я*.

Нефонетически, наконецъ, явилось первое і въ формѣ род. ед її (рядомъ со старой *єї*): ср. др.-ц.-сл. ꙇ-єꙗ, др. р. *ѥѣ*.

Что касается параллельныхъ формъ *ім*, *її*, *ею*, *їх*, *їм*, *ї́ми* и *нім*, *ній*, *нею*, *них* *ним*, *ними*, то согласный н принадлежитъ въ послѣднихъ формахъ предлогу ѕън,—vън—, кън—, который принялъ видъ з, в, к въ украинскомъ; предлоги ѕън—, vън—, кън—издревле употреблялись съ мѣстоименными формами (*им*, *ими* и т. п.) и составляли съ ними одно цѣлое; тѣмъ не менѣе сознаніе говорящихъ ощущаетъ согласный н, какъ принадлежащій мѣстоименной формѣ, такъ какъ въ иныхъ случаяхъ имѣетъ дѣло съ предлогами, з, в, к; поэтому это н находимъ и въ сочетаніяхъ съ предлогами, которые этого н не имѣли,—например *до-неї*.

§ **85**. По образцу мѣстоименій *той*, *він* склоняются и другія мѣстоименія: *наш* (—*наша*—*наше*) съ отвердѣвшимъ ш,—какъ *той*; *мій*, *твій*, *свій*,—какъ *він*; *сей* (—*ся*—*се*), какъ *він*.

	Единств. ч.				*Единств. ч.*	
Им.-Зв.	наш	наше	наша	мій	мое	моя
Род.	нашого		нашої		мого	моеї
Дат.	нашому		нашій		мому	моїй
Вин=им. или род.	наше		нашу	=им. или. род.	мое	мою
Твор.	нашим		нашею		моїм	моéю
Мѣстн.	нашім		нашій		моїм	моїй

	Множ. ч.	*Множ. ч.*
Им.-Зв.	наші	мої
Род.	наших	моїх
Дат.	нашим	моїм
Вин.	наші,-их	мої, моїх
Твор.	нашими	моїми
Мѣстн.	наших	моїх

	Единств. ч.	*Множеств. ч.*
Им.	сей се ся	сі
Род.	сéго сéї	сих
Дат.	сéму сій	сим
Вин.=им. или род., се, сю.		сї, сих
Твор.	сим, сéю	сими
Мѣстн.	сім, сій	сих

Рядомъ съ *мого*, *мому*, гдѣ произошло стяженіе, имѣются формы *моéго*, моéму, мóему; удареніе въ loc.s. *моїм* колеблется (мóїм, моїм).

Современному *нашім* соотвѣтствуетъ въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV в. *нашюм* (Соболевскій, Лекціи [3] 67 с.). Рядомъ съ формами *сей*, *се*, *ся* существуютъ *цей*, *це*, *ця* (изъ *отсей* и т. д.); рядомъ съ *сего*, *сему*—*сього́*, *сьому́*—ср. *його*, *йому* (также цього́, цьому́); рядомъ съ *сéї*, *сею*—*цієї*,*ціéю*.

§ **86**. По мѣстоименному склоненію измѣняется также *весь*—*вся*—*все*.

	Единств. ч.			*Множ. ч.*
Им.	весь	все	вся	всі
Род.	всього		всеї	всіх
Дат.	всьому		всій	всім
Вин.=им. или род.	все		всю	=им. или род.
Тв.	всім		всею	всіми, всіма
Мѣстн.	всім		всій	всіх

Вьсь—все—вся нѣкоторыми формами относится къ „твердому", иными къ „мягкому" мѣстоименному склоненію издревле. Формы: *всім* твор. ед. м.—ср. р., *всіх* род.—мѣстн. мн., *всім* дат. мн., *усіми* твор. мн.—безусловно старыя,—ср. др.-ц.слов. вьсѣмь, вьсѣхъ, вьсѣмъ, вьсѣми. Это слово первоначально имѣло видъ * vьchъ (ср. *вхоу землю* въ грам. Варлаама Хутынскаго XII в.); vьchětь перешло въ vьsětь и т. д. Въ другихъ формахъ имѣемъ результатъ вліянія на ch предыдущаго мягкаго гласнаго ь: * vьchogo, * vьchomu 7 * vьs'ogo, * vьs'omu, затѣмъ vьs'ego, vьs'emu. Слѣдовательно ф. ф. *всього*, *всьому* явились вмѣсто *всего*, *всему* подъ вліяніемъ *того*. *тому*.

Им. мн. *всі* вм. *вси* (др.-ц.-сл. вьси, праруcс. * vьsi) получился подъ вліяніемъ косвенныхъ формъ множ. ч.

§ 87. Склоненіе вопросительнаго мѣстоименія *кто* (изъ *кьто*), *що* (изъ *чьто*) имѣетъ слѣдующій видъ:

Им.	хто, що
Род.	кого, чого
Дат.	кому, чому
Вин.	кого, що
Твор.	ким, чим
Мѣстн.	кім, чім.

Въ формѣ твор. п. *ким* имѣемъ вм. стараго *цьмь* новообразованіе по образцу *чим* (кого : кому : ким, какъ чого : чому : чим); въ формахъ мѣстн. п. *кім, чім*—і—результатъ удлиненія о, е (*комь*, *чемь*).

3. Склоненіе прилагательныхъ.

§ 88. Имена прилагательныя склонялись первоначально въ праславянскомъ языкѣ, какъ имена существительныя. Но рядомъ съ именнымъ склоненіемъ прилагательныхъ въ праславянскомъ языкѣ сложилось и было передано отдѣльнымъ словянскимъ языкамъ особое сложное склоненіе. Это сложное склоненіе получилось благодаря сліянію формъ именного склоненія съ соотвѣтствующими формами мѣстоименія *i, *ja, *je.

Такъ получались формы * novъ - ji, * nova - ja, * novo - je, * nova - jego (род. п. ед. ч. м. и ср. р.), novu - jemu (дат. п. ед. ч. м. и ср. р.) и т. д.

Нѣкоторыя формы образовались въ праcловянскомъ иначе: такъ, твор. мн. ч. ж. р. * novami - imi замѣнился по образцу тв. мн. муж. и ср. р. формой * novyjimi; затѣмъ, подъ вліяніемъ формъ тв. мн. всѣхъ 3 родовъ * novyjimi явилась форма дат. мн. * novyjimъ вм. * novom - jimъ (муж. и ср. р.) и * novamъ - jimъ (ж. р.); такъ же явилась форма *novyjichъ мѣстн. п. всѣхъ 3 родовъ вм. * nověchъ - jichъ (муж. и ср. р.) и *novachъ - jichъ (ж. р.).

Въ дальнѣйшей исторіи сложнаго склоненія во всѣхъ словянскихъ языкахъ наблюдаемъ однѣ и тѣ же явленія: 1) уподобленіе сосѣднихъ гласныхъ и стяженіе ихъ и 2) вліяніе на сложное склоненіе со стороны мѣстоименнаго. Послѣднее, т. е. вліяніе мѣстоименнаго склоненія датируется уже древнѣйшими южнорусскими памятниками: въ Сборн. 1073 г. благовѣрному, ближнему и т. п.—вмѣсто *благовѣрну-ѥму*, *ближьню-ѥму*, откуда должны были чрезъ уподобленіе и стяженіе гласныхъ получиться *благовѣрнуму*, *ближнюму;* въ Сборн. 1076 г. имѣемъ *небесному*, *вышьнему* и т. п.

Ср. Лекціи[3] Соболевскаго 154 с.

При дѣйствіи указанныхъ выше двухъ факторовъ сложное склоненіе прилагательныхъ приняло въ украинскомъ языкѣ слѣдующій видъ.

Въ склоненіи прилагательныхъ различаются двѣ разновидности—твердая и мягкая, такъ какъ именныя формы прилагательныхъ представляли или основу на—о, или основу на—jo: *новъ—нова—ново* и *синь—синя—сине*.

	Единств. ч.			*Единств. ч.*	
Им.—Зв.	новий	нове́ (-єє)	нова (-ая)	вчерашній,— —вчерашнє(-нєє),	вчерашня (-яя)
Род.	ново́го		ново́ї	вчерашнього	вчерашньої
Дат.	новому		новій	вчерашньому	вчерашній
Вин.	=им., род.	=им.	нову́ (-у́ю)	=им., род. =им.	вчерашню (-яюю)
Твор.	нови́м		ново́ю	вчерашнім	вчерашньою
Мѣстн.	новім		новій	вчерашнім	вчерашній

	Множ. ч.	*Множ. ч.*
Им.—Зв.	нові́ (-ії)	вчерашні (-нії)
Род.	нови́х	вчерашніх
Дат.	нови́м	вчерашнім
Вин.	нові́ (-ії),—их	вчерашні,—іх
Твор.	нови́ми	вчерашніми
Мѣстн.	нових	вчерашніх

§ 89. Формы *нове* им. ед. ср. р., *нова* им. ж. р., *нову* вин. ед. ж. р. представляютъ результатъ стяженія (изъ *новоѥ*, *новая*, *новую*); также благодаря стяженію получились формы: *новим* твор. ед. ч. изъ *новыимь*, *новім* мѣстн. п. изъ *новѣѥмь* (і—изъ ѣ), *новій* дат.—мѣстн. п. ед. ч. изъ *новѣѥй*, *нові* им.—вин. мн. изъ *новыѣ* (по происхожденію форма вин. п. мн. ч.), *нових* род.—мѣстн. мн. изъ *новыихъ*, *новим* дат. мн. изъ *новыимъ*, *новими* твор. мн. изъ *новыими*.

Въ формахъ типа *нові* і изъ ѣ не смягчило предшествующаго согласнаго, такъ какъ получилось изъ—ыѣ позже эпохи смягченія согласныхъ передъ передними гласными.

Формы: *нового* род. ед., *нової* род. ед. ж. р., *новóму* дат. ед. объясняются вліяніемъ мѣстоименныхъ формъ типа *тóго*, *тóї*, *тóму*, такъ какъ формы эти не могли фонетически получиться изъ *новаѥго*, *новѣѣ*, *новуѥму*. Форма имен. п. ед. ч. м. р. *новий* получилась чисто фонетическимъ путемъ изъ novъ+jь, такъ какъ ъ передъ j перешелъ въ редуцированное ы (сильное, ср. § 37), а позже ы измѣнилось въ и (§ 38). Форму твор. п. ед. ч. ж. р. *новою* можно считать старою,—ср. др.-ц.-сл. новоѭ: форма эта, получившаяся изъ сложенія * novojǫ+jejǫ уже въ праславянскомъ могла сократиться въ *novojǫ.

Аналогичнымъ образомъ объясняются формы мягкой разновидности: *вчерашне*, *вчерашня*, *вчерашню*, *вчерашнім* (твор. ед., мѣстн. ед. дат. мн.), *вчерашній* мѣстн.-дат. ед. ж. р., *вчерашні* им. мн., *вчерашніх* род.-мѣстн. мн., *вчерашнім* дат. мн., *вчерашніми* тв. мн. получились благодаря стяженію (изъ *въчерашьнѥѥ*, *въчерашьнѩѩ*, *въчерашьнюю*, *въчерашьнииимь*, *въчерашьнѣѣи*, *въчерашьнѣѣ* и т. д.).

Въ формахъ *вчерашнього*, *вчерашньої* (род. ед. ж. р.), *вчерашньому* —вліяніе мѣстоименнаго склоненія, причемъ подъ вліяніемъ твердой разновидности склоненія имѣемъ окончанія—*ого*,—*ому*,—*ої* вм.—*его*, —*ему*,—*еї*.

Во всѣхъ формахъ такихъ прилагательныхъ, какъ *вчерашній* конечный согласный основы, полученный изъ праславянскаго въ прарусскій (—jo—основы) и изъ прарусскаго въ украинскій смягченнымъ, долженъ былъ по общему закону отвердѣть передъ—е и—и, т. е. должны были получиться формы *вчерашний*, *вчерашне*, *вчерашним* твор. ед., *вчерашним* мѣстн. ед. (изъ *въчерашьниѥмь*) и т. д. (дат.-мѣстн. ед. ж. р.—изъ—*и*+*ѣи*; род., дат., твор. и мѣстн. мн. ч.).

И дѣйствительно, мы находимъ въ украинскомъ рядомъ съ формами *вчерашній*, *вчерашня*, *вчерашне* и т. д. формы *вчерашний*, *вчерашна* *вчерашне* и далѣе всѣ параллельныя формы по твердому склоненію, т. е. какъ *новий*, *нова*, *нове*. Очевидно, фонетическое измѣненіе „мягкаго" согласнаго передъ е, и въ твердый вызвало несоотвѣтствіе формъ однихъ падежей другимъ въ отношеніи согласнаго, предшествующаго окончанію, а затѣмъ это несоотвѣтствіе устранялось уравненіемъ формъ въ томъ или другомъ направленіи: съ одной стороны, подъ вліяніемъ формъ съ мягкимъ согласнымъ *вчерашня*, *вчерашню*, *вчерашні* вин. мн. и т. п. явилось мягкое н въ формахъ, гдѣ оно фонетически отвердѣло передъ е, и; а съ другой стороны подъ вліяніемъ формъ съ отвердѣвшимъ фонетически согласнымъ явились и другія формы съ твердымъ согласнымъ : *вчерашного*, *вчерашному*, *вчерашної* и т. д. Такъ объясняется колебаніе въ украинскомъ между твердымъ и мягкимъ склоненіемъ въ

именахъ прилагательныхъ, полученныхъ изъ прарусскаго съ „мягкимъ" согласнымъ въ исходѣ основы.

Прилагательныя съ согласнымъ шипящимъ въ исходѣ основы очень рано перешли въ силу отвердѣнія шипящихъ изъ мягкаго въ твердое сложное склоненіе (съ XII в.): *могучий—могучого—могучому, могуча—могучої—могучу* и т. д.

Прилагательныя, имѣющія въ им. п. ед. ч. м. р. краткую, т. е. именную форму, ничѣмъ въ остальныхъ формахъ не отличаются отъ приведеннаго образца: *ма́терин, ма́терина, ма́терине, ма́териного* и т. д.

Подъ вліяніемъ сложнаго склоненія прилагательныхъ явились мѣстоименныя формы *та́я, ту́ю, тее* (им.-вин. ср. р.), *тії* (им. мн.).

§ 90. Форма сравнительной степени образуется въ украинскомъ помощью суффикса—**ш** или—**ійш** (—**іш**): *скорший—скорша—скорше* (или *скоршая—скоршее*), *більший—більша* (—*ая*)—*більше* (—*ее*), *гірший* (-*а*, -*е*), *ширший* (—*а*,—*е*), *мудріійший* (—*а*,—*е*), *частійший* (—*а*,—*е*) и т. п.

Передъ суффиксомъ—**ш** перваго типа формъ выпало - ь: въ прарусскомъ былъ суффиксъ—ьš или—ějьš: ср. др.-ц.-сл. болии - большиі-а большеі-є (или боли-еі-є). Формы сравн. степени существовали въ прарусскомъ какъ въ краткомъ, такъ и въ полномъ видѣ, т. е. измѣнялись по именному и по сложному склоненію, какъ и формы положител. степени: напр. форма ж. р.—*больши*, род. п. *большѣ*, дат. *больши* или же *большия—большѣѣ—большии;* приведенныя выше украинскія формы суть полныя, т. е. формы сложнаго склоненія. При этомъ форма им. п. ед. ч. муж. рода,—*більший* и т. п.,—является новообразованіемъ вмѣсто болѣе древней *болий* по образцу остальныхъ формъ съ суффиксомъ—*ш* параллельно отношенію формъ положительной степени (*новый*: *нова*: *нове*=*більший*: *більша*: *більше*).

Передъ суффиксальнымъ—š формъ сравнит. степени въ праславянскомъ былъ согласный j, который затѣмъ слился съ предшествующимъ согласнымъ корня въ одинъ палатализованный согласный или группу согласныхъ; суффиксъ формъ положительной степени —ъk, —ok,—ьп нерѣдко при этомъ въ образованіи сравнительной степени отсутствуетъ, т. е. формы сравнит. степени образованы (уже въ праславянскомъ) отъ чистаго корня, тогда какъ формы положительной степени —отъ основы съ суффиксомъ: такъ при положительной степени *niz - ъ - k - ъ, *niz - ъk - a, *niz - ъk - o основа сравнит. степени была - *niz - jъš—.

Гру́ппы „*губной* согласный+j" при образованіи формъ сравн. степени отъ корня на губной согласный давали въ прарусскомъ „*губной* согл.+l'", группы t+j, d+j давали č (ч), ž (ж), группы s+j, z+j—š (ш), ž (ж); группы k+j, g+j, ch+j—č (ч), ž (ж), š (ш); группы

r+j, l+j, n+j—„смягченные“ r', l', n'. Такимъ образомъ, напримѣръ, *krĕp+jьš—измѣнялось въ *kr'ĕpl'ьš—, *grǫb+jьš—въ *grubl'ьš—, *meld—jьš—въ * moložьš—и т. д.

Однако, слѣды такого измѣненія коренного согласнаго вслѣдствіе сліянія съ j суффикса сравн. степени въ значительной мѣрѣ стерты въ украинскомъ вслѣдствіе вліянія на формы сравн. степени со стороны формъ положительной: такъ въ формѣ *грубший* не находимъ слѣдовъ измѣненія группы „b+j“ въ bl' (ср. *грубий* полож. ст.); въ формѣ *довший* (отъ *довгий*) не видимъ слѣдовъ измѣненія *г* въ *ж*; въ формѣ *тихший* согласный *х* возстановленъ вліяніемъ со стороны *тихий*, въ формѣ *молодший* (=*молодчий*) согласный *д* явился изъ формъ полож. ст. *молодий* и т. д., въ *коротший* (=*коротчий*) *т*—изъ *короткий* и т. д.

Въ формѣ *товщий* *щ* правильно отражаетъ старое—stj (ср. др.-русск. тълстъ); но въ *кращий*, *дужчий*, *дорожчий*, *низчий* согласный *ч* (щ=шч) вм. ш является новымъ: эти основы сравн. ст. въ прарусскомъ должны были имѣть видъ: kraš-ьš—(š изъ sj: kras-ьпъ), duž-ьš—(ž изъ gj), dorož-ьš—(ž изъ gj), n'iž-ьš—(ž изъ zj). Неясно, является ли здѣсь ч вм. ш фонетически (жш, шш > жч, шч), или же подъ вліяніемъ другихъ формъ сравн. ст. съ ч вм. ш, какъ *коротчий*, гдѣ *ч* могло получиться изъ tj (ср. в.-русск. *короче*), а *т* возстановлено подъ вліяніемъ формъ полож. степени.

Во всякомъ случаѣ нефонетическимъ является *щ* вм. *т* въ такихъ формахъ, какъ *злiщий*, *страшнiйщий*, (изъ *зълѣйший*, *страшнѣйший*). Склоненіе формъ сравнит. степени ничѣмъ не отличается отъ склоненія формъ положит. степени (см. выше, § 88).

Формы превосходной степени получаются въ украинскомъ прибавленіемъ въ началѣ формы сравнит. степени частицы *наи: найкращiй*, *найбiльший* и т. п. Образованіе это—древнее, его находимъ и въ другихъ словянскихъ языкахъ.

Формы полож. и сравн. ст. разныхъ корней ассоціированы между собою по значенію: *добрий—лiпший*, *лучший*, *злий—гiрший*, *великий—бiльший*, *малий—меньший*; въ нѣкоторыхъ случаяхъ рядомъ существуютъ еще соотвѣтствующія формы того же корня: при *добрий—добрiйший*, при *гiрший—гiркий*, но съ инымъ значеніемъ; въ другихъ случаяхъ соотвѣтствующая форма того же корня утрачена,—напримѣръ форма полож. степени къ сравнительной *лучший*. То-же явленіе—въ в.-р., б.-русскомъ и въ другихъ словянскихъ языкахъ: корни его—въ прасловянскомъ.

4. Склоненіе числительныхъ.

§ 91. Измѣненіе числительныхъ не представляло особаго склоненія. Числительное od'inъ (прарусск.—ц.-сл. ѥдинъ) склонялось, какъ мѣсто-

имeніe tъ (*той*); dъva (муж. р.)—dъv'ě (ср. и ж. р.) представляло формы двойств. числа: dъvoju род. и мѣстн., dъv'ěma дат.—твор.; tr'ije (м. р.)—tr'i (ж. и ср. р.) измѣнялось, какъ множ. ч., по именному склоненію основъ на—i (tr'ьjь, tr'ьmъ, tr'i, tr'ьmi, tr'ьchъ); četyr'e (м. р.)—četyr'i (ж. и ср. р.) представляло склоненіе основъ на согласный (četyrъ, četyr'ьmъ, četyri, četyrьmi, četyrьchъ); числительныя р'ątь, šestь, s'em'ь, osm'ь, d'ev'ąt'ь. d'es'ąt'ь склонялись по именному склоненію основъ на—i въ единств. ч. (р'ąti и т. д). Числительное sъto склонялось, какъ имя существительное ср. рода съ основой на—o; числительное tys'ąča—какъ имя существительное ж. р. съ основой на—a. Остальныя числительныя представляли сложныя выраженія: od'inъ na d'es'ąt'e (11), dъva na d'es'ąte (12), tri na d'es'ąte (13) и т. д.

Числительныя порядковыя р'ьrvъ, vъtorъ, tr'et'ьjь и т. д. представляли склоненіе прилагательныхъ, именное и сложное; при этомъ въ порядковыхъ числительныхъ сложнаго состава склонялись всѣ части: *въ четвръто десятьное и второе лъто.*

§ 92. Въ украинскомъ числительныя въ своемъ склоненіи претерпѣли значительныя измѣненія. Въ склоненіи числительнаго *два* явилась рядомъ со старой формой *дві* (і изъ ѣ) для средн. рода форма *два*; старыя формы род.—мѣстн. dъvoju замѣнились новообразованіемъ *двох*, вмѣсто дат. п. dъvěma явилась форма *двом*, а въ твор. п. вмѣсто той же формы—*двома*. Окончаніе дв. ч.—*ма* сохранилось здѣсь въ твор. п., но вмѣсто *двѣма* явилось *двома* подъ вліяніемъ род.—мѣстн. *двою*, а эта послѣдняя форма преобразовалась въ *двох* подъ вліяніемъ *трьхъ* (мѣстн. п.); затѣмъ при *двох—двома* явилось *двом* (дат. п.) по образцу отношеній формъ *трьмъ: трьми: трьхъ*; въ свою очередь старыя формы *трий* (изъ trьjь) род., *трем* дат., *тр(ъ)ми* твор., трех (изъ trьchъ) мѣстн. преобразовались подъ вліяніемъ формъ *двох*, *двом*, *двома*, *двох*—въ *трох*, *тром*, *трома*, *трох*. Подъ тѣмъ же вліяніемъ явились формы *чотирох* род. и мѣстн., *чотиром* дат., чотир(о)ма твор.

Числительныя *пять*, *шість*, *сім* и т. д. также испытали на себѣ вліяніе формъ числительныхъ *два*, *три*: рядомъ со старой формой род.-мѣстн. *пяти* явилось *пятьох* (ср. *двох, трох*), въ дат. рядомъ съ *пяти*—*пятьом*, въ твор. по образцу *двома*, *трома*, *чотирма—пятьма*.

Числительныя сложныя для обозначенія 11, 12, 13, 14.... 20, 30, 50 и т. д. слились въ одну форму: *одинайцять, дванайцять.... двайцять, трийцять.... пятьдесять, шсдесять* и т. п.; вмѣсто *четыре десяте* явилось заимствованное изъ греческаго (σαρακοντα) *сорок*. Вмѣсто стараго *девять десять* обычно употребляется новообразованіе *девяносто*. Род. п. отъ *сорок, девяносто—сорока, девяноста*, но часто эти числительныя не

измѣняются вовсе такъ же, какъ и *сто*, хотя и встрѣчаются формы *ста*, *сот*, рѣже—*стом*, *стома*.

Ср. въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.—*три сто*. Въ Пересопницкомъ Ев. XVI.: *о сто овець*. (Соболевскій, Лекціи [3], 220 с.).

Числительное *тисяча* (а—основа) имѣетъ варіантъ *тисяч* (і—основа). Въ слóжномъ числительномъ склоняются не всѣ составныя части, какъ это было въ старину: род. п. *двох тисяч триста трийцять двох*, дат. *двом тисячам триста трийцять двом* и т. п.

Порядковыя числительныя: *перший*, *другий*, *третий*, *четвертий*, *пятий*, *шéстий*, *семий*, *осмий*, *девятий*, *десятий*, *одинáйцятий*, *дванайцятий*,... *двайцятий* и т. д. склоняются, какъ прилагательныя (см. § 88).

Въ числительномъ порядковомъ *перший* имѣемъ новообразованіе съ суффиксомъ сравнит. степени: *пьрв - гш - ий* (*рвш* — >*рш*—). Въ одинайцять, дванайцять и т. п. имѣемъ исчезновеніе при сложеніи гласнаго е (*одинад(е)сять*), сліяніе двухъ н въ одно и измѣненіе группы *д'с'* въ *д'ц'*, затѣмъ въ *ц'ц'* и *йц*.

5. Формы глагола.

§ 93. Данныя сравнительной грамматики словянскихъ языковъ, въ частности показанія в.-русскаго, украинскаго и б.-русскаго языковъ, а также данныя древне-русскихъ памятниковъ позволяютъ предполагать въ прарусскомъ языкѣ слѣдующую систему глагольныхъ формъ 1) формы *настоящаго* времени, 2) формы *повелительнаго наклоненія*, 3) формы *аориста* (прошедшаго времени безъ оттѣнка длительности), 4) формы *имперфекта* (прошедшаго времени съ оттѣнкомъ длительности). При этомъ въ формахъ настоящаго времени, аориста и имперфекта различались 1, 2 и 3 лицо единственнаго, множественнаго и двойственнаго чиселъ, а въ формахъ повелительнаго наклоненія—2 и 3 л. единств. числа, 1 и 2 л. мн. ч., 1 и 2 л. дв. ч.

Кромѣ того въ прарусскомъ языкѣ для выраженія той или другой глагольной категоріи употреблялись различныя сочетанія формъ: 5) для выраженія формы *перфекта* (прошедшаго совéршеннаго) соединеніе формы причастія прош. времени на—lъ и формы наст. времени глагола byti—jesmь; 6) для выраженія *давнопрошедшаго*—соединеніе той же формы причастія и имперфекта отъ глагола byti—b'achъ, или же перфекта отъ того же вспомогательнаго глагола—bylъ jesmь; 7) для выраженія *будущаго* времени служило сочетаніе формъ того или другого вспомогательнаго глагола (*bųdų, *imamь и др). съ формой *инфинитива*, т. е. такъ называемаго „неопредѣленнаго наклоненія“; впрочемъ, значеніе будущаго времени имѣли также формы настоящаго времени глаголовъ совершеннаго вида; 8) для выраженія *условнаго* наклоненія слу-

жило сочетаніе формы причастія прош. времени на—lъ съ формой аориста отъ глагола byti—bychъ (dalъ bychъ); 9) наконецъ, категорія *залога*, поскольку она не выражалась самой глагольной основой, имѣла свое выраженіе въ прибавленіи возвратнаго мѣстоименія sją (ся) къ формѣ дѣйствительнаго залога—для обозначенія средняго или страдательнаго залога (*n'es'et'ьs'ą); категорія страдательнаго залога выражалась также соединеніемъ причастія прош. вр. страдат. залога съ формой глагола byti (čitanъ jestь, čitanъ bychъ и т. д.).

Къ системѣ глагольныхъ формъ примыкали именныя образованія отъ глагольныхъ основъ: 1) *инфинитивъ* (*n'est'i и т. п.); 2) *супинъ* или такъ называемое „достигательное наклоненіе" *n'estъ и т. п.); 3) формы *причастія* наст. вр. дѣйствит. залога, наст. вр. страдат. залога, прош. времени дѣйств. зал., прош. вр. страд. зал.—склоняемыя, а кромѣ того прич. прош. вр. дѣйств. залога несклоняемое съ различіемъ лишь въ родѣ и числѣ (dałъ—dała—dało, dali).

Образованіе глагольныхъ формъ связано было съ различіемъ глагольныхъ основъ, съ глагольной же основой были связаны и видовыя различія (*совершенный* и *несовершенный* видъ).

§ 94. Различные глаголы представляли группы въ зависимости отъ того или другого характера основы настоящаго времени, а также основы инфинитива. Въ сравнительный грамматикѣ словянскихъ языковъ принято различать слѣдующіе классы глаголовъ по отношенію къ праславянскому языку: I классъ—съ основой настоящаго вр. на o/e, II классъ—съ основой наст. вр. на—no/ne, III классъ—съ основой наст. вр. на—jo/je, IV классъ—съ основой наст. вр. на—i, V классъ—съ основой безъ тематическаго гласнаго.

Въ этихъ классахъ различаются группы на основаніи характера основы инфинитива. Въ I классѣ основа инфинитива можетъ равняться корню (nes-ti—основа наст. вр. nes-e-), или же оканчиваться на суффиксальное—a (bьra-t'i при осн. наст. вр. ber-e-). Въ глаголахъ III класса (на-jo-je—въ наст. времени) основа инфинитива можетъ входить въ составъ основы настоящаго времени (zna-ti—zna-je-), или же имѣть суффиксальное—a, не входящее въ основу наст. времени (taja-ti—ta-je—, or-a-ti—or'-e—, kupov-a-ti—kupu-je—).

Въ глаголахъ IV класса (съ основой на—i въ наст. времени) основа инфинитива можетъ оканчиваться на—i или на—ě, a (a—послѣ шипящихъ): moli-t'i, vidě-t'i, słyša-t'i.

Тѣ же классы и группы (подклассы) глаголовъ существовали и въ прарусскомъ и получены были изъ прарусскаго в.-русскимъ, украинскимъ и б.-русскимъ. Только различие между глаголами I и III клас-

измѣняются вовсе такъ же, какъ и *сто*, хотя и встрѣчаются формы *ста*, *сот*, рѣже—*стом*, *стома*.

Ср. въ Поликарповомъ Ев. 1307 г. —*три сто*. Въ Пересопницкомъ Ев. XVI.: *о сто овець*. (Соболевскій, Лекціи [3], 220 с.).

Числительное *тисяча* (а—основа) имѣетъ варіантъ *тисяч* (і—основа). Въ сложномъ числительномъ склоняются не всѣ составныя части, какъ это было въ старину: род. п. *двох тисяч триста трийцять двох*, дат. *двом тисячам триста трийцять двом* и т. п.

Порядковыя числительныя: *перший*, *другий*, *третий*, *четвертий*, *пятий*, *шéстий*, *семий*, *осмий*, *девятий*, *десятий*, *одинàйцятий*, *дванайцятий*,... *двайцятий* и т. д. склоняются, какъ прилагательныя (см. § 88).

Въ числительномъ порядковомъ *перший* имѣемъ новообразованіе съ суффиксомъ сравнит. степени: *пьрв - ьш - ий* (*рвш* — >*рш*—). Въ одинайцять, дванайцять и т. п. имѣемъ исчезновеніе при сложеніи гласнаго е (*одинад(е)сять*), сліяніе двухъ н въ одно и измѣненіе группы *д'с'* въ *д'ц'*, затѣмъ въ *ц'ц'* и *йц*.

5. Формы глагола.

§ 93. Данныя сравнительной грамматики словянскихъ языковъ, въ частности показанія в.-русскаго, украинскаго и б.-русскаго языковъ, а также данныя древне-русскихъ памятниковъ позволяютъ предполагать въ прарусскомъ языкѣ слѣдующую систему глагольныхъ формъ 1) формы *настоящаго* времени, 2) формы *повелительнаго наклоненія*, 3) формы *аориста* (прошедшаго времени безъ оттѣнка длительности), 4) формы *имперфекта* (прошедшаго времени съ оттѣнкомъ длительности). При этомъ въ формахъ настоящаго времени, аориста и имперфекта различались 1, 2 и 3 лицо единственнаго, множественнаго и двойственнаго чиселъ, а въ формахъ повелительнаго наклоненія—2 и 3 л. единств. числа, 1 и 2 л. мн. ч., 1 и 2 л. дв. ч.

Кромѣ того въ прарусскомъ языкѣ для выраженія той или другой глагольной категоріи употреблялись различныя сочетанія формъ: 5) для выраженія формы *перфекта* (прошедшаго совершеннаго) соединеніе формы причастія прош. времени на—lъ и формы наст. времени глагола byti—jesmь; 6) для выраженія *давнопрошедшаго*—соединеніе той же формы причастія и имперфекта отъ глагола byti—b'achъ, или же перфекта отъ того же вспомогательнаго глагола—bylъ jesmь; 7) для выраженія *будущаго* времени служило сочетаніе формъ того или другого вспомогательнаго глагола (*bųdų, *imamь и др). съ формой *инфинитива*, т. е. такъ называемаго „неопредѣленнаго наклоненія“; впрочемъ, значеніе будущаго времени имѣли также формы настоящаго времени глаголовъ совершеннаго вида; 8) для выраженія *условнаго* наклоненія слу-

жило сочетаніе формы причастія прош. времени на—lъ съ формой аориста отъ глагола byti—bychъ (dalъ bychъ); 9) наконецъ, категорія *залога*, поскольку она не выражалась самой глагольной основой, имѣла свое выраженіе въ прибавленіи возвратнаго мѣстоименія sją (ся) къ формѣ дѣйствительнаго залога—для обозначенія средняго или страдательнаго залога (*n'es'et'ьs'ą); категорія страдательнаго залога выражалась также соединеніемъ причастія прош. вр. страдат. залога съ формой глагола byti (čitanъ jestь, čitanъ bychъ и т. д.).

Къ системѣ глагольныхъ формъ примыкали именныя образованія отъ глагольныхъ основъ: 1) *инфинитивъ* (*n'est'i и т. п.); 2) *супинъ* или такъ называемое „достигательное наклоненіе" *n'estъ и т. п.); 3) формы *причастія* наст. вр. дѣйствит. залога, наст. вр. страдат. залога, прош. времени дѣйств. зал., прош. вр. страд. зал.—склоняемыя, а кромѣ того прич. прош. вр. дѣйств. залога несклоняемое съ различіемъ лишь въ родѣ и числѣ (dałъ—dała—dało, dali).

Образованіе глагольныхъ формъ связано было съ различіемъ глагольныхъ основъ, съ глагольной же основой были связаны и видовыя различія (*совершенный* и *несовершенный* видъ).

§ 94. Различные глаголы представляли группы въ зависимости отъ того или другого характера основы настоящаго времени, а также основы инфинитива. Въ сравнительный грамматикѣ словянскихъ языковъ принято различать слѣдующіе классы глаголовъ по отношенію къ прасловянскому языку: I классъ—съ основой настоящаго вр. на о/е, II классъ—съ основой наст. вр. на—no/ne, III классъ—съ основой наст. вр. на—jo/je, IV классъ—съ основой наст. вр. на—i, V классъ—съ основой безъ тематическаго гласнаго.

Въ этихъ классахъ различаются группы на основаніи характера основы инфинитива. Въ I классѣ основа инфинитива можетъ равняться корню (nes-ti—основа наст. вр. nes-e-), или же оканчиваться на суффиксальное—а (bьra-t'i при осн. наст. вр. ber-e-). Въ глаголахъ III класса (на-jo-je—въ наст. времени) основа инфинитива можетъ входить въ составъ основы настоящаго времени (zna-ti—zna-je-), или же имѣть суффиксальное—а, не входящее въ основу наст. времени (taja-ti—ta-je—, or-a-ti—or'-e—, kupov-a-ti—kupu-je—).

Въ глаголахъ IV класса (съ основой на—i въ наст. времени) основа инфинитива можетъ оканчиваться на—i или на—ě, а (а—послѣ шипящихъ): moli-t'i, vidě-t'i, słyša-t'i.

Тѣ же классы и группы (подклассы) глаголовъ существовали и въ прарусскомъ и получены были изъ прарусскаго в.-русскимъ, украинскимъ и б.-русскимъ. Только различіе между глаголами I и III клас-

измѣняются вовсе такъ же, какъ и *сто*, хотя и встрѣчаются формы *ста*, *сот*, рѣже—*стом*, *стома*.

Ср. въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.—*три сто*. Въ Пересопницкомъ Ев. XVI.: *о сто овець*. (Соболевскій, Лекціи [3], 220 с.).

Числительное *тисяча* (а—основа) имѣетъ варіантъ *тисяч* (і—основа). Въ слóжномъ числительномъ склоняются не всѣ составныя части, какъ это было въ старину: род. п. *двох тисяч триста трийцять двох*, дат. *двом тисячам триста трийцять двом* и т. п.

Порядковыя числительныя: *перший*, *другий*, *третий*, *четвертий*, *пятий*, *шестий*, *семий*, *осмий*, *девятий*, *десятий*, *одинайцятий*, *дванайцятий*,... *двайцятий* и т. д. склоняются, какъ прилагательныя (см. § 88).

Въ числительномъ порядковомъ *перший* имѣемъ новообразованіе съ суффиксомъ сравнит. степени: *пьрв - ьш - ий* (*рвш* — >*рш*—). Въ одинайцять, дванайцять и т. п. имѣемъ исчезновеніе при сложеніи гласнаго е (*одинад(е)сять*), сліяніе двухъ и въ одно и измѣненіе группы *д'с'* въ *д'ц'*, затѣмъ въ *ц'ц'* и *йц*.

5. Формы глагола.

§ 93. Данныя сравнительной грамматики словянскихъ языковъ, въ частности показанія в.-русскаго, украинскаго и б.-русскаго языковъ, а также данныя древне-русскихъ памятниковъ позволяютъ предполагать въ прарусскомъ языкѣ слѣдующую систему глагольныхъ формъ 1) формы *настоящаго* времени, 2) формы *повелительнаго наклоненія*, 3) формы *аориста* (прошедшаго времени безъ оттѣнка длительности), 4) формы *имперфекта* (прошедшаго времени съ оттѣнкомъ длительности). При этомъ въ формахъ настоящаго времени, аориста и имперфекта различались 1, 2 и 3 лицо единственнаго, множественнаго и двойственнаго чиселъ, а въ формахъ повелительнаго наклоненія—2 и 3 л. единств. числа, 1 и 2 л. мн. ч., 1 и 2 л. дв. ч.

Кромѣ того въ прарусскомъ языкѣ для выраженія той или другой глагольной категоріи употреблялись различныя сочетанія формъ: 5) для выраженія формы *перфекта* (прошедшаго совершеннаго) соединеніе формы причастія прош. времени на—lъ и формы наст. времени глагола byti—jesmь; 6) для выраженія *давнопрошедшаго*—соединеніе той же формы причастія и имперфекта отъ глагола byti—b'achъ, или, же перфекта отъ того же вспомогательнаго глагола—bylъ jesmь; 7) для выраженія *будущаго* времени служило сочетаніе формъ того или другого вспомогательнаго глагола (*bųdų, *imamь и др). съ формой *инфинитива*, т. е. такъ называемаго „неопредѣленнаго наклоненія“; впрочемъ, значеніе будущаго времени имѣли также формы настоящаго времени глаголовъ совершеннаго вида; 8) для выраженія *условнаго* наклоненія слу-

жило сочетаніе формы причастія прош. времени на—lъ съ формой аориста отъ глагола byti—bychъ (dalъ bychъ); 9) наконецъ, категорія *залога*, поскольку она не выражалась самой глагольной основой, имѣла свое выраженіе въ прибавленіи возвратнаго мѣстоименія sją (ся) къ формѣ дѣйствительнаго залога—для обозначенія средняго или страдательнаго залога (*n'es'et'ьs'ą); категорія страдательнаго залога выражалась также соединеніемъ причастія прош. вр. страдат. залога съ формой глагола byti (čitanъ jestь, čitanъ bychъ и т. д.).

Къ системѣ глагольныхъ формъ примыкали именныя образованія отъ глагольныхъ основъ: 1) *инфинитивъ* (*n'est'i и т. п.); 2) *супинъ* или такъ называемое „достигательное наклоненіе" *n'estъ и т. п.); 3) формы *причастія* наст. вр. дѣйствит. залога, наст. вр. страдат. залога, *прош. времени дѣйств. зал., прош. вр. страд. зал.—склоняемыя*, а кромѣ того прич. прош. вр. дѣйств. залога несклоняемое съ различіемъ лишь въ родѣ и числѣ (dałъ—dała—dało, dali).

Образованіе глагольныхъ формъ связано было съ различіемъ глагольныхъ основъ, съ глагольной же основой были связаны и видовыя различія (*совершенный* и *несовершенный* видъ).

§ 94. Различные глаголы представляли группы въ зависимости отъ того или другого характера основы настоящаго времени, а также основы инфинитива. Въ сравнительный грамматикѣ словянскихъ языковъ принято различать слѣдующіе классы глаголовъ по отношенію къ прасловянскому языку: I классъ—съ основой настоящаго вр. на o/e, II классъ—съ основой наст. вр. на—no/ne, III классъ—съ основой наст. вр. на—jo/je, IV классъ—съ основой наст. вр. на—i, V классъ—съ основой безъ тематическаго гласнаго.

Въ этихъ классахъ различаются группы на основаніи характера основы инфинитива. Въ I классѣ основа инфинитива можетъ равняться корню (nes-ti—основа наст. вр. nes-e-), или же оканчиваться на суффиксальное—a (bьra-t'i при осн. наст. вр. ber-e-). Въ глаголахъ III класса (на-jo-je—въ наст. времени) основа инфинитива можетъ входить въ составъ основы настоящаго времени (zna-ti—zna-je-), или же имѣть суффиксальное—a, не входящее въ основу наст. времени (taja-ti—ta-je—, or-a-ti—or'-e—, kupov-a-ti—kupu-je—).

Въ глаголахъ IV класса (съ основой на—i въ наст. времени) основа инфинитива можетъ оканчиваться на—i или на—ě, a (a—послѣ шипящихъ): moli-t'i, vidě-t'i, słyša-t'i.

Тѣ же классы и группы (подклассы) глаголовъ существовали и въ прарусскомъ и получены были изъ прарусскаго в.-русскимъ, украинскимъ и б.-русскимъ. Только различіе между глаголами I и III клас-

совъ въ прарусскомъ нѣсколько сгладилось; въ праславянскомъ въ глаголахъ 1-го класса передъ гласнымъ основы наст. времени согласный былъ во всѣхъ лицахъ твердымъ, за исключеніемъ тѣхъ глаголовъ, гдѣ согласный этотъ принадлежалъ къ категоріи язычно-небныхъ k, g (ch), такъ какъ эти согласные передъ тематическимъ гласнымъ—е переходили въ шипящіе; *berǫ—*bereši и т. д. (съ непалатализованнымъ r), *bodǫ—*bodeši, *mętǫ—*męteši, *grebǫ—*grebeši, *tręsǫ—*tręseši и т. п. но—*mogǫ—*možeši, *rekǫ—*rečeši и т. п. Въ глаголахъ же III класса согласный передъ j суффикса—jo/—je во всѣхъ лицахъ далъ смягченный или же группу со смягченнымъ (губной+l'): *bor'ǫ—*bor'eši, *mel'ǫ—*mel'eši, *jeml'ǫ—*jeml'eši, *pišǫ—*pišeši (š—„смягченный“ изъ sj) *ližǫ—*ližeši (ž „смягченное“—изъ zj) и т. п. Въ прарусскомъ языкѣ всѣ согласные передъ—е палатализовались; слѣдовательно, въ формахъ глаголовъ I класса съ—е въ основѣ согласный былъ въ прарусскомъ смягченнымъ такъ же, какъ и въ глаголахъ III класса: *b'er'e'ši, *bod'eši, *m'ąt'eši, *gr'eb'eši, *tr'ąs'eši и т. д.; однако осталось различіе между глаголами I и III класса относительно основы наст. времени въ 1 л. ед. и 3 л. мн. ч.: въ глаголахъ I класса согласный былъ передъ окончаніемъ несмягченнымъ, а въ глаголахъ III класса—смягченнымъ,—какъ и въ праславянскомъ: *n'esц, *b'erц, *n'esцtь, *b'erцtь, но—*bor'ц, *bor'цtь и т. п.

Въ полученной украинскимъ языкомъ изъ прарусскаго системѣ глагольныхъ формъ, которую *въ общихъ чертахъ* мы охарактеризовали выше, съ теченіемъ времени произошли довольно значительныя измѣненія. Разсмотримъ ихъ.

Формы настоящаго времени.

§ 95. Въ общемъ украинскій сохранилъ тѣ же группы глаголовъ, которыя можно предполагать въ прарусскомъ языкѣ. Въ глаголахъ I класса, какъ и въ прарусскомъ, личныя окончанія присоединяются къ основѣ настоящаго времени на—е (въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. тематическій гласный o скрывается въ окончаніи—у и—уть изъ праслов.—ǫ и—ǫtь); то же е передъ личными окончаніями находимъ и въ глаголахъ II класса, только передъ этимъ е находимъ, какъ и въ прарусскомъ, суффиксальное н (суффиксъ—no/ne); то же, наконецъ, е видимъ и въ глаголахъ III класса (въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. на—*ну* и—*нуть* во II классѣ и на—*ю*,—*ють* въ III классѣ тематическій гласный о скрывается въ гласномъ у). Отношеніе между основами наст. времени глаголовъ I и III класса измѣнило свой видъ въ украинскомъ сравнительно съ прарусскимъ: въ прарусскомъ, вслѣдствіе палатализаціи сог-

ласныхъ передъ—е, во всѣхъ лицахъ, кромѣ 1 ед. и 3 л. мн., коренной согласный являлся смягченнымъ передъ гласнымъ основы и въ глаголахъ I, и въ глаголахъ III класса: *b'er'eši и *bor'eši; въ украинскомъ же вслѣдствіе вторичнаго отвердѣнія согласныхъ передъ гласнымъ е какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ глаголахъ согласный коренной передъ тематическимъ гласнымъ является твердымъ: *береш* и *бореш*: старое, еще праславянское различіе между глаголами I и III класса въ основахъ настоящаго времени, заключавшееся въ томъ, что въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. окончанію предшествовалъ твердый согласный въ глаголахъ I класса, но смягченный въ глаголахъ III-го кл. (*berǫ—прар. *b'erų, но *bor'ǫ—праруcск. *bor'ų),—это различіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ потеряно вслѣдствіе отвердѣнія шипящихъ: праруcск. *p'išǫ съ мягкимъ š измѣнилось въ *пишу* съ твердымъ ш, и такимъ образомъ между глаголомъ I класса *беру—береш—береть* и т. д. (инфин. *брати*) и глаголомъ III класса *пишу—пишеш—пишеть* и т. д. (инфин. *писати*) въ украинскомъ мы не находимъ уже вовсе никакой разницы.

Также утрачено въ украинскомъ всякое различіе между глаголомъ I класса *pekǫ—*pečeši—*pečetь и т. д. и глаголомъ III-го класса *płačǫ—*płačeši—*płačetь и т. д.: въ украинскомъ въ 1 л. ед. и 3 л. мн. ч. (*pekǫtь) подъ вліяніемъ остальныхъ лицъ явилось ч вм. к: *печу—печеш—печé....печуть*. Такъ же утрачено различіе между глаголомъ *mogǫ—*možeši (I класса) и *rěžǫ—*rěžeši (III класса): въ украинскомъ—*мóжу—можеш—може*, какъ *ріжу—ріжеш—ріже (різати)*.

Такъ какъ отличіе глаголовъ II класса въ основѣ настоящаго времени отъ глаголовъ I класса сравнительно незначительно,—оно сводится къ наличію въ первыхъ суффиксальнаго н передъ тематическимъ гласнымъ,—то всѣ глаголы I, II и III класса въ украинскомъ легко объединяются въ одну большую группу глаголовъ, которая противуполагается глаголамъ IV класса: въ 1-й группѣ глаголовъ передъ личными окончаніями во всѣхъ лицахъ, кромѣ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн., является гласный е, во 2-й группѣ (IV классъ)—гласный—і. Глаголы V класса представлены такъ скудно, что не составляютъ особой группы, и оставляя ихъ въ сторонѣ, можно для украинскаго установить 2 спряженія: 1-е съ признакомъ—е въ формахъ наст. времени (кромѣ 1 л. ед. и 3 л. мн. ч.) и 2-е съ признакомъ—и въ тѣхъ же формахъ.

Такимъ образомъ къ I спряженію относятся глаголы: *гребу—гребеш—гребе, краду́—крадéш—крадé, можу—можеш—може, печу—печеш—пече, волочу—волóчеш—волоче, несу—несеш—несе, лізу—лізеш—лізе, пну—пнеш—пне, дму—дмеш—дме, тру—треш—тре, пливу—пливеш—пливе, реву—ревеш—реве, ляжу—ляжеш—ляже, сяду—сядеш—сяде, беру—*

берешь—бере, зову—зовеш—зове, стану—станеш—стане, сохну—сохнеш—сохне, борю—бореш—боре, мелю—мелеш—меле, знаю—знаеш—знае, чую—чуеш—чуе, бю—беш—бе, плачу—плачеш—плаче, орю—ореш—оре, граю—граеш—грае, умію—умієш—уміе, купую—купуеш—купуе и т. д.

Нѣкоторые глаголы III класса легко распознать по наличію передъ—е—основы йота или же „смягченнаго" согласнаго.

Ко II спряженію относятся: *саджу—садиш—садить, лажу—лазиш—лазить, дою—доїш—доїть, терплю—терпиш—терпить, кричу—кричиш—кричить, стою—стоїш—стоїть* и т. п.

Остатки V класса глаголовъ, со своими особенностями въ спряженіи, представляютъ глаголы їм, дам, повім; глаголъ *гесмь* почти потерялъ въ украинскомъ спряженіе. Впрочемъ и въ прарусскомъ, можно думать, этотъ классъ глаголовъ былъ представленъ весьма слабо, какъ и въ праславянскомъ. Въ др.-церк. славянскомъ находимъ лишь 5 глаголовъ этого класса: ѥсмь, дамь, вѣмь, ıамь и имамь.

§ 96. Личныя окончанія въ формахъ настоящаго времени, полученныя украинскимъ изъ прарусскаго, можно думать были слѣдующія.

Для образованія 1-го л. ед. ч. 1, 2, 3 и 4 классовъ глаголовъ (I и II спряженіе) въ прарусскомъ служило окончаніе—ų (изъ прaслов.—ǫ въ силу чисто—звукового перехода,—ср. § 30). Это окончаніе (носовое у) въ силу потери носового резонанса носовыми гласными вообще дало въ украинскомъ (какъ и въ в.—р. и б.—р.)—у: ср. выше *гребу, краду, несу, знаю, орю, лажу, дою* и т. д.

Глаголы V класса уже въ праславянскомъ, а затѣмъ и въ прарусскомъ отличались отъ всѣхъ остальныхъ глаголовъ особымъ окончаніемъ 1 л. ед. ч.—mь (—*мь*). Это окончаніе вслѣдствіе отпаденія конечнаго ь получило видъ—*м* въ украинскомъ, какъ и въ в.-р. и б.-русскомъ: *їм, дам, повім* изъ прарусс. *ěmъ, *damъ, *po-věmъ.

§ 97. Для 2-го лица ед. ч. также было въ прарусскомъ два окончанія:—si въ глаголахъ V класса и—šь во всѣхъ остальныхъ; послѣднее съ отпаденіемъ—ь должно было дать въ украинскомъ—ш; такимъ образомъ, имѣемъ: *гребеш, несеш, плачеш, станеш, садиш* и т. д., а съ другой стороны—*їси* (= *ѣшь*), *даси;* глаголъ *повім* во 2 л. ед. ч. уже утратилъ видъ глагола V класса: *повіш.*

Примѣры окончанія—шь въ др.-русскихъ памятникахъ см. въ Лекціяхъ [3] Соболевскаго, 157 с.

§ 98. Для 3 л. ед. ч. показанія в.-русскаго, украинскаго и б.-русскаго вмѣстѣ съ данными др.-русскихъ памятниковъ устанавливаютъ прарусское окончаніе—t'ъ (—*ть*) (при которомъ діалектически было

и—tъ); изъ t'ъ съ отпаденіемъ конечнаго ь получилось „мягкое“ t (т), которое и сохранило свою мягкость до настоящаго времени въ южновел.-русскомъ, въ бѣлорусскомъ и украинскомъ: ср. укр. *садить, лазить, доїть, терпить, кричить, стоїть* и т. п.; то же окончаніе находимъ и въ глаголахъ V класса: *їсть, дасть, повість*, гдѣ согласный корня d передъ t окончанія еще въ црасловянскомъ измѣнился въ s (с). Однако въ большинствѣ глаголовъ въ 3 л. ед. ч. мы не находимъ вовсе окончанія: *гребе, несе, бере, лізе, пливе, знає, стане, боре, оре, уміє, купує* и т. д. Формы эти нельзя объяснять изъ прарусскихъ формъ *gr'eb'e-t'ъ, *n'es'e-t'ъ и т. д., потому что конечные согласные въ украинскомъ не отпадаютъ, и кромѣ того отпаденіе конечнаго ь въ этихъ формахъ должно было вызвать удлиненіе е въ предшествующемъ слогѣ; и дѣйствительно, въ галицко-волынскихъ памятникахъ XII вѣка мы находимъ указанія на такое удлиненіе въ написаніяхъ вродѣ *будѣть* (ср. выше, § 45).

Не только въ украинскомъ, но и въ в.-русскихъ говорахъ, а также въ другихъ словянскихъ языкахъ мы находимъ формы 3 л. ед. ч. безъ всякаго окончанія, подобно приведеннымъ украинскимъ. Поэтому нужно предполагать, что отдѣльные словянскіе языки, въ томъ числѣ и прарусскій, получили изъ прасловянскаго образованія 3 л. ед. ч. настоящаго времени безъ окончанія,—на тематическій гласный. Такія прарусскія формы и отражаются въ украинскихъ формахъ типа *несе*. Формы галицко-волынскихъ памятниковъ вродѣ *боудѣть* указываютъ на то, что украинскому языку въ древности были извѣстны образованія съ окончаніемъ—tь отъ такихъ глаголовъ, въ которыхъ теперь имѣемъ лишь формы безъ—tь; очевидно, формы *несе̄—ть* и т. п. были украинскимъ языкомъ впослѣдствіи утрачены. Должно еще замѣтить, что діалектически въ украинскомъ существуетъ и—т (твердое)—изъ прарусскаго діалектическаго—tъ (въ западныхъ говорахъ южнаго нарѣчія, въ галицкихъ, гуцульскихъ, также въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣвернаго нарѣчія и въ нѣкоторыхъ карпатскихъ,—(напр. у бойковъ).

Въ древнихъ русскихъ памятникахъ южнаго происхожденія находимъ формы 3 л. ед. ч. на—ти: *посадити* и Сборн. 1073 г., *оубиюти* и Арх. Ев. 1092 г., молѧ—хоуті и въ Галицк. Ев. 1144 г. и. т. п. (ср. Очеркъ Шахматова, 202 с.): формы эти получились лишь въ одномъ опредѣленномъ положеніи: передъ слѣдующимъ ji (на письмѣ и), т. е. по общему закону измѣненія ъ, ь передъ j въ ы, и,—ср. § 37.

§ 99. Форма 1 л. мн. ч. имѣетъ въ украинскомъ окончаніе *мо*, причемъ нерѣдко на этомъ окончаніи является удареніе: *гребемо, несемо, можемо, сохнемо, боремо, знаемо, чуємо, плачемо, пишемо, купуємо, садимо, доїмо, терпимо, кричимо, стоїмо, їмо, дамо, повімо*. То же оконча-

ніе—*мо* находимъ въ галицко-волынскихъ памятникахъ, напримѣръ—въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV в. *приводимо, чинимо, всьмо* и т. п.

Для прарусскаго нельзя установить одного и того же окончанія 1 л. мн. ч., какъ нельзя этого сдѣлать и по отношенію къ праславянскому; различные словянскіе языки отражаютъ окончанія—mъ,—mo,—me, и всѣ эти окончанія должно предполагать и для прарусскаго:—mъ отражается въ современномъ в.-русскомъ—**м** (*несемъ* и т. п.),—me находимъ въ древнихъ русскихъ памятникахъ новгородскаго, псковского и смоленско-полоцкаго происхожденія (ср. Лекціи [3] Соболевскаго, 159 с.),—mo—въ большинствѣ украинскихъ говоровъ. Украинское—*мо* нисколько не говоритъ противъ генетической близости украинскаго и вел.-русскаго и въ пользу близости украинскаго къ сербскому, гдѣ находимъ также—*мо*, какъ не говоритъ др.-псковское и новгородское—*ме* въ пользу близости псковского и новгородскаго къ чешскому и болгарскому, въ которыхъ также встрѣчаемъ—me. Окончаніе—*mo*, кромѣ сербскаго и украинскаго, имѣютъ болгарскій, словинскій и словацкій. Вообще и въ другихъ словянскихъ языкахъ, а не только въ русской языковой вѣтви праславянскаго мы находимъ двойственность окончанія 1 л. мн. ч.: въ болгарскомъ, напримѣръ, въ различныхъ его нарѣчіяхъ находимъ—**mo** (-*мо*) и—**me** (-*ме*). Также въ украинскомъ рядомъ съ—*мо* діалектически находимъ—*ме*: въ бо́льшей части карпатскихъ говоровъ.

§ 100. Форма 2 л. мн. ч. отражаетъ прарусское и вмѣстѣ съ тѣмъ праславянское окончаніе—te: *гребете, можете, дмете, сядете, берете, знаете, граєте, садите, терпите, кричите, їсте, дасте* и т. п.

Форма 3 л. мн. ч. имѣла въ прарусскомъ то же самое окончаніе—**tь**, что и форма 3 л. ед. ч. (ср. выше, § 98); это tь съ отпаденіемъ—**ь** дало—t' (t „мягкое"). Отличіе формы 3 л. мн. ч. отъ 3 л. ед. ч. заключалось въ томъ, что окончанію—**tь** предшествовалъ въ прарусскомъ въ 3 л. ед. ч. гласный—**e** или—i: n'es'e—t'ъ, sad'i—t'ъ; въ 3 л. мн. ч. передъ этимъ—tь былъ носовой гласный—ų или—ą (изъ праслов. ǫ или ę)—позже **у** или **а**; различіе это объясняется тѣмъ, что въ праславянскомъ еще эти носовые гласные получились изъ слiянія гласнаго основы (въ I, II, III классѣ глаголовъ—**o**, въ IV-мъ—**i**) съ **n** окончанія 3 л. мн. ч.—**nti**. Такимъ образомъ, въ украинскомъ имѣемъ: *гребуть, несуть, зовуть, сохнуть, борють, бють, чують, знають, садять, лазять, доять, терплять, кричать, їдять, дадуть, повідять*. Въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ имѣется—т (твердое) въ 3 л. ед. ч.,—такое же т и въ 3 л. мн. ч. (ср. выше, § 98).

§ 101. Въ прарусскомъ, безъ сомнѣнія, существовали особыя окончанія для формъ 1, 2 и 3 л. двойств. числа, и въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ мы еще находимъ въ извѣстныхъ условіяхъ сохраненіе этихъ формъ, но приблизительно, съ XIII вѣка формы эти выходятъ изъ употребленія (ср. Лекціи[3] Соболевскаго, 234с.). Въ современномъ украинскомъ, какъ и въ в.-русскомъ и б.-русскомъ, ихъ не находимъ.

Формы повелительнаго наклоненія.

§ 102. Окончанія въ формахъ повелительнаго наклоненія искони отличались отъ окончаній формъ наст. вр. изъявительнаго наклоненія (не только въ прарусскомъ, но и въ праславянскомъ). Окончаніемъ 2 и 3 л. ед. ч. въ прарусскомъ было—i во всѣхъ глаголахъ кромѣ V класса: *n'es'i, *bor'i, *mol'i, *stan'i, причемъ это *i* по своему происхожденію не есть окончаніе въ собственномъ смыслѣ слова, а элементъ суффиксальный, нѣкогда предшествовавшій окончанію, затѣмъ отпавшему (еще въ праславянскомъ—s для 2 л.,—t для 3 л.). Въ нѣсколькихъ глаголахъ V кл. окончаніемъ 2 и 3 л. ед. ч. являлось—**ь**: *ěž-ь, *daž-ь, *věž-ь (передъ—ь былъ въ праславянскомъ j, который въ соединеніи съ кореннымъ **d** основъ ěd—, dad—, věd—далъ ž). Формы 1 л. мн. и 2 л. множ. ч. имѣли тѣ же окончанія, что и формы наст. вр. изъявительнаго наклоненія:—mъ и—t'e, но передъ этими окончаніями въ глаголахъ I и II класса имѣлся гласный—ě, а въ глаголахъ III, IV и V класса—гласный—i: *n'es'ě-mъ,—*n'es'ě-t'e, *stan'-ěmъ—*stan'ě-t'e, но *p'iši-mъ—*p'iš-i-t'e, *mol'i-mъ—*mol'-it'e, *dad'i-mъ—*dad'i-t'e.

§ 103. Прарусскія формы повелительнаго наклоненія испытали въ украинскомъ слѣдующія измѣненія.

Формы 2 и 3 л. ед. ч. въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ конечное і являлось неударяемымъ, потеряли это і и оканчиваются на смягченный согласный: при формахъ *греби, неси, пни, дми, зови, бери, сади* и т. п. имѣемъ *сядь, стань, лазь* и т. п. Послѣ гласнаго и чисто звуковымъ образомъ стало неслоговымъ: *знай, бий, мий, вій, умій* и т. п. Форма повел. накл. къ глаголу V класса jesmь образуется отъ основы *буд*— (прарусс. *bųd—): *будь*.

Глаголы V класса *їм, по-вім* отражаютъ старую прарусскую форму въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: *їдж, повідж* вм. *їж, повіж*: *дж* вм. *ж* явилось здѣсь подъ вліяніемъ другихъ формъ съ д: 1 л. мн. *ěd'-imъ, *vĕd'imъ, каковыя формы затѣмъ сами измѣнились (ср. ниже).

§ 104. Формы 1 л. мн. ч. и 2 л. мн. ч. тѣхъ глаголовъ, которые имѣли передъ окончаніями—mъ,—t'e гласный—ě (ѣ) и во 2 л. ед. ч.—і

ударяемое, сохранили рефлексъ стараго ě (ѣ) передъ окончаніями, причемъ неударяемое е окончанія t'e отпало: *гребім—гребіть, крадім—крадіть, несім—несіть, пнім—пніть, ревім—ревіть, схнім—схніть* (отъ *схну*=сохну) и т. п. Глаголы III класса съ формой 2 л. ед. ч. повел. на—і ударяемое въ формахъ множ. ч. подчинились вліянію формъ типа *гребім—гребіть:* получили ѣ (=і въ укр.) вм. стараго—и,—вмѣсто праурусс. *bor'imъ—*bor'it'e, что должно было дать въ украинскомъ *борим—борить,* имѣемъ—*борім—боріть;* такъ же—*мелім—меліть, пишім—пишіть, орім—оріть, шлім—шліть* и т. п. Такимъ же образомъ замѣнили старое—и передъ окончаніями 2 л. и 3 л. мн. ч. гласнымъ і (изъ ѣ) глаголы IV класса: *садім—садіть, терпім—терпіть, кричім—кричіть* и т. п. (при условіи ударяемости суффиксальнаго гласнаго).

Тѣ же формы 1 и 2 л. мн. ч., которыя имѣли, какъ и во 2 ед. ч., удареніе на корнѣ, подъ вліяніемъ формы 2 л. ед. ч. потеряли суффиксальный гласный вовсе.

При этомъ окончаніе 2 л.—t'e сохраняется безъ измѣненія, а вмѣсто окончанія—*м* въ 1 л. является—*мо* (изъ формъ наст. вр. изъявительнаго накл.): (*лізь*—) *лізьмо—лізьте,* (*сядь*—) *сядьмо—сядьте,* (плач—)—*плачмо—плачте* (съ отвердѣніемъ ч), (*лазь*—) *лазьмо—лазьте* и. т. п.

Въ глаголахъ, въ которыхъ суффиксальный гласный и находился послѣ гласнаго и потому сталъ неслоговымъ также въ 1 л. мн. ч., находимъ новое окончаніе—*мо,* а во 2 л. мн. ч. старое—*те*: (*знай*)—*знаймо—знайте,* (*чуй*—) *чуймо—чуйте,* (*бий*—) *биймо—бийте,* (*купуй*—) *купуймо—купуйте,* (*стій*—) *стіймо—стійте* (отъ глагола *стою*) и т. п. Старыя формы глагола V класса ї*м,—ѣдимъ—ѣдите* исчезли и замѣнились новыми формами съ потерей суффиксальнаго гласнаго и съ группой дж вм. д подъ вліяніемъ формы 2 л. ед. ч.: вмѣсто *ѣжь—ѣдимъ—ѣдите* явилось *їдж—їджмо—їджте*; къ глаголу V класса *дам* вм. старыхъ формъ *дажь—дадимъ—дадите* имѣемъ—*дай—даймо—дайте,* каковыя формы относятся собственно къ глаголу *dajati—*daję.

Формы съ утратой суффиксальнаго гласнаго передъ окончаніями повел. наклоненія находимъ уже въ памятникахъ XIII—XIV вѣка: въ гал.-вол. Ев. XII—XIII в. (Никольскаго монастыря № 150) *почините*; въ гал.-вол. Ев. около 1266 г.—украдь, оставьте, обидьте и т. д.,—ср. Лекціи[3] Соболевскаго, 247 с. Нефонетическая замѣна суффиксальнаго—и суффиксальнымъ—ѣ тоже засвидѣтельствована для весьма древняго времени: въ Христинопольскомъ апостолѣ XII—XIII вѣка—*не хвалѣтеся*, въ Галицкомъ Ев. около 1266 г. *простѣте*, въ Галицкомъ Ев. около 1283 г. *заколѣте* и т. д. (Соболевскій, ibid).

Образованіе формъ прошедшаго времени, будущаго времени, сослагательнаго наклоненія, страдательнаго и средняго залога.

§ 105. Остальныя глагольныя формы (кромѣ разсмотрѣнныхъ формъ наст. времени и повелит. наклоненія) не представляютъ самостоятельныхъ спрягаемыхъ формъ. Для выраженія прошедшаго времени въ прарусскомъ, какъ мы видѣли (§ 93) употреблялись 1) формы аориста, 2) формы имперфекта, 3) формы перфекта—сложныя (*dałъ jesm'ь и т. п.) и 4) формы давнопрошедшаго—также сложныя (*dałъ b'aachъ или *dałъ byłъ jesmь).

Формы имперфекта и аориста потеряны украинскимъ, какъ и в.-русскимъ и б.-русскимъ, и притомъ очень рано: какъ указываетъ Соболевскій (Лекціи [3], 230—231 с. с.) уже въ древнѣйшихъ грамотахъ и вообще памятникахъ, не списанныхъ съ церк.-словянскаго оригинала, ни тѣхъ, ни другихъ формъ *почти* не находимъ; въ Мстиславовой грамотѣ 1130 г. нѣтъ ни одной формы аориста.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ, списанныхъ съ церк.-словянскаго оригинала, находимъ формы аориста въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ являются въ др.-церк.-словянскомъ (съ замѣной ѧ въ 3 л. мн. ч. звукомъ а): ведохъ 1 л. ед., веде 2—3 л. ед.; ведоховѣ 1 л. дв. ч., ведоста 2—3 л. дв. ч., ведохомъ 1 л. мн. ч., ведосте 2 л. мн., ведоша 3 л. мн. ч.

Формы имперфекта очень рано получили стяженіе гласныхъ: бяхъ вм. бяахъ (др.-ц.-сл. бѣахъ), бяше, бяше, бяхомъ, бяшете или бясте, бяху, бяховѣ, бяшета или бяста; такъ же—ведяхъ—ведяше—ведяше и т. д. (отъ *вести*)

§ 106. Что касается формъ сложныхъ перфекта *(далъ ѥсмь, далъ ѥси, далъ ѥсть, дали ѥсмь, дали ѥсте, дали суть)*, то онѣ очень рано въ древне-русскомъ сокращались въ смыслѣ опущенія спрягаемой формы вспомогательнаго наклоненія: примѣры этого опущенія—уже въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.; въ надписи на Тмутараканскомъ камнѣ читаемъ: *Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду*—вмѣсто *мѣрилъ ѥсть.*

Чаще и раньше всего вспомогательный глаголъ опускался въ формахъ 3 лица, сохраняясь въ 1 и 2 лицахъ, хотя уже въ древности можно найти примѣры опущенія его и въ формахъ 1 и 2 лица; такъ въ Мстиславовой грамотѣ читаемъ: *язъ далъ рукою своею;* здѣсь прибавленіе глагола вспомогательнаго въ личной формѣ дѣлалось излишнимъ, такъ какъ на лицо указывала мѣстоименная форма *(язъ);* употребленіе мѣстоименій *(язъ, ты, онъ, она, оно, мы, вы, они)* при сложныхъ формахъ перфекта и было причиной того, что съ теченіемъ времени формы вспомогательнаго глагола въ сложномъ прошедшемъ совершенно вышли изъ употребленія.

Такимъ образомъ для выраженія прошедшаго времени употребляются въ настоящее время въ украинскомъ, какъ и въ в.-русскомъ и б.-русскомъ, формы причастія прош. времени на lъ—la—lo,—несклоняемыя, но измѣняющіяся лишь по родамъ и числамъ. При этомъ само собою разумѣется, что формы двойств. числа потеряны.

Итакъ, отъ глагола *несу* форма прош. времени—*ніс—несла—несло*, мн. ч. *несли* (ніс изъ *n̂ěslъ), отъ глагола *краду—крав—крала—крало*, мн. ч. *крали*, отъ *лізу—ліз—лізла—лізло—лізли*, отъ *сяду—сів—сіла—сіло—сіли* и т. д. Въ формахъ муж. р. имѣемъ упрощеніе группъ согласныхъ: sl въ l (*ніс*), dl въ l (*крав* съ измѣненіемъ l въ u, о которомъ ср. выше, § 56), bl въ b (*гріб* отъ *гребу)*, kl въ k (*пік* отъ *печу*, что—вмѣсто *пеку)* и т. п.

Формы давнопрошедшаго, сложныя по характеру (ср. выше § 105), украинскимъ, какъ и в.-русскимъ и бѣлорусскимъ, утрачены.

§ **107.** Для выраженія будущаго времени въ украинскомъ имѣется два способа: 1) сложеніе формы инфинитива съ вспомогательнымъ глаголомъ 2) или той же цѣли служитъ форма настоящаго времени отъ глаголовъ совершеннаго вида. И тотъ и другой способъ—праславянскіе по своему происхожденію, сохраненные прарусскимъ и переданные имъ отдѣльнымъ русскимъ языкамъ. Такимъ образомъ, значеніе будущаго времени имѣетъ форма *прочитаю (прочитаєш, прочитає* и т. д.) и сочетанія: *буду читати (будеш читати, буде читати* и т. д.) или *читати-му (читати-меш, читати-ме, читати-мемо, читати-мете, читати-муть)*.

Сложеніе съ глаголомъ *буду* (по формѣ—наст. вр. совершеннаго вида къ инфинитиву *бути)* извѣстно и в.-русскому, и другимъ славянскимъ языкамъ. Форма *му* получилась изъ *иму* (черезъ посредство *йму*, ср. § 41), т. е. изъ формы наст. вр. къ инфинитиву *яти* (*няти* съ н, отвлеченнымъ отъ предлоговъ *вън*—, *сън*—въ сложеніяхъ *вънятu, сънятu*).

§ **108.** Формы сослагательнаго или условнаго наклоненія, какъ было указано выше (§ 93), образовывались въ прарусскомъ путемъ сочетанія формы причастія на—lъ и формы аориста отъ глагола byti: *dalъ bychъ 1 л. ед., *dalъ by 2 и 3 л. ед. ч. (*dala для м. р., *dalo для ср. р.), *dali bychomъ 1 л. мн., *dali byst'e 2 л. мн., *dali byša 3 л. мн. и т. д. (формы двойств. числа). Но уже съ XIII в. (см. Соболевскаго Лекціи [3], 239 с.), форма *бы* 2-го и 3-го л. ед. ч. вытѣсняетъ остальныя формы вспомогательнаго глагола и становится какъ бы частицей, общей для всѣхъ лицъ и придающей формамъ *дал(ъ), дала, дало, дали* и т. п. значеніе сослагательнаго или условнаго наклоненія; въ украинскомъ эта частица является въ видѣ *би* (ы = и,—ср. § 38);

утрата различія лицъ и чиселъ въ формахъ аориста *быхъ* находилась въ связи съ прибавленіемъ къ сочетанію *далъ бы* и т. п. мѣстоименной формы. Такимъ образомъ имѣемъ: *я би дав, ти би дав, дав би* (3 л. ед.),— для ж. р. *дала*, для срецняго *дало*,—*ми би дали, ви би дали, дали би* (3 л. мн. ч.).

§ 109. Формы средняго и страдательнаго залога выражаются въ украинскомъ тѣми же способами, что и въ прарусскомъ (ср. выше § 93): *читается, читалося, читатимесе, читалобся; він був битий, буду битий, був би битий,* (соединеніе глагола вспомогательнаго съ причастіемъ).

Именныя формы глагола.

§ 110. Форма *инфинитива* (такъ называемое „неопредѣленное наклоненіе") оканчивалась въ прарусскомъ, можно думать, на—ti; въ глаголахъ съ основой—корнемъ на—k, g изъ группы kt, gt получалось въ прарусскомъ č (ч): *mogų 1 л. ед. наст. вр.—*moči, *p'ekų— *p'eči. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ окончаніе—*ти* (-*чи*) господствуетъ, очень рѣдко встрѣчается окончаніе—*ть*, которое обозначаетъ t' и получилось изъ—ti путемъ сокращенія формы. Въ украинскомъ сохранилось старое окончаніе, хотя употребляются формы на t' (*ть*) отъ тѣхъ глаголовъ, въ которыхъ окончаніе—*ти* было неударяемымъ.

§ 111. Рядомъ съ формами инфинитива прарусскій языкъ зналъ формы *супина* или такъ называемаго *достигательнаго наклоненія*; эти формы употреблялись послѣ глаголовъ, обозначающихъ движеніе, вмѣсто формъ инфинитива и оканчивались на—tъ: *b'itъ, *gon'itъ и т. п. Формы супина, употреблявшіяся въ др.-русскихъ памятникахъ до конца XIV вѣка, утрачены украинскимъ, какъ и в.-русскимъ и б.-русскимъ.

§ 112. Формы причастія наст. времени оканчивались въ прарусскомъ въ им. п. ед. ч. м. р., повидимому, на—ą: *idą, *r'eką, *n'esą, *p'išą, *mol'ą и т. д. Въ праславянскомъ было *idy, *reky *nesy, но *pišę, *molę; ę праславянское измѣнилось въ прарусскомъ въ ą (а носовое), затѣмъ дало во всѣхъ русскихъ языкахъ чистое а (см. § 30). Подъ вліяніемъ формъ *p'išą, *molą и т. п. явились ф.ф. *idą, *n'esą и т. п. вм. *idy, *n'esy и т. п.; формы на—а вродѣ *река* встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, напримѣръ, въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.,—въ древ.-русскихъ грамотахъ формъ на—у (ы) не находимъ.

Формы ж. р. им. п. имѣли суффиксъ—ųč—,—ąč и окончаніе—i: *idųči, позже—iduči (*идучи*), *mol'ąči позже—mol'ači (*молячи*); форма

им. ед. ср. р. была та же, что и для муж. рода. Формы причастія измѣнялись какъ по именному склоненію (*idųča род. ед. м. р. *idųču дат. ед. м. р. и т. д.), такъ и по сложному.

Но украинскій, какъ и в.-русскій и б.-русскій, утратилъ склоненіе причастій наст. времени: въ немъ имѣемъ дѣепричастія, т. е. отглагольныя нарѣчія на-*учи*, (-*ючи*), -*ачи* (-*ячи*): *гребучи*, *лізучи*, *дмучи*, *пливучи*, *зовучи*, *сохнучи*, *борючи*, *бючи*, *знаючи*, *пишучи*, *садячи*, *лазячи*, *доячи*, *терплячи* и т. д. Вѣроятно, въ окончаніи—и этихъ дѣепричастій отражается форма им. мн. на—и (вмѣсто болѣе старой на—е), а суффиксъ—*уч*,—*ач* имѣется въ зависимости отъ класса глагола: въ I, II, III классѣ глаголовъ—суффиксъ—уч, (-юч), а въ IV классѣ глаголовъ—ач (-яч). Старыя формы им. п. ед. ч. на—а еще сохранились—также въ значеніи дѣепричастій: *мога*, *ходя*, *стоя*. Формы *могучий*, *будучий* суть по значенію прилагательныя, по происхожденію—причастія.

§ 113. Подобно формамъ причастія наст. вр. дѣйствительнаго залога, потеряли склоненіе и получили характеръ дѣепричастій и формы причастія прош. вр. дѣйств. залога (*минувший*—по значенію—прилагательное, хотя по происхожденію—причастіе). Старый суффиксъ причастія прош. вр. дѣйств. залога—vъš,—ъš съ выпаденіемъ ъ получилъ въ украинскомъ видъ—*вш*,—*ш*; по окончанію—*и* формы дѣепричастія прош. вр. параллельны дѣепричастіямъ наст. времени (и въ смыслѣ происхожденія этого окончанія): *грібши* (изъ *гребши*, а это—изъ греб(ъ)ши), *мігши* (*изъ могъши*), *пікши* (изъ *пекъши*), *звавши* (изъ *зъвавъши*), *боровши* (изъ *боровъши*), *бивши* (изъ *бивъши*), *писавши* (изъ *писавъши*), *садивши* (изъ *садивъши*) и т. д.

Формы прич. прош. дѣйств. зал. на—lъ, какъ мы видѣли выше (§ 106), получили значеніе формъ прош. времени. Здѣсь слѣдуетъ лишь отмѣтить, что эти причастія (несклоняемыя уже въ древности) оказали въ нѣкоторыхъ случаяхъ вліяніе на формы дѣепричастія прош. времени; такъ, подъ вліяніемъ *сів* (изъ *s'ělъ) явилась форма *сівши* вм. *сідши* (изъ *sěd-ъš-i); подъ вліяніемъ їв (изъ *ělъ) явилась форма *ївши* вм. *їдши* (изъ *ědъ—ši): суффиксъ—vъš въ причастіяхъ прош. вр. имѣлъ мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ прибавлялся къ основѣ на гласный.

§ 114. Формы причастія страд. залога наст. вр. съ суффиксомъ —mъ (—мъ),—*n'esomъ, l'ubimъ и т. п.,—утрачены украинскимъ. Причастія прош. вр. страд. залога,—съ суффиксомъ—n и съ суффиксомъ—t, сохранились: *крадений*, *печений*, *несений*, *роз-п(н)ятий*, *дутий*, *тертий*, *званий*, *борений*, *боротий*, *мелений*, *молотий*, *чутий*, *битий*, *писаний*, *ораний*, *саджений*, *довний*, *даний*, *їджений* и т. п. Формы *боротий*, *мо-*

лотий являются новообразованіями, явившимися подъ вліяніемъ иныхъ формъ съ суффиксомъ—t: ср. др.-ц.-слов. бор̑і-єнъ, мл҄ѣнъ (=укр. *мелений*).

Въ формахъ *їджений*, *саджений* имѣемъ также новообразованіе, но другого рода: въ *їджений дж* явилось вм. д (ср. др.-ц.-сл. ıадєнъ) подъ вліяніемъ формъ вродѣ *саджений* (ср. *їдять*—*їдячй* и *садять*—*садячй*), а въ *саджений*—дж явилось вмѣсто ж (ср. в.-русск. *посаженъ*) подъ вліяніемъ иныхъ формъ этого глагола съ д, какъ и въ 1 л. ед. ч. *саджу* (ср. § 58).

Въ заключеніе сдѣланнаго обзора глагольныхъ формъ приведемъ нѣсколько образцовъ украинскаго спряженія и отмѣтимъ нѣкоторыя явленія частнаго характера въ области этихъ формъ.

§ 115. Образецъ 1-го спряженія.

Настоящее время.

Ед. ч.	1.	гребу	мо́жу	печу	пну	дму	ляжу
	2.	гребеш	можеш	печеш	пнеш	дмеш	ляжеш
	3.	гребе	може	пече	пне	дме	ляже
Мн. ч.	1.	гребемо	можемо	печемо	пнемо	дмемо	ляжемо
	2.	гребете	можете	печете	пнете	дмете	ляжете
	3.	гребуть	можуть	печуть	пнуть	дмуть	ляжуть
Инфин.		-греб(с)ти	мочй, могтй	печй, пектй	пняти	дути	лячй, лягтй

Повелит. наклоненіе.

2 ед.	греби	(по-)можи	печи	пни	дми	лязь, ляж
1 мн.	гребім	(по-)можім	печім	пнім	дмім	лязьмо, ляжмо
2 мн.	гребіть	(по-)можіть	печіть	пніть	дміть	лязьте, ляжте

Причастіе наст. вр. д. з.

гребу́чи   мога́   пнучи   дмучи

Прошедшее вр.

гріб, гребла,-о,-и   міг, могла...   пік, пекла...
п(н)яв, п(н)яла...   дув, дула...   ліг, лягла...

Прич. пр. вр. д. з.

грібши   мігши   пікши   п(н)явши   дувши   лігши

Прич. пр. вр. стр. з.

(гребений)   (спо)можений   печений   (роз-)п(н)ятий   дутий

Настоящее время.

Ед. ч. 1 л.	беру	стану	борю	знаю	плачу	купую
2 л.	береш	станеш	бореш	знаєш	плачеш	купуєш
3 л.	бере	стане	боре	знає	плаче	купує
Мн. ч. 1.	беремо	станемо	боремо	знаємо	плачемо	купуємо
2.	берете	станете	борете	знаєте	плачете	купуєте
3.	беруть	стануть	борють	знають	плачуть	купують
Инфин.	брати	стати, станути	бороти	знати	плакати	купувáти

Повелит. наклоненiе.

2 ед.	бери	стань	бори́	знай	плач	купуй
1 мн.	берім	станьмо	борім	знаймо	плачмо	купуймо
2 мн.	беріть	станьте	боріть	знайте	плачте	купуйте

Причастiе наст. вр.

берýчи, борючи́ знáючи плачучи́ купýючи

Прошедшее вр.

брав, брáла... став, стала... борóв, борóла... плакав, плакала.. купував, купувала...

Прич. прош. вр. д. з.

бравши ставши (ставувши) боровши плакавши купувавши

Прич. прош. вр. стр. з.

(зі)браний бóрений, борóтий оплаканий купóваний

§ 116. Образецъ 2-го спряженія:

Настоящее вр.

Ед. 1.	саджу	лажу	дою	терплю	кричу	стою
2.	сади́ш	лазиш	доїш	терпи́ш	кричиш	стоїш
3.	сади́ть	лазить	доїть	терпи́ть	кричить	стоїть
Мн. 1.	садимó	лазимо	доїмó	терпимó	кричимó	стоїмó
2.	садитé	лазите	доїтé	терпитé	кричитé	стоїтé
3.	садя́ть	лазять	доять	терпля́ть	кричáть	стоять
Инф.	садити	лазити	доїти	терпіти	кричати	стояти

Повелит. наклоненiе.

2 ед.	сади	лазь	дій	терпи	кричи	стій
1 мн.	садім	лазьмо	діймо, доїм	терпім	кричім	стіймо.
2 мн.	садіть	лазьте	дійте, доїть	терпіть	кричіть	стійте

Причастіе наст. вр.

садячи лазячи доячи терплячи кричучи стоячи, стоя

Прошедшее вр.

садив,-ила... лазив,-ила... доїв,-їла терпів,-іла кричав,-ала, стояв,-ла

Причастіе прош. вр. дѣйств. зал.

садивши лазивши доївши терпівши кричавши стоявши

Причастіе прош. вр. страд. зал.

саджений лажений доєний (терпен) окричаний перестояний

§ 117. Глаголы V класса не подходятъ ни подъ 1-е, ни подъ 2-е спряженіе, имѣютъ свои особенности, отчасти древнія, отчасти новаго происхожденія.

Настоящее время (по формѣ).

Ед. 1.	я є	буду	їм	дам
2.	ти є, єси	будеш	їси	даси, даш
3.	є, есть	буде	їсть	дасть
Мн. 1.	ми є	будемо	їмо	дамо
2.	ви є	будете	їсьте, їсте	дасьте, дасте
3.	вони є	будуть	їдять	дадуть
Инф.		бути	їсти	дати

Повелительное накл.

2 ед.	будь	їдж	дай
1 мн.	будьмо	їджмо	даймо
2 мн.	будьте	їджте	дайте

Причастіе наст. вр.

будучи їдячи

Прошедшее вр.

був, була... їв, їла дав, дала

Причастіе прош. вр. дѣйств. зал.

бувши ївши давши

Причастіе прош. вр. страд. зал.

—бутий їджений даний

§ 118. Нѣкоторые глаголы представляютъ въ своемъ спряженіи особенности, требующія особыхъ оговорокъ или объясненій. Такъ, напримѣръ, отъ глагола *сяду—сядеш—сяде* и т. д. однѣ формы (наст. вр., повел. накл.) имѣютъ коренной гласный а (*я* на письмѣ), другія—і: инфинитивъ *сісти*, прош. вр. *сів*, *сіла*, прич. прош. *сівши*; это различіе коренного гласнаго исконное, еще праславянскаго происхожденія: ср. др.-ц.-сл. сѧдѫ 1 л. ед. ч. наст. вр. (съ е носовымъ) и сѣсти. Такъ же имѣемъ *ляжу* и т. д. и *ліг*, *лігші*: здѣсь имѣемъ праславянское чередованіе е: ę,—ср. др.-ц.-сл. лѧгѫ—infin. лешти, прич. пр. легль и легъ - легъши...

Въ украинскомъ правильно е удлинилось въ і въ формахъ *ліг*, *лігши*, но форма ж. р. прош. вр. *лягла* получила а вм. е изъ формъ наст. вр.

§ 119. Глаголъ *іду* спрягается по 1 спряженію: *ідеш*, *іде* и т. д. но имѣетъ ту особенность, что форма инфинитива образуется не отъ основы—корня id-, какъ формы наст. вр., а отъ основы—корня і-: іти; формы же прош. времени и прич. прош. образуются отъ корня šьd-: *ішов*, *ішла*, *ішовши*, причемъ послѣдняя форма явилась вмѣсто *ішодши* подъ вліяніемъ *ішов*: ср. др.-ц.-сл. идѫ, ити, шьлъ (=укр. *ішов*,-ср. § 113), шьдъ - шьдъши....; і въ началѣ формъ *ішов*, *ішла*, *ішовши* получилось изъ формъ *іду* и т. д.

Какъ видимъ изъ сравненія съ др.-ц.-словянскимъ, и эта особенность—старая; такъ же древне соотношеніе между формами *їхати* и *їду*,—ср. др.-ц.-слов. ıахати : ıадѫ, в.-р. *ѣхать—ѣду*.

§ 120. Глаголъ *хотіти* нѣкоторыми формами принадлежитъ къ глаголамъ III класса, другими къ глаголамъ IV-го: *хóчу—хóчеш—хоче—хочемо—хочете—хотять* (*хочуть*); формы хотіти, хотять (ср. др.-ц.-слов. хътѣти - хотѧтъ) относятся къ IV классу.

Глаголъ *сплю—спиш—спи* и т. д.—IV класса, однако форма инфинитива *спати* и формы, образованныя отъ нея (*спав—спала*...), не подходятъ къ образованіямъ отъ глаголовъ этого класса.

§ 121. Формы глагола *бути* представляютъ три различныхъ основы: въ наст. времени основу—корень jes—, въ инфинитивѣ и образованныхъ отъ той же основы инфинитива,—корень—основу by—, въ формахъ *буду—будеш* и т. д., *будь* и т. д., *будучи*—основу bųdo(-e)—(праслов. bǫdo(-e)—). Форма *буду* имѣетъ значеніе будущаго времени, хотя формально,—по образованію, это—форма настоящаго времени.

Подъ вліяніемъ формъ *буду* и т. д., *будь* и т. д., *будучи* гласный у явился вмѣсто стараго ы и въ формахъ *бути*, *був—була*..., *бувши*,—

бутий. Старая форма наст. времени: *есмь*, *еси*, *есмо*, *есте*, *суть*—потеряла спряженіе, и форма 3 л. *е* обычно замѣняетъ всѣ остальныя лица.

Въ Галиціи употребляются формы глагола *есмь* въ сокращенномъ видѣ: *м*, *сь*, *сьмо*, *сьте*: *рада—м*=я рада, *радась*=ты рада, *радісьмо*, *раді—сьте*.

§ 122. Во многихъ случаяхъ въ глагольныхъ формахъ находимъ новообразованія, вызванныя аналогіей. Отчасти такія новообразованія были уже нами отмѣчены въ § 65, гдѣ объяснено происхожденіе формъ инфинитива *гребсти*, *клясти*, *пекти*, *могти* и формы 1 л. ед. ч. наст. вр. *можу* вм. *могу*. Такъ же, какъ *пекти*, *могти*, объясняется форма *лягти* вм. *лячи* (ср. др.-сл. лѧшти): группы kt, gt (*pek-ti, *mog-ti, *lęg-ti) уже въ праславянскомъ измѣнились въ t'ť, которое дало въ прарусскомъ č (ч).

Такъ же, какъ g измѣнилось уже въ праславянскомъ въ ž передъ „мягкимъ" гласнымъ, измѣнилось въ томъ же положеніи k въ č (ч). Отсюда понятно отношеніе *mogǫ—*možešь, *pekǫ—*pečešь; и такъ же, какъ *можу* вм. *могу* явилось въ украинскомъ подъ вліяніемъ формъ *можеш*, *може* и т. д.,—форма *печу* вм. *пеку* явилась подъ вліяніемъ формъ *печеш—пече* и т. д.

Въ формахъ повел. накл. k измѣнялось передъ палатальнымъ гласнымъ (изъ дифтонга—oi) уже въ праславянскомъ въ c (ц), a g—въ dz, откуда должно было явиться въ прарусскомъ z (з): ср. др.-ц.-сл. пьци—пьцѣмъ—пьцѣте отъ пекѫ и мози—мозѣмъ—мозѣте отъ могѫ. Ясно отсюда, что формы повел. накл. печи, печім... обязаны своимъ ч вліянію формъ наст. времени (*печу—печеш* и т. д.), какъ и ж вм. ожидаемаго з въ формахъ—*можи*, *можім*, *можіть* (ср. *можу*, *можеш* и т. д.); старое з еще сохранилось въ формахъ *лязь*, *лязьмо*, *лязьте* отъ *ляжу* (которое—вм. *лягу* подъ вліяніемъ *ляжеш* и т. д.).

§ 123. Въ глаголахъ IV класса гласный основы наст. вр. i (и) являлся въ 1 л. ед. ч. въ видѣ i̯ (j) передъ ǫ: отсюда имѣемъ группу „губной + l'" въ 1 л. ед. ч. и просто губной въ остальныхъ лицахъ: *терплю—терпиш—терпить* и т. д., *сплю—спиш—спить* и т. д. Въ формѣ 3 л. мн. ч. группы *пл'* не должно быть; однако, подъ вліяніемъ *терплю*, *сплю* являются формы *терплять*, *сплять* вм. старыхъ *терпять*, *спять*; затѣмъ таже группа *пл'* является и въ формѣ дѣепричастія *терплячи* вм. *терпячи*.

Сходное явленіе представляетъ появленіе, также нефонетическое, согласнаго н при губномъ п въ формахъ: *пняти* вм. *пяти* (ср. др.-ц.-сл. пѧти), прош. вр. *пняв* вм. *пяв* (др.-ц.-сл. пѧлъ), *пнявши* (дѣеприч. прош.)

вм. *пявши* (др.-ц.-сл. пьнъ-пьнъши, слѣд. в—изъ формы *пняв*), *(роз-) пнятий* (др.-ц.-сл.-пѧтъ); во всѣхъ этихъ формахъ н явился изъ формъ наст. времени: *пну—пнеш—пне* и т. д.

§ 124. Въ глаголахъ III класса, какъ мы видѣли выше (§ 94) имѣлись двѣ разновидности: а) глаголы, въ которыхъ основа инфинитива входитъ цѣликомъ въ основу наст. вр. и в) такіе, въ которыхъ основа инфинитива оканчивается на—а, котораго въ основѣ наст. вр. нѣтъ: а) *pisa-ti—*piš-ǫ и в) *čita-ti—*čita-jǫ; однако первоначальныя границы между этими двумя группами глаголовъ стираются въ украинскомъ, и отношеніе *читати—читаю* вызываетъ сходныя отношенія въ глаголахъ иного типа: при *дрім-а-ти* является *дрімаю* вм. *дрімлю* (др.-ц.-сл. дрѣмлѭ); такъ же возникли *сукаю* (*сукати*—ср. др.-ц.-сл. иштѫ) вм. *ищу, жадаю* вм. *жажу* (др.-ц.-сл. жѧждѫ), *дихаю* вм. *дишу* (др.-ц.-сл. дышѫ).

§ 125. Кромѣ указанныхъ примѣровъ вліянія аналогіи въ области глагольныхъ формъ можно было бы указать не мало другихъ; такъ, подъ вліяніемъ формъ наст. вр. *купую—купуєш* и т. д. явилась форма *купувати* вмѣсто старой *куповати*; вмѣсто дѣеприч. *кричачи* отъ *кричу—кричиш* и т. д. явилась форма *кричучи* (ср. в.-р. *кричащій*, др.-ц.-сл. кричѧшти им. ж. р. ед. ч.),—вѣроятно, подъ вліяніемъ *пишучи* и т. п.; рядомъ съ *дасте, їсте* явилось *дасьте, їсьте* подъ вліяніемъ їсть, дасть (= їсьть, дасьть), гдѣ с смягчилось подъ вліяніемъ слѣдующаго палатализованнаго т; форма 3 л. мн. ч. *дадуть* явилась вм. старой *дадять* (ср. др.-ц.-слов. дадѧтъ)—подъ вліяніемъ *несуть, крадуть* и т. п.; форма *даш* рядомъ со старой *дасй* явилась подъ вліяніемъ формъ отъ глаголовъ I—II спряженій, гдѣ окончаніемъ 2 л. ед. ч. является—ш.

Въ народныхъ говорахъ встрѣчаются формы *ходю, носю, видю, возю, платю, купю* и т. п. вм. *хожу, ношу, вижу, плачу, куплю*: ср. *ходиш, носиш, видиш, возиш, платиш, купиш* и т. д.

Вмѣсто *драти* (др.-ц.-сл. дьрати) при наст. вр. *деру—дерти*. Вмѣсто *терети* (ср. др.-ц.-сл. трѣти) къ наст. вр. *тру—треш* и т. д. имѣемъ *терти* изъ *тър-ти* т. е. старую основу инфинитива вытѣснила основа наст. времени *тър*—(*тру*—изъ *търу*,—ср. др.-ц.-сл. търѫ).

О формахъ *сівши, ївши* ср. § 113; о формахъ *боротий, молотий, їджений, саджений* § 115; о *саджу* и т. п. § 58; о *їдж, їджмо, їджте*—§ 104.

IV. Нѣсколько замѣчаній о словарѣ.

§ 126. Авторъ новѣйшей, всесторонне освѣщающей предметъ, грамматики украинскаго языка, Смаль-Стоцкій начинаетъ отдѣлъ своего труда, посвященный словообразованію, страннымъ утвержденіемъ, что украинскій словарь, „если оставить въ сторонѣ народныя нарѣчія пограничныхъ мѣстностей,—бѣденъ чужими словами, сравнительно съ сосѣдними словянскими языками“.

Не вдаваясь въ детальное обслѣдованіе вопроса о заимствованныхъ словахъ въ украинскомъ языкѣ, замѣчу лишь, что и поверхностнаго ознакомленія съ украинскимъ словаремъ достаточно, чтобы убѣдиться, что украинскій языкъ столь же богатъ чужими словами, сколько и каждый другой словянскій языкъ.

Запасъ чужихъ словъ, который находимъ въ томъ или другомъ языкѣ, всегда скрываетъ въ себѣ поучительную исторію культурныхъ вліяній на данный народъ со стороны его историческихъ сосѣдей.

Три основныхъ струи можно отмѣтить въ томъ словарномъ матеріалѣ, который воспринятъ украинскимъ языкомъ извнѣ, со стороны.

§ 127. Одна струя—это церковно-словянская; путемъ церкви и церковныхъ книгъ въ украинскій языкъ проникали слова собственно церковно-словянскія, слова греческія и еврейскія; сюда же относятся и тѣ церк.-словянскія слова, которыя сами являются весьма древними нѣмецкими заимствованіями. Это церковно-словянское вліяніе на украинскій иллюстрируютъ: амінь (евр.), алилуя (евр.), ангел (греч.), апостол (греч.), лепта (греч.), монастир (греч.), єпископ (греч.), артос (греч.), євангелия (греч.), владика, воскреснути, хрест, піп (др.-нѣм.), піст (др.-нѣм.); къ греческимъ заимствованіямъ черезъ церк.-словянское посредство должно, вѣроятно, отнести и *сорок* (ср. § 92).

§ 128. Другая струя, ґораздо болѣе широкая, охватывавшая всѣ сферы народной жизни,—результатъ многовѣкового сосѣдства и политическихъ связей съ Польшей,—струя польская. Черезъ польское посредство проникло въ украинскій языкъ очень большое количество словъ *нѣмецкихъ*, отчасти словъ *латинскихъ*, нѣкоторое количество словъ *итальянскихъ*, словъ *чешскихъ* и собственно словъ *польскихъ*.

Такъ, напримѣръ, латинскими по происхожденію являются: *парахвия* церковный приходъ (пол. parafja, лат. parochia—изъ греч. παροικία), *гербата*—чай (пол. herbata, лат. herba—трава), *олїй*—масло (растительное—пол. olej, лат. oleum), *хворма* (лат. forma), *хвигура* (лат. figura). Итальянскія слова лежатъ въ основѣ украинскихъ: *хвалда* (пол. falda—итал. falda), *хвортеця*—крѣпость (пол. forteca), *цера*—цвѣтъ лица (пол. cera),

аґрестъ—крыжовникъ (пол. agrest—итал. agresto), *капелюх*—шапка (теплая: пол. kapeluch—итал. capeluccio). Польское свое происхожденіе выдаютъ украинскія слова: *міць* (род. моци)—сила, рядомъ съ *міч* (пол. moc), *обіцяти*—обѣщать (пол. obiecać); согласному польскому c (ц) въ этихъ словахъ должно соотвѣтствовать въ украинскомъ, какъ и въ в.-русскомъ, ч (ср. § 8); польскими по происхожденію являются также *хендогий*—чистый, опрятный (пол. chędogi,—ср. русс. *художникъ*, др.-ц.-сл. хѫдогъ—съ о носовымъ), *праця*—работа, *працювати* (пол. praca, pracować), *пані*, *панна*, *панич*, *панувати*.

Изъ чешскаго въ польскій попали, а изъ польскаго—въ украинскій *власний*—собственный (пол. własny—чеш. vlastní, въ польскомъ должна быть група wło-, а въ украинскомъ было бы—воло-, ср. § 8); сдваб—шелкъ (пол. hedwab' и jedwab', чеш. jedvab).

§ **129**. Однако больше всего находимъ въ украинскомъ словъ нѣмецкихъ, прошедшихъ въ него черезъ польское посредство (оставляемъ въ сторонѣ болѣе древнія общесловянскія заимствованія изъ нѣмецкаго, какъ *повк*—полкъ, *король*, *князь*): *крейда*—мѣлъ (нѣм. Kreide), *смакъ*—вкусъ (нѣм. Schmack), *смалець*—жиръ (нѣм. Schmalz), *шруба*—винтъ (нѣм. Schraube), *шварц*—черная краска (нѣм. schwarz), *цегельня*—кирпичный заводъ (нѣм. Ziegel—кирпичъ), *барва*—краска (нѣм. Farbe—пол. barwa—древняя передѣлка нѣмецкаго слова), *гамулець*—тормазъ, *гамовати* (нѣм. hemmen—останавливать), *штука* (нѣм. Stück), *антаба*—рукоятка (нѣм. Handgabe), *шукати*—искать (нѣм. suchen), варта—стража (нѣм. Wart—сторожъ), *ганок*—крыльцо, подъѣздъ (нѣм. Gang), ґвалт—шумъ (нѣм. Gewalt), дах—крыша (нѣм. Dach), ґвінт—винтъ (нѣм. Gewinde), *варстат*—ткацкій станокъ (нѣм. Werkstatt), *гетьман* (нѣм. Hauptmann), *штаба*—полоса желѣза (нѣм. Stab—прутъ), *клямра*—скобка (нѣм. Klammer), *бавовна*—хлопчатая бумага (нѣм. Baumwolle: во второй части слова *бавовна* отразилось словянское *вóлна* = вълна), *ґатунок*—сортъ (нѣм. Gattung), *ґрунт*—участокъ земли (нѣм. Grund), *вербунок*—вербовка (нѣм. werben—вербовать), *трунок*—спиртный напитокъ (нѣм. Trunk), *хвест*—пиръ (нѣм. Fest), *хвехвер*—перец (нѣм. Pfeffer), *хвура*—возъ (нѣм. Fuhre), *ґезунд*—здоровье (нѣм. Gesund), *крам*—товар (нѣм. Kram), *фляшка*—бутылка (нѣм. Flasche), *ґзимс*—карнизъ (нѣм. Gesimse), *друк*—печать (нѣм. Druck), *друкувати*—*друкарня*, *друкуване*, *малювати*—рисовать (нѣм. malen), *жартувати*—шутить (нѣм. scherzen), *ратувати*—спасать (нѣм. retten), *шкодити*—вредить (нѣм. Schade), *дякувати*—благодарить (нѣм. danken), *рахувати*—считать, *рахунок* (нѣм. rechnen, Rechnung), *мусити*—быть должну (нѣм. müssen), *плюндровати*—грабить (нѣм. plündern) и т. д.

Черезъ польское же посредство прошли, вѣроятно, въ украинскій и немногія слова мадьярскаго происхожденія, какъ напримѣръ *гайдук*.

§ 130. Третья главная струя въ потокѣ заимствованныхъ словъ, проникшихъ въ украинскій языкъ, — восточная, главнымъ образомъ, татарская.

Восточнаго происхожденія, напримѣръ, въ украинскомъ слова—*гайдамáка* (османск. ḥajdamak—разбойникъ), *лошá*, *лошак*, *кульбáка*—сѣдло, *булат*, *саранá*—саранча, *капшук*—кошелекъ, *торба*—мѣшокъ, *очкур*—шнурокъ для подвязки штановъ, *чéрга*—очередь, *отáра*—большое стадо овецъ, *кавун*—арбузъ, *аркан*, *чекмінь* (родъ верхней одежды), *курган*, *аршин*, *баштан*—бакша, *казан*—котелъ, *бунчук*, *тютюн*—табакъ, *кобза*—извѣстный музыкальный инструментъ, *казак* (тюрк. = свободный), *базар*, *кайдани*—цѣпи, *чобіт*—башмакъ, *аркан*. Что касается вел.-русскаго вліянія на украинскій, то оно не было значительнымъ и ограничивается, главнымъ образомъ, областью восточныхъ украинскихъ говоровъ. Smal-Stockyj считаетъ в.-русскими *юхт*, *шовк;* нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, слова съ а вм. о предъ ударяемымъ слогомъ изъ отмѣченныхъ въ § 47 (какъ *салдат*) также—результатъ этого вліянія.

СОКРАЩЕНІЯ.

б.-р. = бѣлорусскій.

Брокъ Очеркъ = О. Брокъ. Очеркъ физіологіи славянской рѣчи. Энциклопедія славянской филологіи. Выпускъ 5₂ 1910, Спб.

в.-р. = велико-русскій.

др.-ц.-сл. = древне-церковно-словянскій.

діал. = діалектическій.

Дурново Опытъ = Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ съ приложеніемъ очерка русской діалектологіи. Составили Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовъ и Д. Н. Ушаковъ. Москва 1915 г.

Ев. = Евангеліе.

зап.-слов. = западно-словянскій.

Изв. = Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб.

Крымскій Укр. гр. = Крымскій. Украинская грамматика для учениковъ высшихъ классовъ гимназій и семинарій Приднѣпровья. Москва 1907 г.

лат. = латинскій.

Моск. Синод. Библ. = Московская Синодальная Библіотека.

пол. = польскій.

праслов. = праславянскій.

Публ. Библ. = Публичная Библіотека въ Петербургѣ (въ Петроградѣ).

Р. Ф. В. = Русскій Филологическій Вѣстникъ.

редуцир. = редуцированный.

серб. = сербскій.

Соболевскій Лекціи = А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка.

с.-в.-р. = сѣверно-велико-русскій.

соврем. = современный.

сѣв.-укр. = сѣверно-украинскій.

укр. = украинскій.

чакавск. = чакавскій.

чеш. = чешскій.

Энц. сл. фил. = Энциклопедія славянской филологіи, издаваемая Академіей наукъ въ Петроградѣ.

ю.-в.-русс. = южно-великорусскій.

Шахматовъ Курсъ = А. Шахматовъ. Курсъ исторіи русскаго языка (читанъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1908—9 уч. г.), литографированъ.

Шахматовъ Очеркъ = А. А. Шахматовъ. Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка. Спб. 1915. Энциклопедія славянской филологіи. Вып. 11,1.

AslPh. = Archiv für slavische Philologie.

R. Sl. = Rocznik Slawistyczny.

Smal—Stockyj Gramm. = Grammatik der Ruthenischen (Ukrainischen) Sprache von Stephan von Smal—Stockyj und Theodor Gartner. Wien 1913.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВЪ *).

---

*) Цифры обозначаютъ §§§.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дополненія, исправленія и опечатки.

Къ стр. 25, § 38. *Начальное* і сохранилось, какъ звукъ передняго ряда высокій, т. е. *і*, а не *и*: *і* (союзъ), *ігла́, ігра́, ікра́, іма́ти, імя́, іно́* и т. п. Болѣе точно условія сохраненія старымъ і своей передненёбности не выяснены.

Къ стр. 65, § 88. Въ формѣ *вчерашній* общепринятое правописаніе должно, повидимому, понимать въ томъ смыслѣ, что буква *і* обозначаетъ мягкость предшествующаго согласнаго и слѣдующее *и*: правильнѣе было бы писать *вчерашньий*.

Къ 39 стр. 3 св. Вмѣсто грѣсѣ, вьсь, кънязь должно быть *gr'ěs'ě, *vьs'ь, *kъn'ąz'ь.

Въ силу отчасти типографскихъ затрудненій, отчасти недосмотра иногда осталась необозначенной палатальность согласнаго передъ передними гласными въ прарусскихъ формахъ.

Такъ, напримѣръ на стр. 55 mati, matere, zeml'a и т. п. вмѣсто mat'i, mat'er'e, z'eml'a и т. п., на стр. 57 (1 сн.) tel'a вм. t'el'a, на стр. 58 imene, slovese и т. п. вм. im'en'e, slov'es'e и т. п. Слѣдуетъ, вообще говоря, читать согласные передъ палатальными гласными въ прарусскихъ формахъ, какъ палатализованные (ср. прим. на 49 с.). Букву l въ прарусскихъ формахъ должно читать, какъ палатальное l (l'), передъ палатальными гласными и какъ велярное l (ł) передъ твердыми гласными.

Въ силу тѣхъ же типографскихъ затрудненій вмѣсто йотованнаго ѥ и ѭ (церковно-словянскихъ) употреблены ıє и ıѫ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ передъ прарусскими формами пропущена *, знакъ гипотетичности.

Замѣченныя опечатки:

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
6	8, 11 св.	русс.	в.-русс.
7	8 сн.	русс.	в.-русс.
8	17 св.	осінь	осінь
10	9 св.	je, ij	je, ji
21	6 сн.	вър-хом	вър-хомъ
24	6 сн.	ссяти	сяти
27	20 св.	жовчь	жовч
28	14 сн.	по Стоцкому	по Смаль-Стоцкому
30	16 св.	отверденіемъ	отвердѣніемъ
43	2 сн.	піснии	пісний
45	8 сн.	—(imь)	—(jimь)
48	14 св.	осневой	основой
54	13 св.	sluga	sługa
57	8 св.	старая	старыя
—	1 сн.	slovo	słovo
62	16 св.	его	его
64	4 сн.	*novom - jimъ	*novomъ - jimъ
65	16 сн.	(—нīі)	(—нії)
73	14 св.	берещ	берег.